

№ 6 (234). ИЮНЬ 2010

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ В МОСКВЕ.
ФОТОГРАФИЯ И. БУРОВА. 1984 ГОД

АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ

ИЗДАЕТСЯ С 1952 ГОДА

ЖУРНАЛ КОМПЛЕКСА ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ И СТРОИТЕЛЬСТВА ГОРОДА МОСКВЫ

ВЫПИСЫВАЙТЕ И ЧИТАЙТЕ!

Индекс в каталогах "Роспечати" - 72775

Льготную подписку можно оформить непосредственно в редакции

Тел: (495) 912-23-04

e-mail: mosmag@mosjour.ru

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н. М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Учредитель:
Правительство Москвы

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:
Архиепископ Арсений (Епифанов),
А. А. Белай, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов, Д. С. Рунге

Художник-верстальщик:
С. В. Васильева

Редактор:
Е. А. Берг

Редактор-корректор:
Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2010

Адрес редакции: 109004, Москва,
Николаянская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Электронная версия: www.mj.rusk.ru

Свидетельство о регистрации
№ 012120 от 14.04.1999

Подписано к печати 17.05.2010
Печать офсетная
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8

Тираж 5000 экз.

Заказ №

Отпечатано
в типографии ИПО «Лев Толстой»:
300000, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 70

Материалы основных рубрик
рецензируются

В НОМЕРЕ:

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ 2 *Зинаида Петровна Ермакова*
Воин-гражданин
*О реформаторе вооруженных сил
в царствование Александра II,
военном теоретике и историке
графе Д. А. Милютине (1816–1912)*

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ 13 *Александр Николаевич Потапов*
«Железный» хозяин Гусь-Железного
*«Штрихи к портрету» одного из крупнейших
русских металлургов XVIII века
А. Р. Баташева (1729–1799)*

СВЕТ ПАМЯТИ 22 *Наталья Николаевна Малахова*
Дело всей жизни
*Рассказ дочери капитана дальнего плавания,
Героя Социалистического Труда
Н. Н. Малахова (1912–1983) о своем отце*

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА 32 *Александр Александрович Кузнецов*
Разговоры в Федоровке
*О расположенной в этой деревне
бывшей усадьбе актрисы Г. Н. Федотовой
(1846–1925)*

РУССКИЕ СУДЬБЫ 38 *Владимир Алексеевич Корочанцев*
**«Надо, чтобы русские
всегда помнили о русских»**
*О настоятеле храма Покрова
Пресвятой Богородицы в Цюрихе
протоиерее Д. А. Чубове (1878–1956)*

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ 48 *Берта Христиановна Бухарина*
«Метро построено блестяще!»
К 75-летию Московского метрополитена

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 59 *Александр Яковлевич Булгаков*
**Современные записки
и воспоминания мои**
*Отрывки из дневника.
(Продолжение. Начало в № 4–5 за 2010 год)*

ТРУДЫ И ДНИ 73 *Елена Викторовна Харитонова*
Москвы Почетный гражданин
*О заслуженном работнике
транспорта СССР,
начальнике Московской железной дороги
И. Л. Паристом (1930–2005)*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ВЫПИСКИ 81 *«Преданья старины глубокой...»*
*Отрывки из книг Н. Я. Аристовой
«Преданья о кладах» (СПб., 1867)
и П. И. Якушкина «Путевые письма»
(СПб., 1860)*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ 90 *Иван Иванович Магер*
Гипс, дерево, камень...
*О «магическом реализме»
скульптора Д. А. Полякова*

95 *Татьяна Ивановна Тарасова*
**В духе московской
живописной школы**
О художнике В. З. Чумаченко

Зинаида Петровна Ермакова

Воин-гражданин

О реформаторе вооруженных сил в царствование Александра II,
военном теоретике и историке графе
Дмитрии Алексеевиче Милютине (1816–1912)

*П. И. Нерадовский. Портрет Д. А. Милютина.
Холст, масло. 1908 год*

В № 9 «Московского журнала» за 2009 год мы рассказали о видном российском деятеле на ниве общественного устройства Н. А. Милютине (1813—1872). В этой статье речь пойдет о его старшем брате Д. А. Милютине — государственном муже не менее достойном. «Благодарнейший тип воина-гражданина» — так отозвался о нем историк Т. Н. Грановский¹. «В лице графа Д. А. Милютина Россия имела просвещенного военного министра, разностороннего государственного человека выдающегося дарования, опытности, изумительного трудолюбия, редкой чистоты и идеального бескорыстия»². С именем Д. А. Милютина связано коренное переустройство русской армии, среди действующих лиц эпохи «великих реформ» ему по праву принадлежит одно из первых мест.

Дмитрий Алексеевич Милютин родился в Москве в небогатой дворянской семье³. Получив начальное домашнее образование, в 1828 году поступил прямо в 3-й класс Московской губернской гимназии, однако через год отец определяет Дмитрия и среднего сына Николая в Московский университетский пансион. Уже тогда Дмитрий проявлял большой интерес к различным наукам, особенно к литературе: знал наизусть целиком поэмы Пушкина, Жуковского, Козлова, Рылеева, в 11 лет вместе с братом Николаем прочитал всего Карамзина. Он возглавлял ученический литературный кружок, редактировал рукописный журнал «Улей», в котором дебютировал юный поэт М. Ю. Лермонтов, в те же годы учившийся в пансионе. В возрасте 13—14 лет Дмитрий пишет и издает свои первые работы — «Опыт литературного словаря», а также «Руководство к съемке планов с применением математики» (М., 1831), вызвавшее появление двух рецензий — в «Московском телеграфе» и «Северной пчеле». «Северная пчела» обращала внимание «любителей наук на труды молодого человека, обещающего со временем своими талантами, образованием и любовью к наукам сделаться полезным гражданином отечеству»⁴.

Окончив пансион с серебряной медалью, Дмитрий Милютин в 1832 году отправляется в Петербург и определяется на военную службу рядовым, а в 1833-м получает первый офицерский чин — прапорщика — и остается на службе в той же 1-й гвардейской артиллерийской бригаде. В 1835 году он поступил в Военную академию, которую блестяще окончил спустя два года, удостоившись серебряной медали, занесения его имени на мраморную доску и чина штабс-капитана с причислением к Генеральному штабу. В то же время Милютин не прерывает литературной работы, печатает статьи в различных военных, общественных и научных журналах.

Он перевел на русский язык записки наполеоновского маршала Г. Сен-Сира о революционных войнах 1794 и 1795 годов, принял участие в составлении «Энциклопедического лексикона» Плюшара и «Военно-энциклопедического лексикона», написав для этих изданий свыше 150 статей по разделам математики, астрономии, геодезии, механики, физики, военных наук. В «Отечественных записках» (1839. № 4—5) Дмитрий Алексеевич опубликовал статью «Суворов как полководец». Другую его статью — «Русские полководцы XVIII столетия» — не пропустила цензура, так как там критически оценивалась деятельность всех русских военачальников, кроме А. В. Суворова.

**«В ЛИЦЕ ГРАФА Д. А. МИЛЮТИНА
РОССИЯ ИМЕЛА ПРОСВЕЩЕННОГО
ВОЕННОГО МИНИСТРА,
РАЗНОСТОРОННЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДАРОВАНИЯ,
ОПЫТНОСТИ, ИЗУМИТЕЛЬНОГО
ТРУДОЛЮБИЯ, РЕДКОЙ ЧИСТОТЫ
И ИДЕАЛЬНОГО БЕСКОРЫСТИЯ».
С ИМЕНЕМ Д. А. МИЛЮТИНА СВЯЗАНО
КОРЕННОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО РУССКОЙ
АРМИИ, СРЕДИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ
ЭПОХИ «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ»
ЕМУ ПО ПРАВУ ПРИНАДЛЕЖИТ
ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ МЕСТ.**

В конце 1838 года Д. А. Милютин подал рапорт о командировании его на Кавказ и получил назначение состоять при штабе Чеченского отряда, которым командовал известный боевой генерал П. Х. Граббе. В составе этого отряда Дмитрий Алексеевич воевал, был ранен, принимал участие в штурме аула Ахульго — столицы имамата Шамиля. В письме к А. П. Ермолову генерал Граббе так отзывался о своем подчиненном: «Гвардейского генерального штаба штабс-капитан Милютин — один из самых отличных офицеров армии. С умом, украшенным положительными сведениями, он соединяет практический взгляд, и не на одни военные предметы. К тому же примерной храбрости, благороднейших чувств, он во всех отношениях был мне полезен и приятен»⁵.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Ф. А. Рубо. *Штурм аула Ахульго 22 августа 1839 года.*
Холст, масло. 1890 год

Участие в боевых действиях дало возможность молодому офицеру подробно ознакомиться с ситуацией на Кавказе и убедиться в несовершенстве тактики российских войск. Милютин приходит к выводу: необходимо изменить как военно-тактические схемы, так и политику по отношению к горским народам. Экономическое приобщение будет гораздо эффективнее подчинения силой, считает он. Необходимо учитывать интересы горцев — они должны быть уверены в неприкосновенности своей религии, обычаев, образа жизни. Правительству следует направить на Кавказ способных, надежных и честных людей, которые стали бы во главе военной и гражданской администрации. Это мнение только укрепилось в Милютине во время его вторичного пребывания на Кавказе (1843—1845) в должности обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черноморья.

В 1840—1841 годах Д. А. Милютин совершил 13-месячное путешествие по Европе — Германия, Италия, Франция, Англия, Бельгия, Голландия, Швейцария. Италия произвела на него неизгладимое впечатление. Он осматривал памятники древности, посещал картинные галереи, любовался живописными видами;

в Риме в доме князя Волконского слушал чтение Гоголем «Ревизора».

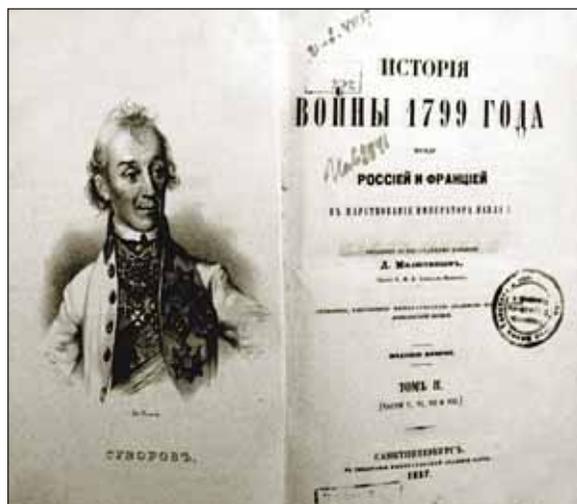
В Париже Дмитрий Алексеевич присутствовал на заседаниях французского парламента, «с напряженным вниманием слушал прения по законопроекту о литературной собственности, восхищался красноречием Ламартина». Из посещений здешних судебных учреждений он «вынес полное убеждение в превосходстве гласного и устного суда над нашим письменным закрытым судопроизводством». В его дневнике появляется запись: «Любя искренне свою родину, я глубоко скорбел, видя на каждом шагу, насколько мы отстали. <...> Я желал бы, чтобы поездка моя за границу имела результатом не одно лишь разъяснение истинного состояния России сравнительно с Европою, но дала бы мне со временем возможность сделаться полезным моему отечеству»⁶.

В 1845 году Д. А. Милютин назначается в Военную академию на открывшуюся вакансию профессора по кафедре военной географии. Вскоре он приходит к выводу о научной несостоятельности этого предмета: «Чем больше <...> я <...> читал и обдумывал, тем более убеждался в том, что составить специальную военную «науку» из одних чисто гео-

графических знаний — немислимо»⁷. В итоге Дмитрий Алексеевич стал основоположником новой дисциплины — военной статистики, которая учитывала (с военной точки зрения) все многообразие сведений о государстве: его территории, населении, государственном устройстве, финансах, вооруженных силах и так далее. Он опубликовал две обстоятельные работы — «Критическое исследование значения военной географии и статистики» и «Первые опыты военной статистики», отмеченные в 1850 году половинной Демидовской премией⁸. 11-летняя его деятельность в академии получила высокую оценку слушателей и профессоров. По отзыву современника, лекции читал он «чрезвычайно увлекательно»⁹.

В 1848 году Д. А. Милютину было высочайше поручено продолжить исследование об итальянском походе А. В. Суворова, к которому едва успел приступить скончавшийся вскоре военный историк А. И. Михайловский-Данилевский. Так появился главный научный труд Милютина — пятитомная фундаментальная «История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I» (СПб., 1853). Эта монография, не утратившая и в настоящее время своей научной ценности, положила начало научному изучению военной истории в России, а ее создатель приобрел репутацию «отца суворовской литературы». Племянник полководца Андрей Иванович Горчаков писал автору: «Как очевидец всех событий 1799 года и действующее лицо я считаю не лишним сказать, что все сочинение Ваше преисполнено истиною и ясностью»¹⁰. По мнению Т. Н. Грановского, «История войны 1799 г. ...» «принадлежит к числу тех книг, которые необходимы каждому образованному русскому, и займет, без сомнения, весьма почетное место в общеевропейской исторической литературе». Изложение событий в монографии «отличается необыкновенной ясностью и спокойствием взгляда, не отуманенного никакими предубеждениями, и тою благородною простотою, которая составляет принадлежность всякого значительного исторического творения»¹¹. Восторженный отзыв (на 50 страницах!) дал в журнале «Москвитянин» М. П. Погодин: «Сокровище приобрела в этой книге новая русская история, современная литература, сокровище приобрела читающая публика, коей славно будет отдохнуть на подвигах чести, мужества, храбрости, силы, талантов. <...>. Сокровище приобрело, наконец, в этой книге военное учащееся юношество, которое найдет себе здесь целый курс в лицах и действиях — не тактики, не стратегии, а науки побеждать, на русском языке, в русском духе, с русскими приемами. <...>

**ГЛАВНЫЙ ТРУД МИЛЮТИНА —
ПЯТИТОМНАЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
«ИСТОРИЯ ВОЙНЫ 1799 Г.
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ
В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I»
(СПБ, 1853) — ПОЛОЖИЛ НАЧАЛО
НАУЧНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ВОЕННОЙ
ИСТОРИИ В РОССИИ, А ЕГО СОЗДАТЕЛЬ
ПРИОБРЕЛ РЕПУТАЦИЮ
«ОТЦА СУВОРОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

Чувство какой-то законной гордости, чувство сознания своего достоинства объемлет невольно душу русского, когда он читает простое, безыскусственное, подлинное описание событий этого времени»¹². Юрист, историк, философ Б. Н. Чичерин считал книгу «замечательной и по основательности исследований, и по таланту изложения, и по господствующему в ней патриотическому духу, чуждому всякой заносчивости и мелкого хвастовства»¹³. В 1900 году, делая обзор литературы об А. В. Суворове, его биограф А. Ф. Петрушевский отмечал, что «этот замечательный военно-исторический труд не утратил до сих пор ни одного из своих многочисленных достоинств. <...> Метод его (Милютина. — *З. Е.*) исследования отличается замечательною основательностью, добросовестностью и критическим талантом»¹⁴. За свою монографию Д. А. Милютин в 1857 году удостоился полной Демидовской премии и избрания членом-корреспондентом Академии наук, а в 1866-м Санкт-Петербургский университет присвоил ему степень почетного доктора

русской истории. Тогда же «История войны 1799 г. ...» была переведена на французский и немецкий языки.

В пору научных занятий и профессорства Милютин близко сошелся с просвещенными людьми петербургского общества, горячо желавшими перемен в своем отечестве. Он часто бывал у брата Николая, у которого собирались единомышленники и друзья — А. П. Заблоцкий-Десятовский, Н. И. Надеждин, К. Д. Кавелин, В. И. Даль, И. И. Панаев, В. Ф. Одоевский, А. А. Краевский и другие, посещал знаменитые «четверги» Великой княгини Елены Павловны и Мраморный дворец Великого князя Константина Николаевича.

Знавшие Милютина отмечали его необыкновенное трудолюбие. «Можно без преувеличения сказать, что из всех страстей человеческих Д. А. Милютин имел одну страсть — трудиться»¹⁵. Ему приписывали такие слова: «Вовсе не надо отдыхать, ничего не делая, нужно только менять работу, и этого довольно. К старому прерванному труду вернешься со свежими силами».

Б. Н. Чичерин, познакомившийся с Дмитрием Алексеевичем, когда тот был профессором академии, писал: «Он очаровал меня с первого раза. Необыкновенная сдержанность и скромность, соединенная с мягкостью форм, тихая и спокойная речь, всегдашняя дружелюбная обходительность <...> все в нем возбуждало сочувствие. Когда же я узнал его поближе, я не мог не почувствовать глубокого уважения к благородству его души и высокому нравственному строю его характера, который среди величайших почестей и соблазнов власти сохранялся всегда чист и независим»¹⁶.

Таким же Милютин был и в частной жизни. Он женился в 1843 году на Наталье Михайловне Понсэ, которую впервые увидел 17 января 1840 года на вершине Везувия во время путешествия по Италии и которая произвела на молодого офицера «небывалое <...> впечатление». С Натальей Михайловной они проживут долгую и счастливую жизнь, у них родится сын и пятеро дочерей. Бывая в Петербурге, Б. Н. Чичерин по воскресеньям обедал у Милютиных: «В этот день он (Милютин. — *З. Е.*) отдыхал от трудов и любил за обедом собирать немногочисленный круг друзей. После обеда Дмитрий Алексеевич раскалывал сахар на мелкие кусочки, и вся его многочисленная семья, начиная со взрослой уже старшей дочери, подходила к нему по очереди, и каждому он клал в рот обмоченный в кофе канарчик. Это был патриархальный обычай, установившийся с младенческого возраста детей и свято сохранявшийся в течение многих лет»¹⁷.

*В. О. Шервуд. Портрет Б. Н. Чичерина.
Холст, масло. После 1860-го года*

В 1853 году военный министр В. А. Долгоруков привлек Милютина к работе в своем ведомстве. И хотя деятельность Дмитрия Алексеевича в годы Крымской войны (1853—1856) носила, по его выражению, «военно-административный канцелярский характер», это, однако, не помешало ему понять причины поражения России и выработать государственный подход к будущим преобразованиям. «Поставленный так близко к главному центру, из которого истекали все общие распоряжения, военные и политические, я имел возможность видеть, так сказать, закулисную сторону ведения войны с нашей стороны и потому более всего имел основание страшиться за будущее. <...> На самые маловажные подробности испрашивалось высочайшее разрешение и утверждение. Едва ли возможно довести военное управление до более абсолютной централизации»¹⁸.

В это же время происходит знакомство Д. А. Милютина с наследником Александром Николаевичем — будущим императором Александром II, под эгидой которого пройдут наиболее плодотворные годы его жизни и государственной деятельности.

После окончания Крымской войны Милютин в третий раз оказывается на Кавказе. По предложению вновь назначенного наместником Кавказа князя А. И. Барятинского он получил пост начальника штаба Кавказских войск и в октябре 1856 года отправился в Тифлис. Им была реорганизована система управления войсками и военными учрежде-

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

ниями края, создана новая четкая структура, представлявшая собой, по сути, штаб военного округа. Он участвовал в штурме аула Гуниб и пленении Шамиля. Присутствовавший при этом художник Т. Горшельт написал картину, где среди русских генералов, принимавших капитуляцию Шамиля, изображен и Д. А. Милютин. Известный государственный деятель, будущий министр народного просвещения А. В. Головнин восторгался: «Вы прежде писали историю, а теперь Вы делаете историю»¹⁹.

После четырехлетней службы на Кавказе указом Александра II Д. А. Милютин назначается товарищем военного министра, а 9 ноября 1861 года утверждается главой ведомства. В течение двух месяцев в результате напряженной работы всего военного министерства и самого министра (он спал не более 5 часов в сутки) была подготовлена общая программа преобразований в армии и 15 января 1862 года представлена Александру II, наложившему на нее резолюцию: «Все изложенное в этой записке совершенно согласно с моими давнишними желаниями и видами».

Реформы начались с реорганизации системы центрального военного управления. До этого значительная часть армии подчинялась не военному министерству, а царю. После реорганизации военное министерство сосредоточило в своих руках все отрасли строевого

и административного управления. Крупным мероприятием явилось введение в 1864 году военно-окружной системы. Территория страны была разделена на 15 военных округов, что обеспечивало оперативное руководство войсками из центра, их самостоятельность на местах и быстрое развертывание в случае войны. Упразднялось старое деление войск на корпуса, высшей тактической единицей стала дивизия.

При содействии Великого князя Константина Николаевича Д. А. Милютину удалось отменить наиболее жестокие виды телесных наказаний, применявшихся тогда в армии, одновременно с принятием гражданского закона об отмене телесных наказаний. Военное ведомство приняло военно-судный устав, основанный на началах гласности и состязательности. Особенно большое внимание уделил Милютин подготовке офицерских кадров. В середине 1860-х годов, когда военно-учебные заведения были подчинены военному министерству, он проводит реформу системы военного образования. Считая раннюю специализацию вредной для формирования личности молодого человека («воспитание отроков и юношей должно совершаться дома и в заведениях гражданских»), министр упразднил кадетские корпуса и создал военные гимназии, представлявшие собой средние учебные заведения с программой, близкой

*И. Ф. Александровский. Русский лагерь под Гунибом.
Холст, масло. 1895 год*

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

*Т. Горшельт. Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 года.
Холст, масло. 1867 год*

**НА КАВКАЗЕ Д. А. МИЛЮТИНЫМ
БЫЛА РЕОРГАНИЗОВАНА СИСТЕМА
УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ И ВОЕННЫМИ
УЧРЕЖДЕНИЯМИ КРАЯ, СОЗДАНА НОВАЯ
ЧЕТКАЯ СТРУКТУРА, ПРЕДСТАВЛЯВШАЯ
СОБОЙ, ПО СУТИ, ШТАБ ВОЕННОГО
ОКРУГА. ОН УЧАСТВОВАЛ В ШТУРМЕ
АУЛА ГУНИБ И ПЛЕНЕНИИ ШАМИЛЯ.**

к курсу реальной гимназии. В результате качество подготовки лиц, поступавших в военные училища, значительно улучшилось. В 1864 году учреждаются двухгодичные юнкерские училища, выпускавшие пехотных, кавалерийских и казачьих офицеров. В конце 1870-х годов военное ведомство имело развитую систему учебных заведений: 6 академий, 6 училищ, 18 гимназий, 16 юнкерских училищ, 8 прогимназий, Пажеский и Финляндский корпуса со специальными классами и приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища. Огромным авторитетом пользовались академии — Николаевская Генерального штаба, Николаевская инженерная, Михайлов-

ская артиллерийская, Медико-хирургическая. В них работали выдающиеся ученые. Так, в артиллерийской преподавали математик П. Л. Чебышев, технолог А. В. Гадолин, баллистик Н. В. Маиевский. Медико-хирургическая, особенно опекаемая Милютиным, являлась признанным центром передовой медицинской и естественно-научной мысли. Ее президентом был видный профессор хирургии П. А. Дубовицкий, ученым секретарем — крупнейший химик Н. Н. Зинин, в числе профессоров — великие русские ученые С. П. Боткин и И. М. Сеченов. При академии действовали анатомо-физиологический и естественно-исторический институты, крупный клинический госпиталь, а с 1872 года — первые в России женские акушерские курсы, где слушательницы получали высшее медицинское образование. В 1867 году открылась Военно-юридическая академия. Именно Д. А. Милютин как военный министр дал разрешение на организацию в Николаевском кавалерийском училище (бывшая Юнкерская школа) первого в России лермонтовского музея.

Не меньше занимало Дмитрия Алексеевича и обучение солдат. Много делалось для здорового физического воспитания нижних чинов, для распространения среди них грамотности. Кроме учебных команд, были заведены ротные школы. По-новому строилась работа

специальных изданий («Солдатские беседы», «Чтение для солдат»), организовывались полковые и ротные библиотеки.

Реформы военного образования Д. А. Милютин проводил, преодолевая противодействие министра народного просвещения (с 1866) Д. А. Толстого. В обществе поговаривали, что «истинным министерством народного просвещения должно считаться не то официальное ведомство, во главе которого стоял Д. А. Толстой, а Военное министерство»²⁰.

В своей деятельности Дмитрий Алексеевич придавал большое значение печати. Именно благодаря его усилиям «Русский инвалид» — орган военного министерства — превратился в серьезную общественно-политическую газету. Милютин «дорожил «Русским инвалидом» как самым удобным средством распространять известного рода идеи не только в военном сословии, но и вообще в публике»²¹.

Одна из таких идей заключалась в том, что рекрутская система, введенная еще при Петре I, полностью изжила себя. Рекрутские наборы распространялись лишь на податные сословия — крестьян и мещан, а около 20 процентов населения освобождалось от воинской повинности. По инициативе Д. А. Милютина в 1862 году в Государственном совете создается особая комиссия, готовившая новые положения призыва на военную службу. Планы введения бессословной воинской повинности приводили аристократию в ярость. Негодовало и купечество, привыкшее откупаться от рекрутчины деньгами. С конца 1860-х годов нападки на «царство Милютина» усилились, в 1873 году оппозиция предприняла последнюю отчаянную попытку отстранить его от управления министерством и отменить уже проведенные реформы. Однако Милютин проявил непреклонность и заявил царю, что «не чувствует в себе достаточных сил, чтобы начать работу в противоположном смысле». Противостояние закончилось победой Дмитрия Алексеевича: Александр II побоялся лишиться своего испытанного министра. В Государственном совете Великий князь Константин Николаевич заставил оппонентов Милютина умолкнуть. 1 января 1874 года император утвердил Устав о воинской повинности и специальный Манифест о нем. Отныне призыву на службу подлежали все здоровые лица мужского пола «без различия званий и сословий», достигшие 21-летнего возраста. Призывникам запрещалось нанимать вместо себя охотников (добровольцев) или откупаться. Зачисление на службу производилось по жребию на сроки, ограничивавшиеся шестью (с 1878 года — четырьмя) годами для сухопутных войск и семью годами для

*Н. А. Лавров. Император Александр II.
Холст, масло. 1860 год*

флота. Устанавливались льготы по семейному положению: от службы освобождались единственные сыновья, единственные кормильцы семей и младшие сыновья, у которых старший брат отбыл или отбывал действительную. Значительные льготы предоставлялись по образованию. Срок службы для лиц с высшим образованием составлял 6 месяцев, для окончивших гимназии — 1,5 года, прогимназии и городские училища — 3 года, начальные школы — 4 года. От призыва освобождалось население Туркестана, Кавказа и Крайнего Севера, отдельные группы колонистов, а также духовные лица всех вероисповеданий, деятели науки и искусства, преподаватели учебных заведений.

Новая система комплектования армии быстро дала свои плоды. Если в 1874 году количество новобранцев составляло 150 тысяч человек, то к 1881 году оно равнялось уже 235 тысячам; к 1900-му вооруженные силы насчитывали более миллиона человек, а численность подготовленного запаса приближалась к 3 миллионам. Задача создания

массовой обученной армии была решена. «Милютин обратил дело защиты Родины из суровой тяготы для многих в высокий долг для всех и из единичного несчастья в общую обязанность»²². Кадровая организация армии, основанная на всеобщей воинской повинности, существует в нашей стране и поныне.

НОВАЯ СИСТЕМА КОМПЛЕКТОВАНИЯ АРМИИ БЫСТРО ДАЛА СВОИ ПЛОДЫ. Д. А. МИЛЮТИНЫМ БЫЛА БЛЕСТЯЩЕ РЕШЕНА ЗАДАЧА СОЗДАНИЯ МАССОВОЙ ОБУЧЕННОЙ АРМИИ. «МИЛЮТИН ОБРАТИЛ ДЕЛО ЗАЩИТЫ РОДИНЫ ИЗ СУРОВОЙ ТЯГОТЫ ДЛЯ МНОГИХ В ВЫСОКИЙ ДОЛГ ДЛЯ ВСЕХ И ИЗ ЕДИНИЧНОГО НЕСЧАСТЬЯ В ОБЩУЮ ОБЯЗАННОСТЬ». КАДРОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ, ОСНОВАННАЯ НА ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ, СУЩЕСТВУЕТ В НАШЕЙ СТРАНЕ И ПОНЫНЕ.

Проверкой жизнеспособности милютинских реформ явилась война с Турцией 1877–1878 годов. Накануне впервые в истории русской армии прошла мобилизация. В короткий для того времени срок — 6 недель — войска сосредоточились в районе боевых действий; на военное положение было переведено 28 дивизий и 5 бригад. Непосредственного участия в руководстве войсковыми операциями Милютин не принимал, однако до конца 1877 года он находился вместе с Александром II при армии и старался «внушить начальникам бережливость на русскую кровь». 31 августа после неудачного третьего штурма Плевны Дмитрий Алексеевич принял участие в обсуждении сложившейся ситуации. Большинство, в том числе и главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич, считало, что нужно отказаться от осады и штурма, пока не прибыли подкрепления. К этому же склонялся и царь. Против такого решения горячо восстал Милютин, указав на возможные пагубные последствия подобного исхода дела. И настоял на своем. После взятия Плевны,

*Д. А. Милютин.
1884 год*

предопределившего победоносное окончание войны, Милютин был награжден орденом Святого Георгия II степени, а по окончании Берлинского конгресса, утвердившего условия мира между Россией и Турцией, — возведен в графское достоинство.

С этого времени роль Д. А. Милютина в правительстве резко возросла, он стал считаться «всемогущим». Александр II не принимал ни одного важного решения, не посоветовавшись со своим министром. В течение трех лет — с 1878 по 1881 год — Милютин являлся неизменным участником важнейших совещаний у царя по внешнеполитическим вопросам и фактически возглавлял эту сферу после ухода в длительный отпуск постаревшего канцлера А. М. Горчакова. «Европейский мир покоится в его руках», — писал в 1879 году Бисмарку министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Ю. Андраши. «Руководящим министром, насколько таковой имеется ныне в России, стал военный министр Милютин», — сообщал тогда же Бисмарк королю Баварскому Людвигу II²³.

После убийства Александра II и вступления на престол Александра III Милютин покинул свой пост. В память 20-летнего управления им военным министерством служащие по добровольной подписке собрали капитал, чтобы учредить премию имени графа Д. А. Милютина для поощрения отличившихся в учебе юнкеров.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

*Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Последний бой под Плевной 28 ноября 1877 года.
Холст, масло. 1889 год*

Выйдя в отставку, Дмитрий Алексеевич с семьей переехал в Крым и поселился на даче в Симеизе. Здесь, в тиши своего «крымского скита», он сажал кипарисы, разводил виноградники, писал воспоминания. При этом зорко следил за происходящим в России, горячо одобрял то, что казалось ему полезным, скорбел о том, что считал вредным. В 1883 году его посетил давний друг — известный юрист А. Ф. Кони: «Из окон кабинета виднелось широко расстилавшееся море, воздух был напоен ароматом растений, вокруг неторопливо совершалась ежедневная работа разумного хозяиничанья, со стен смотрела богатая библиотека, а на столе лежала неоконченная рукопись

с четким красивым почерком хозяина. «Дмитрий Алексеевич, — сказал я под влиянием этого, — чудная природа, спокойный творческий труд, любимая и любящая семья и светлые воспоминания... ведь на этом можно помириться!». По проникнутому мыслью и умом лицу Милютиня, подобно змейке, скользнуло болезненное выражение и, помолчав немного, он сказал: «Да, если быть эгоистом»²⁴.

Но об эгоизме в отношении Милютиня говорить невозможно, и его жизнь в Крыму отнюдь не походила на дачное прозябание отставника. В 1880—1890-х годах он встречался с Александром III и Николаем II, Великим князем Константином Николаевичем, министром финансов

*Симеиз.
Почтовая
открытка
конца XIX
— начала
XX века*

С. Ю. Витте, министрами иностранных дел Н. К. Гирсом и В. Н. Ламздорфом, дипломатами А. Г. Жомини, А. И. Нелидовым, П. А. Шуваловым. Темами их бесед служили важнейшие вопросы внутренней и внешней политики России. Дмитрий Алексеевич писал воспоминания, приводил в порядок архив, который собирал с молодых лет. Совершил большое путешествие за границу — посетил Египет, Палестину, почти все европейские страны. В 1898 году присутствовал на открытии памятника Александру II в Москве. 16 августа 1898 года его произвели в генерал-фельдмаршалы. В рескрипте Николая II по этому поводу говорилось: «Обновленная и преобразованная армия испытала боевое крещение в минувшую турецкую войну 1877—1878 гг. и на обоих театрах военных действий в Европе и в Азии одинаково явила подвиги мужества, терпения и самоотверженной преданности Государю и Родине»²⁵.

30 ноября 1911 года в Симеиз прибыла делегация Военной академии, чтобы приветствовать своего почетного президента в связи с необычным юбилеем — 75-летием со дня окончания академического курса. Ординарный профессор академии генерал-лейтенант Г. Г. Христиани вспоминал: «Не успела делегация войти в небольшую гостиную, не успела осмотреться, как из дверей кабинета быстрою, бодрою походкою, без палки, немного лишь согнувшись, вышел граф. С замечательно при-

ветливою улыбкою, с редким радушием пожал он руки членам депутации. <...> Депутация была поражена его внешним видом: бодрый, веселый, с быстрыми движениями, с светлым, ясным взглядом своих необыкновенно добрых глаз, он казался стариком лет 70—75, не более, т. е. лет на 20 моложе действительного своего возраста. <...> Членов депутации поразили ясность ума графа, его правильные взгляды как на давно прошедшие, так и на настоящие события, его интерес положительно ко всем явлениям современной жизни, его необыкновенная память, позволявшая ему так здраво говорить и судить как о лицах и делах давно прошедших, так и о событиях ближайшей нам эпохи. По всем вопросам Дмитрий Алексеевич составил свое мнение, высказываемое им ясно, точно, кратко, определенно, как высказывал он его всегда в лучшие годы своей жизни, во времена своей кипучей государственной деятельности»²⁶.

Вскоре после этого Д. А. Милютин скончался, пережив свою супругу всего лишь на три дня. «Долгая совместная жизнь, исполненная взаимного участия и нежной любви, связывала их, и по милосердию судьбы они догорели и потухли, как венчалые свечи, одновременно и трогательно»²⁷. Похоронили Дмитрия Алексеевича в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря рядом с матерью и братом Николаем.

¹Цит. по: Барсуков Н. И. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 12. СПб., 1898. С. 357.

²Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. СПб., 1907. С. 854.

³О семье Милютиных см.: Ермакова З. П. Совершитель // Московский журнал. 2009. № 9. С. 16—25.

⁴Северная пчела. 1831. № 198.

⁵Дневник Д. А. Милютина. 1873—1875 гг. М., 2008. С. 342—343.

⁶Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816—1843. М., 1997. С. 368—370, 420.

⁷Воспоминания Д. А. Милютина. 1843—1856. М., 2000. С. 104.

⁸Учрежденная в 1831 г. уральским промышленником П. Н. Демидовым премия была двух видов — полная (5000 руб.) и половинная (2500 руб.).

⁹Русская старина. 1903. № 6. С. 531.

¹⁰Бородкин М. Граф Д. А. Милютин в отзывах его современников. СПб., 1912. С. 8.

¹¹Сочинения Т. Н. Грановского. Т. II. М., 1892. С. 314.

¹²Москвитянин. 1853. № 4. С. 159—160.

¹³Русское общество 40—50-х гг. XIX в. Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 91.

¹⁴Цит. по: Бородкин М. Указ. соч. С. 9.

¹⁵Русская старина. 1897. № 3. С. 586.

¹⁶Воспоминания Б. Н. Чичерина. С. 91.

¹⁷Там же. С. 93.

¹⁸Воспоминания Д. А. Милютина. 1843—1856. С. 299.

¹⁹Родина. 1994. № 3—4. С. 127.

²⁰Жервэ Ник. Граф Д. А. Милютин. СПб., 1906. С. 31.

²¹Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 312—313.

²²Кони А. Ф. Собр. соч. в 8 тт. Т. 5. М., 1968. С. 225.

²³Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1911. С. 619, 627.

²⁴Кони А. Ф. Указ. соч. С. 229.

²⁵Цит. по: Бородкин М. Указ. соч. С. 26—27.

²⁶Цит. по: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816—1843. С. 469—470.

²⁷Кони А. Ф. Указ. соч. С. 237.

Александр Николаевич Попов

«ЖЕЛЕЗНЫЙ» ХОЗЯИН Гусь-Железного

«Штрихи к портрету» одного из крупнейших
российских металлостроителей XVIII века
Андрея Родионовича Баташева (1729–1799)¹

Герб Баташевых

Проехав от Рязани 140 километров по мещерским лесам в сторону Касимова, автобус вырывается на простор, и глазам открывается панорама поселка Гусь-Железный с его замечательной белокаменной Троицкой церковью, устремившей к небу свои кресты и купола. Странное впечатление производит это величественное сооружение. Откуда взялся здесь, в мещерской глубинке, огромный храм, в архитектурных формах которого читается нечто готическое, средневековое, таинственное?

Рязанский поэт Евгений Маркин, уроженец Касимовского района, писал:

*Как музейная картина—
Белый замок в парке старом.
Гордо высится плотина
Над могучим крутояром.
И, стыдясь своих заплаток,
Возле церкви поднебесной
Жметя куцый строй палаток.
Гусь-Железный... Гусь-Железный...²*

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

В середине XVIII века этому глухому месту суждено было стать одним из центров металлургического производства России.

...Медлительно несла свои воды сквозь темный бор речка Гусь, на берегу которой притулились бедные крестьянские избы. Название реке дали жившие здесь когда-то финно-угорские племена — от слова «куз», или «кууси», что означало «ель», «Еловая река»³. Русские поселенцы переименовали название по-своему — Гусь.

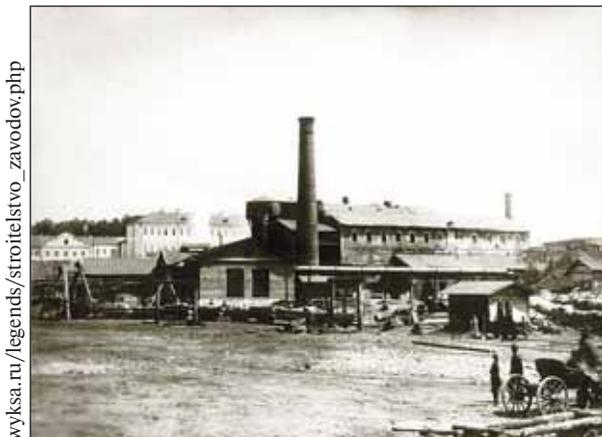
Издавна в окрестных лесах промышляли «дудочники»-рудознатцы, рывшие ямы — «дудки» — для добычи болотной руды и выплавлявшие из нее железо. Со временем тут обосновались расторопные и хваткие предприниматели Андрей и Иван Баташевы. Их дед, тульский кузнец-оружейник Иван Тимофеевич Баташев, служил приказчиком у Никиты Демидовича Антуфьева — основателя знаменитой династии горнозаводчиков Демидовых. Баташев купил землю на реке Тулице, построил завод, сын Родион продолжил его дело... Но тут грянул сенатский указ 1754 года, запретивший деятельность металлургических заводов в радиусе 200 верст от Москвы (видимо, наши предки знали толк в экологии, хотя и слова такого не ведали). Тогда сыновья Родиона Баташева Андрей и Иван подались в мещерские края.

В 1758 году братья купили у дворянской вдовы А. В. Суворовой деревни Веркуц (Веркутец) и Халтурино в Гусевской волости, неподалеку от города Касимова — бывшей столицы удельного татарского царства. Предприниматели подали прошение в Берг-коллегию о намерении «в крепостных своих

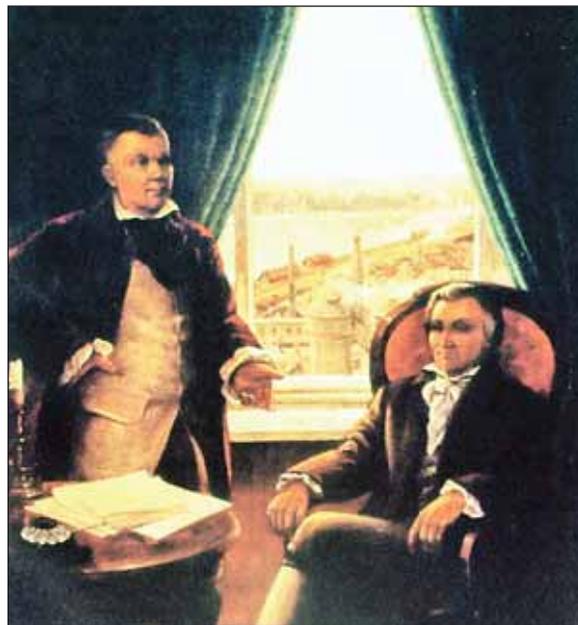
дачах на реке Гусь построить собственным своим коштом вновь железный водяной завод»⁴. Разрешение последовало, и Баташевы взялись за дело. Для работы завода в больших количествах требовалась вода; пришлось возвести плотину из тесаного камня, запрудившую реку. Плотина представляла собой выдающееся по тем временам произведение инженерного искусства — она достигала в длину 230 сажен и была снабжена шлюзами, стоками и другими приспособлениями. Образовалось обширное озеро среди соснового бора площадью около двух с половиной тысяч гектаров⁵. (В 1903 году в докладе Московского археологического общества о плотине сообщалось, что «равной ей по оригинальности устройства и ценности трудно найти во всей России»)⁶. Одновременно велось строительство металлургического завода «об одной домне с пристойным числом молотовых фабрик»⁷. Источником двигательной силы для заводских молотов и других механизмов стал напор воды, созданный плотиной.

Уже в 1759 году началась выплавка чугуна. Постепенно предприятие расширялось, и в последующем Гусевский завод вырабатывал до 110–130 тысяч пудов чугуна и до 90–120 тысяч пудов железа в год⁸. Еще раньше (1755) заработал баташевский завод на реке Унге при селе Ермолово Касимовского уезда Шацкой провинции⁹.

Однако между братьями Баташевыми возникли трения. Иван Родионович был кроткого нрава, Андрей же Родионович слыл за человека свирепого и отличался самодурством. Поскольку сенатский указ 1762 года не раз-

Выкса. Вид на верхний завод и дом Баташевых. Фотография начала XX века

Ю. В. Гальянов. Портрет братьев Андрея и Ивана Баташевых

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

*Б. В. Иогансон. На старом уральском заводе.
Холст, масло. 1937 год*

решал людям, не принадлежащим к дворянскому сословию, покупать земли и владеть крепостными, Баташевы оформляли соответствующие сделки через подставных лиц и всеми правдами и неправдами старались получить дворянство. Добившись наконец своего, они решили разъехаться. Младший, Иван, остался в Выксе, а Андрей в 1785–1786 годах переселился с семьей на Гусевский завод.

Пользуясь отдаленностью от губернского центра, Андрей Родионович начал активно скупать земли вокруг заводского поселка. Местных крестьян он сгонял на завод или заставлял нести иные повинности для своего предприятия: заготавливать лес, добывать смолу, жечь древесный уголь. Со временем деревня Веркуц слилась с поселком, который получил название Гусь-Баташевский, а затем — Гусь-Железный (в отличие от Гусь-Хрустального соседней Владимирской губернии).

Менее чем за два года на облюбованном Баташевым месте в дремучем лесу выросла усадьба-крепость, обнесенная каменной стеной двухсаженной высоты с башнями

и воротами из литых чугунных брусьев. Двухэтажный каменный барский дом практически не имел украшений (за исключением скромного портика) и напоминал своим видом сундук. Рядом располагались усадебные службы, несколько флигелей, заводская контора, оранжерея. При доме был обширный сад со зданием домашнего театра, также обнесенный стеной высотой 5–7 метров¹⁰. К саду примыкала прямая длинная улица, где, в отличие от неказистых поселковых строений, стояло несколько флигелей из серого камня. Эта слобода носила странное название — Вышвырки. Сюда на жительство определяли тех, кого «вышвыривали» из баташевской усадьбы — «не провинившихся, нет — с теми была другая «расправа», а просто малоусердных или неспособных «сподвижников». Несмотря на то, что им давалась усадьба, строился хороший дом и они зачислялись рабочими на завод, все же такое «изгнание из рая» считалось позорным, и жители «Вышвырок» никогда не могли утешиться в том, что им не приказано являться пред «светлые очи» властелина, которые <...> были похожи на глаза тигра,

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

*Гусь-Железный. Фотографии конца XIX — начала XX века
из книги: Мишаков А. М. «На просторах Мещеры. Гусь-Железный». Рязань, 2007*

Завод

Доменная печь завода

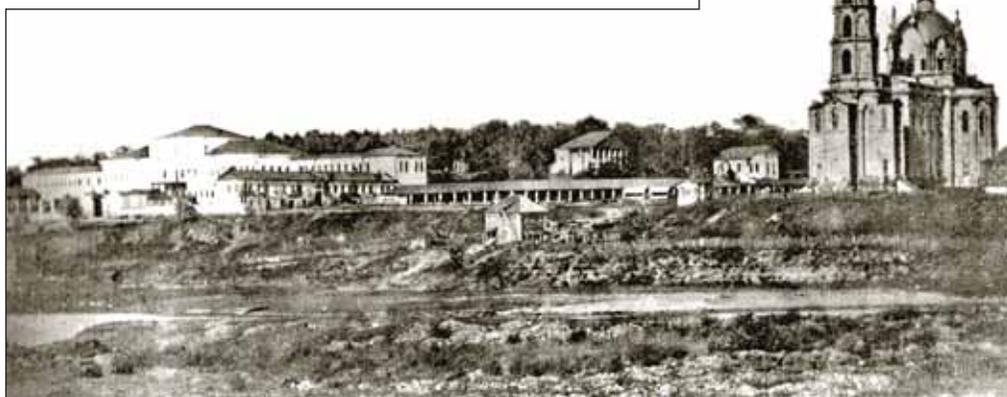
Один из шлюзов завода

Базарная площадь

*Здания театра
и лимонной оранжереи*

*Усадебный
комплекс*

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

если не самого «сатаны», как его рисует народное представление»¹¹.

Под усадьбой существовало вместительное подземелье — каменный подвал в два этажа с чугунными дверями и железными засовами. У въезда на плотину возвышалась сторожевая башня, на шпигеле которой красовался изготовленный из железа гусь. Резиденция Баташева, получившая в народе название «Орлиное гнездо», располагалась на обширной поляне в густом лесу и занимала внушительную площадь. Дворовых людей насчитывалось 175 человек. Все это напоминало скорее замок средневекового феодала, чем поместье русского землевладельца конца XVIII столетия.

До нас дошли жуткие подробности из жизни «гусевского самодура». «За огромным, в два этажа, барским домом разводился парк и сад, который еще при жизни Андрея Родионовича получил название «страшного сада». Посредине его был устроен «позорный столб», к которому привязывали «провинившегося» для наказания плетью перед лицом всей дворни (надо полагать — «для назидания»), после которого убивали уже мертвое тело. <...> У этого же столба по 2–3 дня морили голодом и жаждой привязанных, как собак, людей, а зимой часами держали босых и в одних рубахах. <...> Здесь же производилась «потеха» — борьба с медведем, на которую выходил любоваться «сам» со своими гостями»¹².

По легенде, баташевский дом был построен таким образом, что одно его крыло находилось на территории Рязанской губернии, другое — Владимирской, и если приезжали чиновники вести следствие по тому или иному поводу (поводов хозяин давал предостаточно), Баташев уходил в другое крыло, а неожиданным гостям докладывали, что хозяин отбыл в соседнюю губернию¹³.

Рассказывали, что Андрей Родионович был падок до женского пола, часто устраивал оргии в «павильоне любви», а жену свою, Афимью Семеновну, происходившую из тульского купеческого рода Пальцовых, тихую кроткую женщину, презрительно называл «купчихой» и запрещал ей показываться на людях, выходить к гостям. Гости же навевались в имение Баташева частенько: окрестные помещики с женами и дочерьми, представители местных властей. После обильного застолья изрядно подвыпившая компания каталась в лодках по озеру или отправлялась на охоту. По вечерам в баташевском театре устраивались представления, причем ставились не только «пасторали»,

но и балетные сцены. Все «артисты» и «танцорки» набирались из числа крепостных. Вино лилось рекой, а ночью начиналось действие в «павильоне любви».

Как-то раз в одной из соседних усадеб Баташеву приглянулась дочь помещика, которая вышла угощать грозного гостя, приехавшего к захолустному землевладельцу, чтобы уговорить того продать свое имение. «Барин-разбойник» был поражен красотой девушки и заявил опешившему отцу, что женится на ней немедленно. И женился (что мог поделаться отец девушки против воли всемогущего Баташева!), заставив местного священника обвенчать себя со своей избранницей — при живой-то жене! Свадебный пир устроили не просто пышный — царский. Гуляла вся Рязанская губерния. Огромная усадьба Баташева с трудом вмещала съехавшихся гостей. Праздничный стол, накрытый на 810 кувертов, ломился от яств.

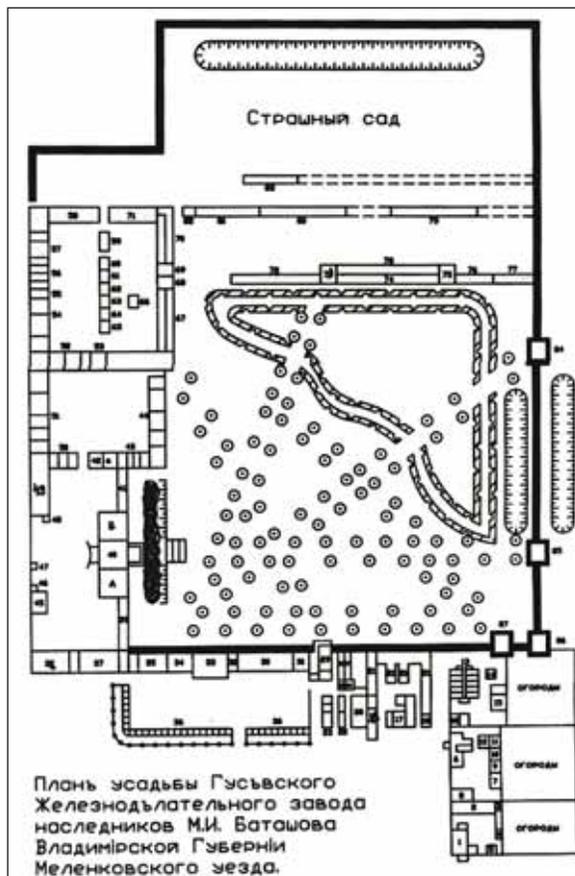
Между тем баташевские чугунолитейные и железоделательные заводы набирали мощь, богатство хозяина росло. В 1780-х годах численность рабочих людей на Гусевском заводе составляла 855 человек, затем перевалила за тысячу. Говорят, что владелец пользовался благосклонностью Григория Александровича Потемкина, фаворита Екатерины II, потому и получал государственные заказы на литье пушек, бомб, ядер, корабельных якорей, ажурных садовых решеток, подсвечников... Для охраны имения и заводов Баташеву разрешалось держать «собственный егерский полк — людей в полторы тысячи»¹⁴. В полк набирались люди под стать хозяину. Новоявленные «опричники» пороли неугодных, грабили население, рыскали по округе, нагоняя страх на местных жителей. По Муромскому тракту стало страшно ездить не только купцам, но и помещикам.

О темных делах «гусевского самоуправца» рассказывали страшные истории. Как-то раз он позарился на владение соседнего касимовского князька, которое тот никак не хотел продавать. Наконец сошлись на баснословно завышенной цене. Баташев пригласил татарина в гости. Оформили купчую, славно отпраздновали сделку, а домой незадачливый сосед Баташева так и не вернулся. Поговаривали, что его застрелили и бросили в воду с камнем на шею. У другого своего соседа заводчик землю попросту отнял. Дождавшись, когда помещик уедет в город, Баташев со своими «опричниками» нагрянул в его деревню, всех жителей насильно увез на завод, а избы спалил и велел перепахать все это место. Вернувшийся

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

*Усадебный дом А. Р. Баташева.
Фотография из книги:
«Рязанские усадьбы и их владельцы»
(Рязань, 2006)*

План усадьбы

*Усадебный дом А. Р. Баташева.
Фотография из книги: А. М. Мишаков «На просторах Мещеры. Гусь-Железный»
(Рязань, 2007)*

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

из города помещик глазам не поверил: деревни нет как нет, кругом поле...

Приезжавшие разбираться чиновники мало что могли сделать — связи у Баташева в столице были «железные» (во многом, как говорят, благодаря его масонству). А некоторые чиновники в его усадьбе и вовсе бесследно исчезали.

А вот еще одно старинное предание. «Однажды вечером несколько сот рабочих были вызваны к «самому» в громадный зал «хором». Что им говорил Баташев, и поднесь не знает никто, кроме напутственных слов, сказанных уже на крыльце: «Коли волю мою будете исполнять усердно, награда на весь ваш век, но ежели кто-нибудь слово пророчит хоть во сне или попу «на духу», то сделаю, что покойники в гробу перевернутся!» <...> На следующий день все рабочие были разделены на две партии, одна из которых с наступлением ночи исчезла за чугунными воротами барской усадьбы и вышла из них только через сутки, когда ей на смену вошла вторая партия. Усталые и мрачные выходили рабочие со своего «дежурства», но никто ни о чем не смел их спрашивать — слишком трепетали все перед грозным владыкой. <...> Чугунные ворота день и ночь охранялись стражей, и ничей любопытный глаз не мог проникнуть за стены усадьбы без воли властелина. Впрочем, днем там все носило обыденный характер, и только с наступлением ночной темноты наступала кипучая загадочная деятельность, продолжавшаяся почти год. <...> Неизвестно, кто был смельчак, решивший выслеживать «барских рабочих», но все же вскоре узнали, что ровно в полночь 150 человек <...> отправлялись к одной из башен, помещавшейся в задней стене парка, и исчезали за ее дверями, а оттуда один за одним выходила другая половина и безмолвно рассыпалась по своим домикам. Долгое время напрасно старались попытаться от кого-нибудь из этих рабочих, куда они ходят ночами и что делают, но и от пьяных даже получали один ответ, что, мол, своя голова еще не надоела, а «с нашим барином шутки плохи». Некоторые отвечали угрозой доложить «самому» об излишнем любопытстве дворовых, после чего всякие расспросы прекратились, и эта сторона деятельности Баташова так и осталась бы скрытой от всех (он умел выбирать своих помощников и агентов), если бы и здесь, как не однажды бывало в истории, не замешалась женщина»¹⁵.

А дело было так. Один из «ночных» рабочих без ума влюбился в заводскую девушку Грушеньку. Известно: любовь и ревность

по одной тропинке ходят. Грушенька стала ревновать своего возлюбленного, который неизвестно где пропадал сутками, и поставила условие: или рассказывай всю правду, или уйду от тебя к другому. Что оставалось влюбленному парню? Проболтался он своей «лапушке» о тайных делах хозяина. Да и как было умолчать, если сторавшая от любопытства девушка побожилась, что будет хранить тайну до самой смерти? Смерть-то между тем рядом бродила... По заводской слободе поползли слухи: в подземных хорамах у барина устроен монетный двор, где день и ночь чеканят золотые червонцы. Вскоре болтливая Грушенька и ее доверчивый возлюбленный бесследно исчезли — никто никогда их больше не видел...

В Гусь-Железный нагрянуло следствие. Но Баташев и тут избежал наказания: заранее проведая о приезде проверяющих, он приказал открыть шлюзы и затопить подземелье вместе с находившимися там людьми.

Сама смерть гусевского заводчика окутана тайной. Поговаривали, что император Павел I, узнав о бесчинствах Баташева, повелел его арестовать. Тут-то уж не отвертись... Узнав о царском повелении, Баташев принял яд. Так это или нет — доподлинно неизвестно. Но, скорее всего, он умер от свирепствовавшей в ту пору холеры.

После смерти хозяина заводов начался затянувшийся на долгие годы дележ имущества между наследниками, поскольку завещания Андрей Родионович не оставил. Постепенно некогда знаменитый род горнозаводчиков Баташевых угас.

* * *

До сегодняшнего дня от «Орлиного гнезда» мало что сохранилось. По плотине пробегает асфальтированное шоссе. Шлюзов и прочих гидротехнических сооружений давно нет. Усадебный дом по-прежнему белеет огромной длинной глыбой на берегу реки Гусь. Прочие постройки разрушились, а таинственные баташевские подвалы и вовсе существуют лишь в легендах.

И, наконец, — великолепная белокаменная Троицкая церковь — двухъярусная, с купольным восьмериком и высоко вознесшейся к небу колокольней. По местному преданию, церковь построил А. Р. Баташев. На самом же деле храм возводился в 1802—1868 годах уже при наследниках «барина-разбойника».

«По основной части здания вполне можно составить представление о том, какими архитектурными идеалами вдохновлялись

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

*Вид с Троицкой церкви на поселок.
Фотография С. И. Новикова
из архива рязанского издательства «Пресса» (2009)*

Некрополь семьи Баташевых в Гусь-Железном. Фотография 2007 года

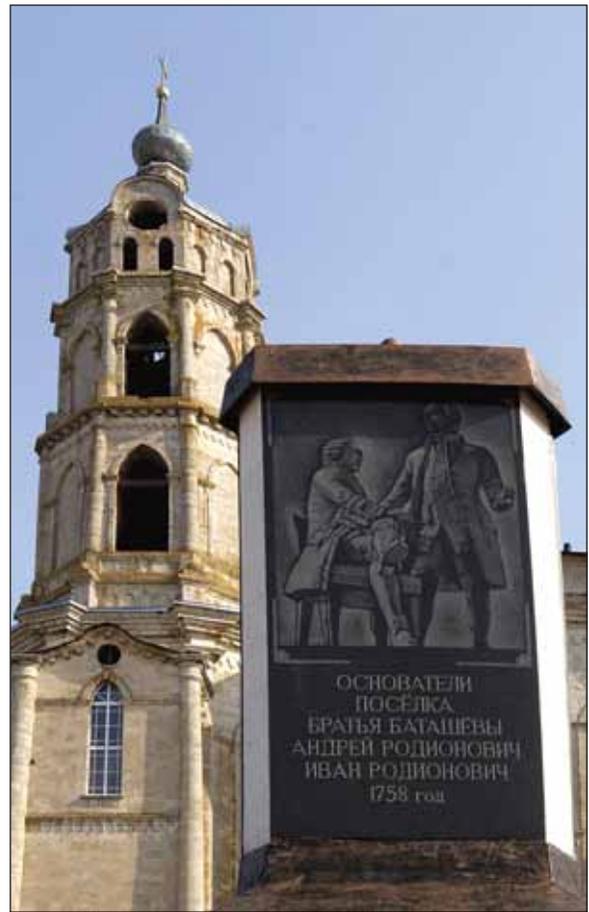
ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

и заказчик, и автор проекта. Они черпали их в средневековой архитектуре. Троицкая церковь производит именно такое впечатление. Она колоссальна, как будто перед нами не усадебный храм, а городской собор. <...> Церковь сложена не из кирпича, а из белого камня (на самом деле стены храма выложены из кирпича и облицованы белым камнем. — *А. П.*), и, что самое интересное, сочетает в себе черты барокко, классицизма и псевдоготики. От барокко идет ее сложный облик с полукруглыми выступами, скошенными гранями, нишами; <...> от классицизма — спокойное завершение, ясный по форме купол; от псевдоготики — стрельчатые проемы, фронтоны-закомары граней восьмерика, <...> фиалы. Во второй половине XVIII века любили такие романтические образы. Но в Троицкой церкви все это носит характер некой модернизации. По-видимому, венчающие части постройки пострадали и были заменены маловыразительными главками»¹⁶.

Кто из зодчих приложил руку к возведению Троицкой церкви — до сих пор неизвестно. Высказывалось предположение, что автор проекта — касимовский архитектор И. С. Гагин, однако противники данной версии утверждают: Гагин был убежденным «ампириком», а тут отчетливо заявляют о себе иные архитектурные стили. Возможно, Гагин вел строительство по проекту другого зодчего. Но кто он, этот зодчий, создавший гусевское диво? Некоторые исследователи полагают, что к проектированию Троицкой церкви причастен В. И. Баженов, работавший по заказам А. Р. Баташева в Москве. Называется также имя другой архитектурной знаменитости того времени — М. Ф. Казакова, который во время наполеоновского нашествия уехал из Москвы в Рязань.

Памятный знак основателям поселка братьям Баташевым.

*Фотография С. И. Новикова
из архива рязанского издательства
«Пресса» (2009)*

В любом случае гусевский храм уникален как своей архитектурой, так и внутренним убранством. После революции он был закрыт, в 1999 году — возвращен Русской Православной Церкви. В настоящее время в храме вновь звучат молитвопения...

¹Годы жизни А. Р. Баташева в разных источниках приводятся по-разному.

²*Маркин Е. Ф.* Разница во времени. Стихотворения. М., 1981. С. 41–42.

³*Бабурин А. В.* Селения Касимовского района. История названий. Рязань, 2002. С. 16.

⁴На земле Рязанской. М., 1968. С. 76.

⁵Рязанская энциклопедия. Т. 1. Рязань, 1999. С. 283.

⁶*Чекина Л. П.* Орлиное гнездо: были и предания. Шацк, 2003. С. 3.

⁷Города и районы Рязанской области. Историко-краеведческие очерки. Рязань, 1990. С. 152–153.

⁸Рязанская энциклопедия. Т. 1. С. 282–283.

⁹Там же. С. 90–91.

¹⁰*Вагнер Г. К., Чугунов С. В.* Рязанские достопамятности. М., 1989. С. 41–42.

¹¹*Чекина Л. П.* Указ. соч. С. 8.

¹²Там же. С. 6.

¹³*Вагнер Г. К., Чугунов С. В.* Указ. соч. С. 42.

¹⁴*Чекина Л. П.* Указ. соч. С. 5.

¹⁵Там же. С. 7–12.

¹⁶*Вагнер Г. К., Чугунов С. В.* Указ. соч. С. 43–45.

Наталья Николаевна Малахова

Дело всей жизни

Рассказ дочери капитана дальнего плавания,
Героя Социалистического Труда
Николая Никитича Малахова (1912–1983)
о своем отце

*Николай Никитич Малахов.
Фотография 1978 года*

С детских лет полюбив море, он связал с ним всю свою жизнь. Начал плавать матросом, стал штурманом, капитаном дальнего плавания, возглавил Дальневосточное пароходство, а затем — весь морской торговый флот СССР.

Бережно храню его дневники, вырезки из газет, фотографии, рукопись автобиографической книги с множеством фотографий (была издана в сокращенном виде под названием «Далекое-близкое» в 1979 году), из которой ниже приводятся выдержки.

...Родился папа во Владивостоке. Церковноприходская школа, в которой он начал учиться, в 1922 году реорганизовалась в Советскую трудовую школу, так как Дальневосточная республика была включена в состав РСФСР. На всю жизнь запомнился пионерский отряд, с которым папа исходил в походах все окрестности Владивостока. На двух старых списанных судовых шлюпках отправлялись в море под парусами. Под парусом были пройдены залив Петра Великого, острова Попова, Рейнеке, Рикорда, Римского-Корсакова, бухты и заливы Славянка, Посьет, Витязь — на тот момент еще необжитые и нетронутые. «Возможно, тогда и зародилась во мне тяга к морю, к морской профессии». Любил папа и тайгу. Не пропускал ни одной лекции Владимира Клавдиевича Арсеньева, рассказывавшего о своих путешествиях вместе с Дерсу Узала по Уссурийской тайге.

После 10 класса не раздумывая папа поступает в Морской техникум. Каждое лето проходила практика на различных судах, вырабатывался «морской характер», приобретался опыт пользования навигационными приборами.

В 1932 году на Дальнем Востоке создается Особая Северо-Восточная полярная экспедиция, которая «открыла новый этап в истории северо-восточного мореплавания и внесла существенный вклад в решение задач по освоению Северного пути». Всего в состав экспедиции включили восемь судов Дальневосточного пароходства: грузопассажирские суда «Север», «Анадырь», лесовозы «А. Микоян», «Урицкий», «Красный Октябрь», флагман ледорез «Ф. Литке», две железные баржи; также экспедиции придавался гидросамолет и самолет «Савойя-62» — летающая лодка. Папу в числе других его однокурсников назначили матросом первого класса на «Урицкий»: это была не только работа, но и учебная практика. Возглавлял экспедицию известный полярный гидрограф, капитан дальнего плавания Н. И. Евгенов. Никогда раньше в Арк-

Н. Н. Малахов — матрос 1 класса.

Фотография 1932 года

тику не отправлялось сразу такого количества судов, грузов и людей.

В своей книге папа очень интересно описывает работу экспедиции. Перескажу лишь некоторые эпизоды.

«Урицкий» сжало льдами в районе острова Айон. Решили зимовать в условиях дрейфа в открытом море. После сильного сжатия «Урицкий» накренился да так и остался на всю зимовку (а она продлилась 18 месяцев) с креном в 10 градусов. На судне не было отопления и света из-за отсутствия угля для топки котлов. Жилые помещения утеплили — стены обшили досками и засыпали шлаком. Главную машину и вспомогательные механизмы законсервировали. Для обогрева установили печи-камельцы в каютах, коридорах, столовой, кают-компаний. Все время горели керосиновые лампы, потому что стояла полярная ночь. Столбик термометра уходил в шарик — это означало, что температура воздуха опускалась ниже 50 градусов.

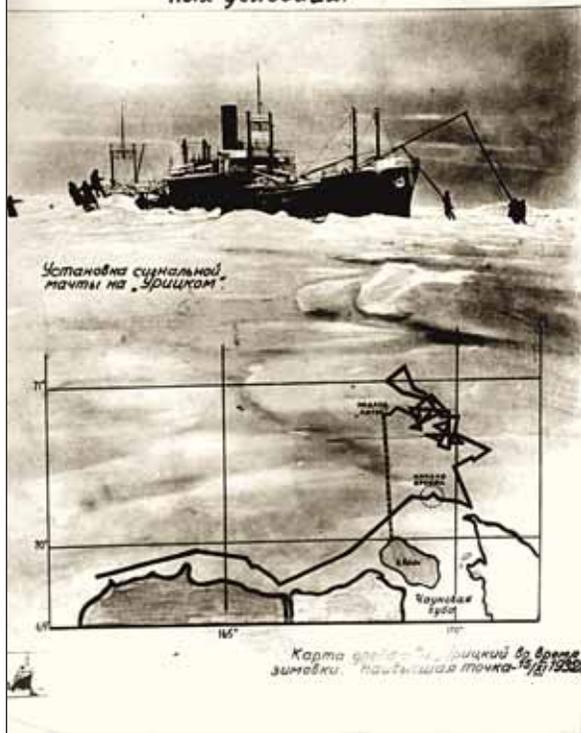
Помимо исполнения своих обязанностей по работе, папа вместе с однокурсниками регулярно занимался (преподавали штурман и механики). Из-за частых сжатий льда появлялись трещины, ледовые барьеры поднимались на высоту до 10 метров. Началась цинга. Для предохранения от нее ели строганину — тонко нарезанное свежемороженое мясо оленя.

После того, как вышли из дрейфа, продвижению судов препятствовали огромные неподвижные глыбы льда. От столкновений с ними на «Урицком» обломались лопасти винта. В ледяной воде, ночью, в пургу,

СВЕТ ПАМЯТИ

Пароход «Урицкий» — дрейф и зимовка 1932 года

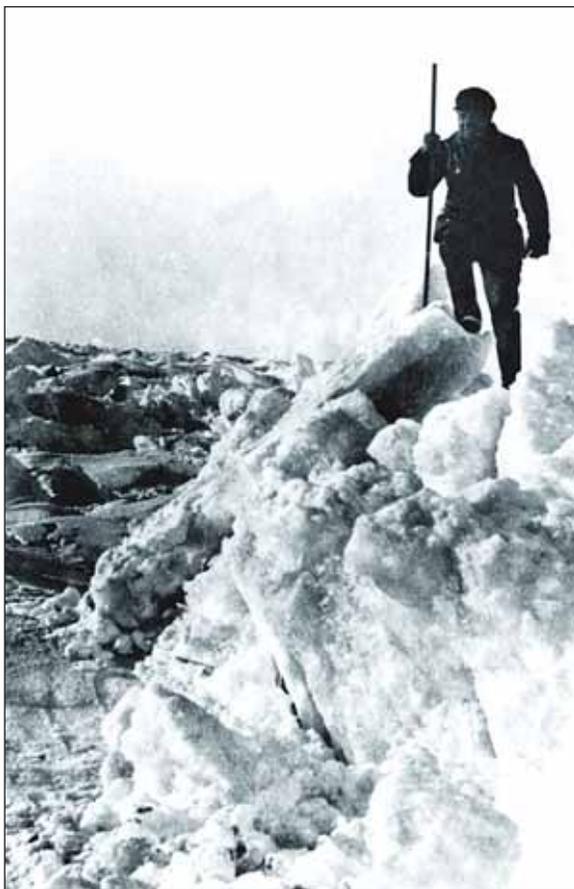
В течение десяти суровых месяцев длился дрейф п/х «Урицкий» в необычайно тяжелых и опасных условиях.

«Урицкий» сжало льдами...»

Начало зимовки

Матрос Малахов

«УРИЦКИЙ» СЖАЛО ЛЬДАМИ
В РАЙОНЕ ОСТРОВА АЙОН.
РЕШИЛИ ЗИМОВАТЬ
В УСЛОВИЯХ ДРЕЙФА
В ОТКРЫТОМ МОРЕ. <...>
ЭТО БЫЛА ТЯЖЕЛАЯ, СУРОВАЯ,
НО БЕСЦЕННАЯ ШКОЛА МУЖЕСТВА
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
МАСТЕРСТВА.

Фотографии 1932 года

СВЕТ ПАМЯТИ

в дрейфующем льду экипажу удалось установить запасной винт, весивший 4 тонны...

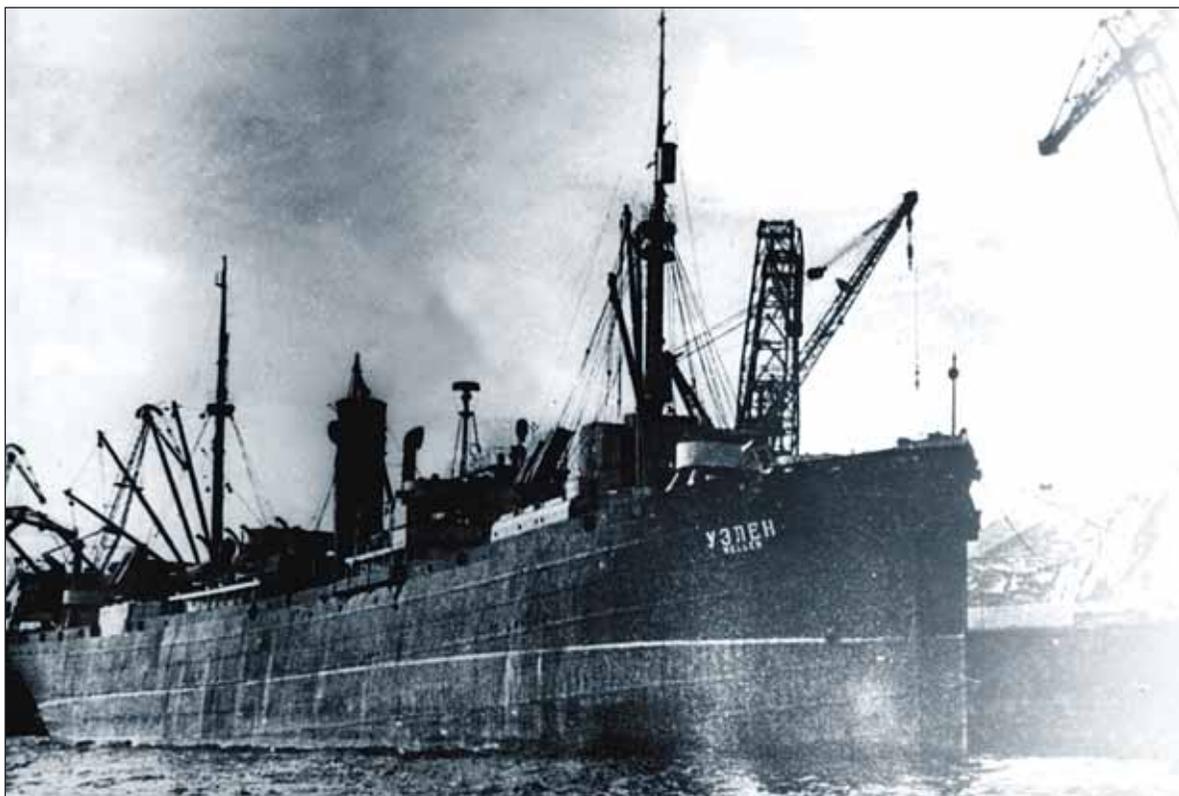
Это была тяжелая, суровая, но бесценная школа мужества и профессионального мастерства. После сдачи экзаменов папа получил диплом штурмана дальнего плавания. Сразу последовало назначение на должность третьего помощника капитана на пароход «Штурстрой».

В это время создается Государственное Дальневосточное морское пароходство. Цель — максимальная разгрузка железной дороги. Вводится планирование перевозок. Именно тогда — в период реорганизации морского транспорта — и начинается папина штурманская служба. «Я сразу окунулся с головой в работу и старался не допустить какой-либо оплошности». После должности третьего помощника последовали должности второго, а в 1936 году — старшего помощника капитана. Старпом отвечает на судне за все — безопасность людей и груза, действия палубной команды и штурманов, несение вахт, ремонт такелажа... В обязанности старпома входило также оказание членам команды медицинской помощи. Ежедневно за ней обращалось несколько десятков человек; прием длился не менее двух часов. Всякое случалось. Папа однажды даже принимал роды (все прошло благополучно, родилась девочка).

Рейсы на судах пароходства совершались с ранней весны до поздней осени на западную и восточную Камчатку, в бухту Нагаево (там начинали строить порт и город Магадан). Перевозили оборудование, специалистов — геологов, топографов, метеорологов, сезонных рабочих и многое другое.

В 1937 году папа получил диплом капитана дальнего плавания (а ему не исполнилось еще и 25 лет). Сразу приступить к работе не смог из-за болезни и обратился к руководству с просьбой о временном переводе его лоцманом во Владивостокский порт. В обязанности лоцмана входила встреча на катере иностранных судов у маяка Скрылева, проводка их в порт, швартовка к причалу или постановка на рейде, а после окончания разгрузки — выведение из порта. В течение суток — ни минуты покоя. Бывали дни, когда приходилось осуществлять по 5–6 проводок и швартовок. «Лоцманом я проработал почти полтора года. Это была хорошая практика по управлению и маневрированию судами самых различных типов и размеров, не говоря уже о том, что мне представилась прекрасная возможность поупражняться в разговорном английском языке».

14 ноября 1939 года (кстати, в свой день рождения) папа вступил в командование пароходом «Колхозник», а 14 мая 1940-го получил назначение на пароход «Уэлен», на котором

Пароход «Уэлен». Фотография 1942 года

СВЕТ ПАМЯТИ

*На мостике парохода «Уэлен» с помполитом С. С. Паниным
(Н. Н. Малахов — справа). Фотография 1942 года*

прошел всю войну. Пароходу требовался капитальный ремонт после тяжелой аварии, который намечали сделать в США. Папа, обдумав все обстоятельства (здесь ему очень пригодились знания, полученные в 1929 году на курсах по банковско-финансовым операциям), предложил направить судно в Гонконг, где условия ремонта были намного выгоднее. Пароходство согласилось с его расчетами, и 6 мая 1941 года «Уэлен» вышел в море, направляясь в Гонконг. Здесь 22 июня 1941 года команда «Уэлена» узнала о начале войны. Ремонт, во время которого папа проводил занятия с экипажем по военно-морской подготовке (еще в 1939 году он окончил еще и военно-морские курсы, получив звание командира корабля-охотника за подводными лодками). Начались военные «огненные рейсы». Наши суда плавали в одиночку, в отличие от судов союзников, которые собирались в караваны и шли под охраной военных кораблей. Многие из судов были безоружными, особенно в начале войны, тогда как им угрожали подводные лодки и авиация противника. Как мы знаем, изоляция Советского Союза Гитлеру не удалась: советский морской флот — и прежде всего суда Дальневосточного пароходства — обеспечивал постоянную и надежную связь с союзными державами через Персидский залив, Северную Атлантику и Тихий океан.

«Огненные рейсы» мой папа совершал все 5 лет войны, командуя «Уэленом». Он сделал их 13 — между Владивостоком и портами США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Ирана. Первые полгода войны оружия на торговом «Уэлене» не было. Ходили на «авось». Команда состояла из 47 человек. Корпус «Уэлена» был серого цвета, название покрашено. Радиостанция соблюдала молчание, работая лишь на прием. Ночью шли при полном затемнении противолодочным зигзагом.

В феврале 1942 года на «Уэлене» установили крупнокалиберный пулемет «Шкода», получили десяток винтовок и два ручных пулемета. На кормовой платформе «для остратки» соорудили макет пушки, из бревна сделали ствол, вместо глубинных бомб прикрепили к бортам пустые барабаны из-под краски. Издали выглядело грозно. Перевозили олово, вольфрам, молибден, свинец, алюминий, ртуть, каучук, сахар, муку, шерсть, автомашины, взрывчатку... Маршруты проходили через районы активных боевых действий и минные поля. В любой момент могла произойти атака вражеской подлодки. Длились рейсы долго — один из них продолжался целых 9 месяцев: за это время «Уэлен» дважды сочли погибшим. Был 32-суточный безостановочный переход через океан из Веллингто-

СВЕТ ПАМЯТИ

на в Сан-Франциско, из зимы в лето, очень редкий в истории советского мореплавания; о нем писала «Комсомольская правда» в номере от 3 ноября 1945 года.

В апреле 1942-го в Сиднее наконец удалось получить и установить на «Уэлене» трехдюймовую пушку — старую, 1908 года выпуска, но вскоре спасшую «Уэлен» во время третьего, самого «огненного» рейса. Вот как это было:

«Приказали следовать в Ньюкасл. Сильнейший шторм с ливнем и плохой видимостью, продолжавшийся 8 дней, затих. Шли вдоль Австралии к поворотной точке посередине фарватера. <...> В 22 часа 28 минут раздался орудийный выстрел — враг! Совсем близко. Боевая тревога! Второй, третий выстрел — снаряд разорвался впереди мостика, взрывной волной всех сбilo с ног. Вскрываю на ноги. Вахтенный помощник и матрос ранены. Отправляю их на перевязку. Тишина, густая темнота — ничего не видно. Заскакиваю в штурманскую рубку и быстро пишу по-английски радиogramму-шифр: «Уэлен», широта, долгота — атакован подводной лодкой. Чувствую, как течет теплая липкая кровь за воротник ниже левого уха. Карту и черновой журнал вымазал кровью. Оказывается, ранен еще в руку. Приказываю рулевому перейти на противоположный зигзаг. Снова

вспышка и выстрел с левого борта. Расстояние всего 500–700 метров. Наш оружейный расчет открыл беглый огонь по вспышке. Снова затишье. После второй атаки лодка уже в 100–150 метрах по левому борту. Первая мысль — таранить. Но нет. Очень близко. Судно продолжает разворачиваться, чтобы дать оружейному расчету открыть огонь. Выстрел, второй выстрел с «Уэлена» — и снаряд попадает в основание рубки подлодки. Разрыв снаряда, огонь, столб воды, и лодка с бурлением исчезает под водой. Молодцы артиллеристы! Судовое время 00 часов 20 минут. 17 мая 1942 года».

Подводная лодка, как оказалось, была японской. Чаще всего торговое судно в таком бою погибало. Несколько дней ремонта — и снова в рейс. За этот бой папа получил орден Ленина.

Война кончилась для «Уэлена» в Ванкувере. При входе в порт услышали нескончаемый рев пароходных сирен, фабричных гудков, автомобильных клаксонов и сразу догадались — победа!

Моряки Дальневосточного пароходства ценой огромных усилий, а зачастую и жертв, с честью выполнили свою миссию в общей борьбе с врагом. 2379 человек были награждены орденами и 1094 — медалями. Пароходство потеряло 25 транспортных судов. В 1945 году

Н. Н. Малахов с работниками рыбного комбината в поселке Пфусунг (четвертый слева в первом ряду). Фотография 1950 года

СВЕТ ПАМЯТИ

Депутаты Верховного Совета СССР от Приморского края в Георгиевском зале Кремля.

Слева направо: И. Е. Божок, А. Д. Семенов и Н. Н. Малахов.

Фотография 1952 года

папа получил орден Отечественной войны I степени.

Жизнь после войны постепенно налаживалась. Папа плавал капитаном на грузопассажирском теплоходе «Двина», затем на комфортабельном пассажирском судне «Сибирь». Рейсы следовали один за другим: на Сахалин, в Порт-Артур, Дальний, Петропавловск. Следующее судно, на которое его назначили капитаном, — пассажирский турбоэлектроход «Вячеслав Молотов». В начале 1950 года папа избирается депутатом Верховного Совета СССР, продолжая трудиться на своем посту. В 1951-м он поступает в Академию морского флота в Ленинграде, которая готовила высший командный состав для морского транспорта. Параллельно учится (заочно) в Ленинградском высшем инженерно-морском училище имени С. О. Макарова на эксплуатационном факультете. Получив два диплома, возвращается во Владивосток.

В 1954 году папу назначают заместителем начальника Дальневосточного пароходства по эксплуатации флота. Объем работы — огромный. В состав флота входили сухогрузные, нефтеналивные и пассажирские суда, вспомогательный флот, а в 1957 году после передачи Дальневосточному Владивостокского арктического пароходства на баланс было принято еще 5 ледоколов и 19 транспортных судов.

Объем арктических перевозок увеличивался из года в год. О трудностях в Арктике папа

хорошо знал по личному опыту. Большинство пунктов Северного побережья оставались необорудованными, разгрузаться приходилось на открытый морской берег силами экипажа вручную: на плечах в мешках и ящиках по сходням груз выносили за прибойную полосу на 100–200 метров от воды. Работали по пояс в ледяной воде среди льдин. Разгрузка длилась по два–три месяца.

Произведя необходимые расчеты, папа предложил механизировать процесс разгрузки судов, чтобы коренным образом облегчить труд моряков. По его чертежам изготовили контейнеры-волокуши для груза, которые на баржах с парохода доставлялись к берегу. Затем трактор вытаскивал волокуши тросом из воды. Каждым рейсом баржа доставляла на берег 10–14 тонн. Такие баржи получили название «Север» и стали выпускаться заводом в Советской гавани вместе с волокушами. Применение новой технологии ускорило выгрузку на необорудованных берегах Чукотки и Арктики в 4–5 раз. За изобретение и внедрение этого метода папе присудили серебряную медаль ВДНХ — именно на этой выставке экспонировался макет комплекса. Данная технология применяется до сих пор, только баржи стали более грузоподъемными.

В мае 1959 года папа назначается начальником Дальневосточного пароходства. Организатором он был превосходным, начальником

— требовательным, ответственным и всегда доброжелательным к людям. Плавал с 20 лет, изведаль все тонкости и превратности профессии. В пароходстве его звали между собой «морской волк». Если случался какой-либо аврал, в первую очередь посылали «за Малаховым».

Жизнь кипела. Флот пополнялся современными судами, у большинства были усилены корпуса, что позволяло плавание во льдах. Возрастал объем заграничных перевозок, улучшалось обслуживание пассажиров. Входили в строй новые морские вокзалы. Начали функционировать международные пассажирские линии — в Гонконг, Австралию, США, Малайю, Японию (в 1958 году папа как глава делегации Дальневосточного пароходства заключил с японской стороной первое советское соглашение об установлении совместной регулярной морской линии). Продолжалось строительство причалов во Владивостоке, Ванино, Нагаево. После реконструкции порт Нагаево стал осуществлять круглогодичную работу с помощью мощных ледоколов. Своими силами пароходство строило порт Посьет.

В 1960 году «за выдающиеся успехи, достигнутые в деле развития морского транспорта», папе присвоили звание Героя Социалистического труда.

Работа между тем продолжалась. Пароходство все активнее осваивало международные линии. За год его суда посещали 89 портов в 24 странах мира. Соответственно, возрастала конкуренция. Папа ездил за границу для ознакомления с организацией там морских грузопассажирских перевозок. После визита в США он, не дожидаясь указаний сверху, ввел в своем пароходстве оперативный учет доходов и расходов по судам, внедрил на судах ремонтные бригады. Все это не замедлило дать существенный положительный эффект.

Начальником Дальневосточного пароходства папа проработал 5 лет. За эти годы прибыль по транспортному флоту возросла в 8 раз, прибыль по портам — в 10 раз, в каботаже (судоходство между портами одной страны) было перевезено сверх плана более полумиллиона тонн груза. Общий объем перевозок увеличился на 40%, а чистая выручка — на 60%. Дальневосточное пароходство стало одним из крупнейших в Советском Союзе. В нем работало более 30 тысяч моряков, рабочих, служащих и инженеров. Внедрялись новые способы и методы погрузки-разгрузки, расширялись и строились порты и судостроительные заводы, вводились в строй новые жи-

лые дома, больницы, детские сады. Флот «помолодел», модернизировался.

В 1964 году папу перевели на работу в Министерство морского флота на должность начальника Управления пассажирского флота, и мы переехали в Москву. В прощальном адресе краевого комитета партии говорилось: «Весь Ваш богатый опыт одного из старейших моряков, глубокие знания экономики морского флота, Ваша неиссякаемая энергия во многом способствовали развитию Дальневосточного пароходства, которое за последние годы превратилось в крупнейшее транспортное предприятие морского флота».

Теперь папина работа состояла в организации пассажирских перевозок на всех бассейнах страны. Пассажирский морской флот в целом был пока убыточным. Основные перевозки осуществлялись в каботаже — они и определяли результаты финансовой деятельности. Суда морского пассажирского флота все больше становились средством отдыха и путешествий. На первых порах качество обслуживания пассажиров у нас значительно отставало от мировых стандартов, что снижало поступление валютных доходов и возможности выхода нашего флота на международный пассажирский рынок. Был предпринят ряд мер: в пароходствах организовывались курсы повышения квалификации поваров, официантов, барменов, курсы по изучению иностранных языков. Однако пассажирские перевозки продолжали оставаться убыточными. Предстояло коренным образом реорганизовать и модернизировать все это сложнейшее, капризное хозяйство.

Дома папа практически не бывал, а отдыхающим я его вообще не помню. Все свои силы он отдавал работе. Однако находил время и для общения. Говорил интересно, образно, часто с юмором и всегда с оптимизмом. Вообще был великолепным рассказчиком. Побывав в 27 странах мира, он живо интересовался их историей, обычаями, не упускал возможности посещать музеи и особенно картинные галереи. На досуге писал картины масляными красками, делал копии работ известных художников. Замечательно готовил. Любил постолярничать. Увлекался фотографированием...

Но главное — работа. Многочисленные командировки по стране: порты Черноморского побережья, Сахалина, Приморья, Прибалтики... Зарубежные командировки для проведения переговоров по открытию новых пассажирских линий, по вступлению в международные ассоциации — например,

СВЕТ ПАМЯТИ

в Атлантическую пассажирскую конференцию судовладельцев, без членства в которой нельзя было работать через Атлантический океан. В результате «из портов страны проложено 12 международных пассажирских линий. Суда под флагом СССР посещают Англию, Францию, Турцию, Грецию, Данию, Югославию, Швецию, Кубу, ОАР, Японию и другие» — это из папиной статьи в газете «Водный транспорт» от 13 марта 1965 года. Появились рейсы смешанного плавания «море—река» (например, из Венеции в Вену морем, затем вверх по Дунаю).

Теперь уже морской флот СССР оснащен самыми современными и комфортабельными пассажирскими судами. Они посещают Одессу, Севастополь, Ялту, Сочи, Сухуми. На Дальнем Востоке — новые маршруты: Владивосток—Ольга—Тетюка—Холмск—Южно-Сахалинск—Корсаков—Петропавловск-Камчатский—Парамушир—Итуруп—Шикотан—Сангарский пролив—Находка—Владивосток. Большой популярностью пользуются рейсы вокруг Европы — «малые кругосветные плавания» (обо всем этом папа писал в «Правде» от 19 мая 1966 года).

В 1970 году Управление пассажирского флота объединили с Центральным агентством международных пассажирских перевозок и создали Всесоюзное объединение «Морпасфлот». Папа стал его председателем (предприятие было хозрасчетным). Ритм остался прежним, нагрузка возросла. Снова зарубежные командировки, обсуждения и подписания контрактов... Создаются все новые линии. В том числе трансатлантическая (Хельсинки, Копенгаген, Лондон), 4 линии через порт Пирей (Греция), линия Одесса—Батуми—Венеция, линии из северных портов Норвегии в Мурманск, линии с Австралией и Новой Зеландией.

На конец 1972 года общий объем перевозок «Морпасфлота» превысил 43 миллиона человек; за этот только год пассажирские суда совершили 208 круизных рейсов с советскими и иностранными туристами. План валютных доходов был перевыполнен. Морской пассажирский флот СССР пользовался все большей популярностью у нас и за рубежом, приносил прибыль стране.

Папа вышел на пенсию в 1972 году по состоянию здоровья, но без дела сидеть не смог и стал трудиться в «Союзморниипроекте» в секторе истории отечественного морского флота, развитию которого отдал полвека своей жизни.

Приближалось 30-летие победы над фашистской Германией. Во Владивостоке уста-

*Николай Никитич Малахов
в своем рабочем кабинете.
Фотография 1971 года*

новили памятник морякам торгового флота, погибшим во время Великой Отечественной войны. Папе была оказана большая честь — доставить факел с Вечным огнем от могилы Неизвестного солдата у Кремлевской стены во Владивосток и зажечь Вечный огонь в момент открытия там монумента. Эта торжественная церемония транслировалась по Интервидению. На нее собрались тысячи горожан, моряков, курсантов, участников войны, ветеранов труда. В 17.30 прозвенели корабельные «склянки». Возложили цветы и венки к подножию памятника под звуки «Реквиема» Д. Д. Шостаковича. Затем в наступившей тишине папа прошел, неся зажженный факел, к гранитному постаменту. Мощный салют гудков всех судов, стоящих в порту, разорвал тишину. Папа поднес факел — и у подножия памятника вспыхнул огонь.

В 1980 году вышел документальный фильм «Огненные рейсы» о торговых морях дальневосточниках, участвовавших в Великой Отечественной войне. Сняли в этом фильме и папу.

Последний папин труд — создание (в соавторстве) книги «Морской транспорт СССР» (М., 1984).

В 1987 году в Дальневосточном пароходстве именем папы было названо многоцелевое транспортное судно нового поколения класса 1-А. 9 октября на теплоходе «Николай Малахов» взвился Государственный флаг нашей страны...

СВЕТ ПАМЯТИ

*Москва. Красная площадь.
6 мая 1975 года*

НИКОЛАЮ НИКИТИЧУ МАЛАХОВУ
БЫЛА ОКАЗАНА ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ —
ДОСТАВИТЬ ФАКЕЛ С ВЕЧНЫМ ОГНЕМ
ОТ МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА
У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ
ВО ВЛАДИВОСТОК И ЗАЖЕЧЬ ТАМ
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ.

*Владивосток. Вечный огонь зажжен.
9 мая 1975 года*

Александр Александрович Кузнецов

Разговоры в Федоровке

**О расположенной в этой деревне бывшей усадьбе
актрисы Гликерии Николаевны Федотовой
(1846–1925)**

В километре от реки Оки между Серпуховом и Каширой стоит деревня Федоровка. Здесь находится усадьба начала XIX столетия, принадлежавшая до революции ведущей актрисе Малого театра (впоследствии — народная артистка Республики и Герой Труда) Г. Н. Федотовой. Четверть века назад в деревне оставались еще несколько старух, помнивших Гликерию Николаевну.

1986 год. В дождливый осенний день пошел я к одной из соседок — к Евдокии Петровне Сосновской. Жила она одна, муж и сын погибли на фронте, осталась дочь, но та теперь в Москве. Евдокии Петровне исполнился девяносто один год, и хотя двигалась она не очень бойко, память имела преотличную и разговаривать с ней было — одно удовольствие.

В избе сидели еще две старушки. Одну, сухонькую, звали Верой Ларионовной, или бабой Верой, другую — полную и с больными ногами, неподвижно сидевшую на стуле, — Пелагеей Александровной. Обе немного помоложе хозяйки.

— Вы, наверное, все помните Гликерию Николаевну Федотову? — начал я разговор.

*В. А. Серов. Портрет артистки
Г. Н. Федотовой.
Холст, масло. 1905 год*

— Я такоть немножко помню, — отозвалась Вера Ларионовна. — Я со второго года, революция пришла — мне пятнадцать было. Помню, но никогда не общалась, знаю, что хорошая была, даже в численнике ее рисуют. А вот Поля хорошо должна знать: Катя-то, ее сестра, в няньках у ней с каких лет. А потом и в горничных.

— С девяти лет она там жила, сестра моя, — подхватила Пелагея Александровна. — Катя на четыре года постарше меня, с девяти лет она нянькой у Федотовой. Да не у нее самой, а у прислуги ее. У ей прислуга, а у прислуги ребенок.

— В каком году это было?

— А вот считай: Катя на четыре годочка постарше, а пошла девяти лет.

— Приблизительно 1905 год, — прикинул я. — А что за хозяйство было у Гликерии Николаевны?

— Какой там хозяйство... — отвечала Пелагея Александровна. — Земли у нее не было. Только парк, пруд, аллеи, сад да цветы. В усадьбе чисто. Купальня у пруда. Когда после революции господ не стало, мы купались в них, все деревенские. Пруд чистый был. Это теперь он зарос, а тогда все у них чисто было.

Даже Куприяновых пруд, что повыше, тоже чистый. Теперь он зарос совсем, нету его.

— Ну как же, Поля, лошадь и корова у ей, я помню, — перебила ее баба Вера. — Сани разные, карета. Стояли под железной крышей. Конюшня кирпичная, стены от ей еще стоят. Сарай длинный, все покрыто, там у их кухня была. Ты же, никак, на кухне этой жила.

— Жила, жила с малолетства, — заговорила молчаливая хозяйка дома. — Нас пять девочек было да четыре брата. А мне чтой-то выпало идти в люди жить. Старшие маме нужны, младшие еще малы. Меня и отдали Федотовой кухарке помогать. К черной кухне, что во дворе. По двору работала, в огороде, корова... В самом доме кухня только для господ — белая называется. А для нас готовили на черной. Кормили хорошо. Досыта. Первое, второе и третье. У ей, у Гликерии Николаевны, экономка. Горничная, повара, кухарки, конюх... Конюхом кухаркин муж, у них я и жила.

— А сама она (Федотова. — *А. К.*) безногая была, сидела все время. У ней острая ревматизма. Ездил где-то в грязи лечиться, нигде не помогло. Ее в коляске возили, мужчина был, он и возил.

— И моя сестра Катя ее возила, — вставила Пелагея Александровна.

— Перед домом как раз напротив двери — аллея в липовый сад. Мы чистили, подметали — красиво... хорошо! — продолжает Евдокия Петровна. — Гуляли они по липовому саду.

— Цветов много, — это уже Вера Ларионовна опять, — за домом красные дорожки. Розовой глиной обсыпаны, как асфальт. Беседка стояла. Мы ходили разметать. А они сидят, бывалочи, в беседке. Вот где поляна, там цветы были. Много... А то выйдут перед домом к пруду. Тут вроде садочек небольшой. Сидели на лавочке, на пруд смотрели.

— Кто сидел с Гликерией Николаевной? Гости? Родственники?

— Приезжали к ней из Москвы, приезжали, — ответила баба Вера. — Возил их на лошадях Дементий Петрович и мой отец. У того дрожки, а отец в таратайку запрягал. А потом у ей был сын, сноха ездил и две внучки. На лето приезжали. Перед самой революцией другой барыне продала дом. Как ее звали, Дуся, не помнишь?

— Как не помнить, Никитина Валерия Николаевна.

— Вот-вот, Никитина. С ней тоже прислуга. До революции жили.

Меня интересовал интерьер дома — мебель, картины, изразцовые печи, камин, библиотека...

— В доме обыкновенно, — отвечала на мой вопрос Евдокия Петровна, — ни ковров, ни хрусталя, ничего такого. Стулья хорошие, стол большой, двенадцать человек садилось. Тама все осталось. Ее дом, как это по-русски сказать, не раскулачивали. Скотину у Никитиной отобрали, ее саму увезли куда-то, а в доме все осталось.

— Позже попользовались, Дуся, аль не помнишь? — сказала баба Вера. — Перины тащили наши деревенские, подушки, матрацы. Посуду всякую. Что им нужно было. Но это не в революцию тащили, а когда кулачить стали. Мне двадцать два года было, помню хорошо. Федотова уже померла тогда. Когда кулачили — тут всяк себе нес. Мне тоже кулачили, — смеется старушка. — Вот где вы сейчас стоите (имелся в виду мой дом. — *А. К.*), амбар был наш. Его взяли под ферму.

— Федотова никому не отказывала, — потирает больное колено Пелагея Александровна. — У кого корова падет или еще что, сейчас идет к барыне. Приходит — и прямо к ней наверх. Она сидит за столом, в карты занимается. «Здравствуйте, Гликерия Николаевна, я вот к вашему здоровью». — «А что, миленький, что случилось? В чем дело?» — «Да вот у меня лошадка пала, будьте милостивы, помогите!». Она сейчас кличет: «Марья Федоровна, пойдись сюда!» Хозяйствовала у ей экономка. «Дай-ка мне десять рублей». Та вынимает, дает. «Вот вам на лошадку». Это я лично видела. Не в долг давала, а просто в подарок. Все уже знали: не откажет. Но зря никто не смел пользоваться. У кого корова падет или еще что...

— А ты чего интересуешься? Федотовой али всем старым временем? — спросила меня Евдокия Петровна.

— И то и другое... Люблю историю, особенно старинные русские усадьбы.

— Так их и не осталось, — вздохнула старушка, — вместе с церквями порушили.

— Зачем же порушили?

— А кто их знает...

— И верна, — вставила баба Вера, — ведь в каждой деревне были что барские дома, что пруды с садом. А остался один только Федотовский.

— Возьми Хатавки или Кутуково — ничего нет, все заросло. Да и в Есуково вон догнивает.

Ох, больное место в моей душе затронули бабушки!.. Но я заговорил о другом:

— А вы знаете, что Федотова круглая сирота, ни отца, ни матери не помнила?

— Да ну?!

— Да. До шести лет росла в доме дедушки, орловского чиновника. А звали ее тогда Луша Позднякова. Как сироту ее отдали учиться

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

*А. А. Кузнецов. Деревня Федоровка.
Бумага, акварель. 1986 год*

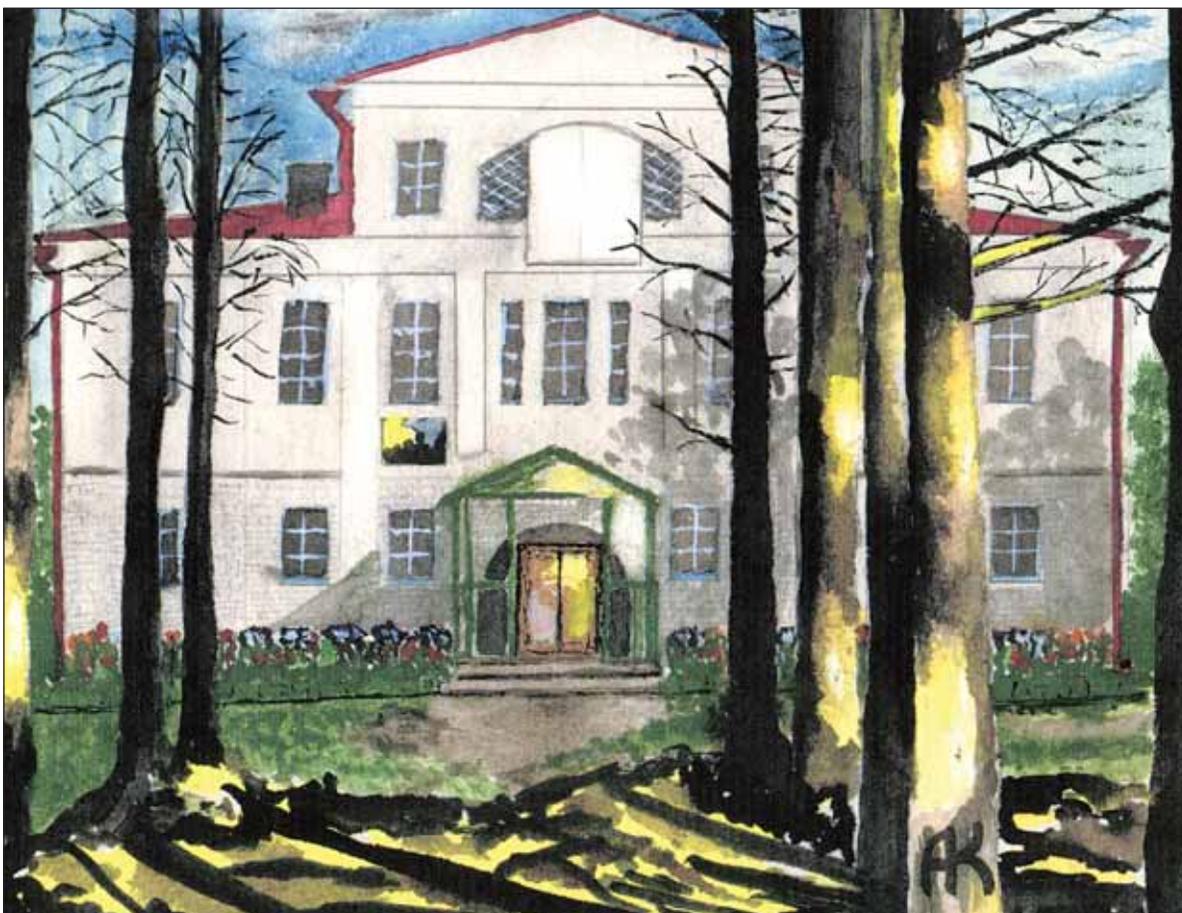
Федоровский пруд

Барский пруд

Ворота

Дом Федотовой

в школу-пансион в Москве, а потом в московскую театральную школу. На сцене она с двенадцати лет.

Я попытался было рассказать моим собеседницам, что Федотова — это эпоха в истории русского театра, что, будучи ученицей Самарина и Щепкина, она стала наставницей Станиславского, что ею сыграно больше трехсот ролей, в том числе во всех пьесах Островского и Шекспира. Однако слушали они меня чисто из вежливости, и я очень скоро замолчал.

— Потому и добрая была, что знала лихо, — заключила баба Вера.

* * *

После этого я отправился взглянуть еще раз на дом Федотовой, в котором находится местная школа. Тогда в школе было всего тридцать учеников: в первом классе четыре, в девятом (десятого и одиннадцатого классов тут нет) — всего двое. При этом школа располагает двумя зданиями — большим каменным усадебным домом Гликерии Николаевны Федотовой и одноэтажным домом дворян Чарнецких.

От федотовского дома на меня всегда веяло очарованием чего-то родного, давно знакомого. Его построила в начале XIX века генеральша Евдокия Андреевна Муравьева и жила здесь одна, четыре сына-офицера только изредка ее навещали. Евдокия Андреевна — моя дальняя родственница (моей прабабушкой была Ольга Сергеевна Муравьева, в замужестве Кузнецова — дочь одного из пяти знаменитых братьев Муравьевых, о чем я подробно рассказал в № 1 «Московского журнала» за 2010 год). Родство, конечно, весьма отдаленное, но все-таки...

Со стороны деревни усадьба была огорожена оградой из белого камня — кое-где еще видны ее остатки. Перед домом лет пятьдесят назад посадили маленькие елочки. Теперь они превратились в огромные ели. По бокам въездных ворот — две колонны, или, скорее, стелы с навершиями из белого камня и с овальными медальонами. Самих ворот давно уже нет.

Двухэтажный дом с мезонинами на обе стороны (это уже третий этаж) построен Е. А. Муравьевой в самом начале XIX века. Стены его местами зачем-то обили железом, а с фасадной стороны масляными красками намалевали цветы, звезды и гирлянды. На втором этаже видны балконные двери, но балконы отсутствуют. Крылечко, сооруженное из водопроводных труб. Слева от него висит мраморная доска с надписью: «В этом доме жила с 1905 по 1909 год постоянно и в летний пе-

риод до 1917 года великая русская актриса, Герой Труда Гликерия Николаевна Федотова. 1846—1925».

Типичная русская усадьба первой четверти XIX века. Парадная лестница из вестибюля первого этажа вводила сразу наверх. Внизу оставались кухня, кладовая, помещения для прислуги. Поднявшись по лестнице, вы попадали в парадный зал. Рядом — гостиные, «буфетные», «скатертные» комнаты, соединившиеся с залом и образывавшие анфиладу. Верхний этаж, или антресоли, предназначался для жилья.

От крыльца дома Федотовой еловая аллея ведет к одноэтажным кирпичным развалинам. Здесь когда-то были черная кухня, подсобные помещения, конюшня, каретник, рядом с которым до сих пор торчат из крапивы скелеты дрожек и саней. Строение это давно уже стоит без крыши — только стены с арочными окнами и проемом дверей. Выщербленные кирпичи, внутри — бузина и репейники выше человеческого роста. Левая часть каретника еще покрыта крышей — им пользовалась располагавшаяся здесь до школы больница (в 2009 году ничего не осталось и от этих руин — их разобрали).

Пересекаю аллею с двухсотлетними липами и выхожу на поляну, с трех сторон окруженную также липами. Тут стояла беседка, о которой говорили старушки, сюда вели «розовые дорожки», здесь красовались клумбы с цветами. В парке — четыре липовые аллеи. Они не вырублены пока и не заросли, как в соседних усадьбах. Вдоль дороги в Федоровку растут посаженные более двухсот лет назад высокие, все как на подбор, могучие лиственницы.

* * *

Помещичьи хозяйства вместе с дворянскими усадьбами начали приходить в упадок после отмены крепостного права. До 1861 года дворянство Тульской губернии владело 10 миллионами десятин земли. К 1877 году площадь дворянских земель сократилась до 8,5 миллиона десятин, к 1897-му — до 6,6 миллиона. Родовые дворянские поместья хирели, шли с молотка (вспомним «Вишневым сад» А. П. Чехова), превращаясь в экономические имения, или дачи. Вот такой дачей и стала усадьба Гликерии Николаевны Федотовой в Федоровке. Незадолго перед революцией продавалась и она. Тогда-то, видимо, и приобрела ее В. Н. Никитина. В конце 1916 года в № 691 «Торгово-промышленного листка» появилось следующее любопытнейшее объявление:

*Дом Г. Н. Федотовой в Федоровке.
Фотография автора. 1990-е годы*

«Великая артистка Гликерия Николаевна Федотова поручила нам на продажу ее небольшое имение на бер. р. Оки. Прилагаем ниже вид барского дома (фотография со стороны пруда. — А. К.). Кроме того, наш сотрудник делает описание этого имения в стихах, которые помещаем ниже.

*<...> Верст восемнадцать от Каширы,
В версте от пристани Оки
На берегу ее высоком,
Покрытом чащею лесной,
Лежит в молчании глубоко
Одно имение — рай земной!
Там воздух чистый и здоровый,
Там живописные места:
И лес, и парк, и сад фруктовый —
Одна сплошная красота!
Там есть возделанный с любовью
Большой прекрасный огород:
Салатом, брюквой и морковью
Снабжает кухню круглый год.
И, красотой чаруя очи,
Над сладко-дремлющим прудом,
Белей весенней невиской ночи
Стоит роскошный барский дом.
Дорожка желтая от дома
К пруду сбегает по холму,
Коль в летний день возьмет истома —
Спуститься стоит лишь к нему!
Его серебряные воды
Тебя мгновенно освежат.
Ты поплывешь, и небосводы
В волнах лазурных задрожат.*

*Прошла истома — в лодку прыгай,
Захочешь — рыбу полови!*

<...>

*А то отправься на охоту —
Броди с ружьем на той поре,
Когда заря класть позолоту
Начнет на холодном серебре.
Там жизнь милей, чем на курорте,
Имея девять десятин,
Ты будешь в полном жить комфорте,
Своих владений властелин.
Ведь 20 комнат в доме будет,
И на 12 человек
Посуды, мебели — добудет...
Кто провести там хочет век —
Найдет белье, драпри, кровати;
В дом проведен водопровод,
Есть службы всякие, и, кстати,
Извлечь возможно там доход.
К тому ж уступят, подождут.*

<...>

*Пойми же: выгод разных столько
Приобрести имение тут.
Оно Федотовой — великой
Артистки нашей — до сих пор
Принадлежало; нынче дикой
Судьбы свершился приговор:
Ее как мать постигло горе...*

<...>

*Да и она теперь не та:
Ей не дадут хозяйство вскоре
Вести почтенные лета.
А ведь уж ровно четверть века
В ее хозяйстве протекло,
В руках такого человека
Имение крепко и цело.
Теперь она продать готова.
И вот мой дружеский совет:
Без колебаний и без слова
Стань, вдруг, помещиком, поэт!*

Из стихотворения приведены лишь отрывки — вообще же это целая поэма, представляющая собой разговор Поэта с Другом.

* * *

В Федоровке три бывших дворянских усадьбы — Куприяновых, Чарнецких и Федотовой. Куприяновская уже приобретена частным лицом и восстановлена, дома Чарнецких и Федотовой живы, ибо принадлежат школе. Уже не раз навевались в Федоровку покупатели, но уезжали разочарованными: водопровод, канализация, отопление — все в плачевном состоянии, перекрытия требуют замены... Судьба этой усадьбы, вполне заслуживающей статуса мемориальной, пока неясна.

Владимир Алексеевич Корочанцев

«Надо, чтобы русские всегда помнили о русских»

О настоятеле храма Покрова Пресвятой Богородицы в Цюрихе
протоиерее Давиде Антоновиче Чубове (1878–1956)

*Митрофорный протоиерей Давид Чубов.
Фотография 1940-х — начала 1950-х годов*

Отправившись в 1998 году в поездку по маршруту Альпийского похода войск Александра Суворова, я тогда же попытался разыскать в Цюрихе могилу протоиерея Давида Чубова, о чем меня попросили его близкие.

...В 1920 году в станицу Старошербиновскую Ейского района Краснодарского края пришли красные. Местного священника отца Давида арестовали, заперли в сарае и утром собирались расстрелять. Однако станичники сделали пролом в стене сарая и помогли уважаемому пастырю и его брату Федору бежать. Семья священника — матушка Екатерина Моисеевна, две дочери и сын — осталась. Давид Антонович сначала попал в Болгарию. Последние письма от него пришли оттуда в 1927 году, а потом связь оборвалась...

Я искал в Цюрихе следы отца Давида, не имея там ни знакомых, ни адресов. Эти поиски сами по себе оказались захватывающим приключением.

Первым вспомнил об отце Давиде известный борец за спасение культурных и исторических ценностей России барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн.

— По мне, он был лучшим из священников, которых я знал в Цюрихе. Я посещал его службы, слышал о нем, но не был с ним на короткой ноге.

На приеме в посольстве РФ в Берне я встретился с настоятелем Воскресенской церкви в Цюрихе отцом Венедиктом, который лично ничего не знал о судьбе протоиерея Давида, так как тот служил в храме Русской Зарубежной Церкви, но пообещал содействие.

В последний день поездки у нас была программа в Базеле, и я твердо решил хотя бы на два-три часа вырваться в Цюрих. Утром у администратора гостиницы раздобыл адрес православного храма: Гальденбахерштрассе, 2. В Цюрих приехал на поезде в четвертом часу. На вокзале в справочном бюро купил карту города. И с этой минуты и до возвращения в Базель я едва ли не физически ощущал незримое присутствие отца Давида. Он помогал мне в поисках. Видно, его тоска по родине была столь острой, что ему очень хотелось «найтись» — пусть даже после смерти. Тогда я убедился, что чудеса есть на свете.

На Гальденбахерштрассе я нашел дом, в котором помещается храм Покрова Пресвятой Богородицы. Он был заперт, и я стал ждать священника к субботней всенощной, назначенной на 17 часов. В половине пятого он подъехал — отец Петер Штурм.

Так я оказался в храме Русской Зарубежной Церкви, где когда-то служил протоиерей Давид. Храм расположен в полуподвале, но выглядит уютным, приветливым, благодатным. Священник принял меня любезно, однако сообщил, что почти ничего не знает об отце Давиде.

— В церкви московского прихода на Кинкельштрассе есть прихожанка Елена Георгиевна Месерле. Она должна помнить о нем.

Счет времени у меня шел на минуты — и я рванулся на поиски храма на Кинкельштрассе, надеясь встретить там отца Венедикта. Язык довел меня до искомой улицы. Однако где здесь храм? Я принялся расспрашивать редких прохожих. Один из них довольно неопределенно махнул рукой в сторону высокого здания. Я устремился в том направлении, заглянул под арку, ведущую во двор, — и тут навстречу вышла женщина со словами: «Вы ищете церковь?».

Передо мной была Елена Георгиевна Месерле собственной персоной. Оказывается, во время моих блужданий по Кинкельштрассе в искомом мною храме молилась какая-то женщина, впервые пришедшая туда. Внезапно она обратилась к Елене Георгиевне: «Мне кажется, что кто-то ищет церковь».

Отца Венедикта не оказалось: он неожиданно уехал в Турин. Всенощную отменили, а Елена Георгиевна, казначей прихода, осталась предупредить прихожан. Ну разве не чудо?.. И вот мы встретились.

— А могилы отца Давида вы не найдете, она уже не существует, — сразу огорчила она меня.

Настоятель скончался в 1956 году, срок аренды захоронения на кладбище истек в 1981-м, но Совет Зарубежной Церкви аренду не продлил.

— Мы очень горевали, когда узнали, что могилы нет, — вздохнула Елена Георгиевна. — В Цюрих отец Давид попал в середине 1930-х годов. Он был священником старого закала. Мы очень гордились им.

Служил протоиерей Давид ревностно, до педантизма берег традиции. По рассказам прихожан, он выступал против всяческих церковных реформ, искажающих суть православной веры, ослабляющих ее. Его возмущала сама мысль о том, будто «Церковь всегда обновляется». Истинное понимание Церкви иное: она вечна и тем самым испокон веков нова. «Нововведений» жаждут только еретики.

Некоторое время спустя я повстречал художницу, скульптора, поэта, писателя, композитора, теолога Валерию Флориановну Даувальдер (в 1943 году отец Давид крестил

РУССКИЕ СУДЬБЫ

*Отец Давид
с матушкой Екатериной Моисеевной.
Фотография начала 1900 годов*

*Отец Давид. Фотография 1927 года,
присланная им в Россию
матушке Екатерине Моисеевне*

Отец Давид (слева) с братом Федором. Фотография 1910-х годов

ее новорожденную дочь), от которой также узнал некоторые подробности.

— Отец Давид полагал, что если каждый священник будет вносить что-то от себя в богослужение и в принципы веры, мы потеряем традиции, историческую подлинность и саму веру.

Судя по рассказам, отец Давид очень любил свою церковь, которая заменяла ему родину и семью. 12 мая 1942 года к Пасхе Валерия Флориановна подарила Покровскому храму написанную ею икону «Воскресение Христово». Как священник был тронут! «Бедная убогая наша церквочка, украшенная художественно исполненным святым образом!» — выразил он свои чувства в благодарственном письме.

Его идеалом был преподобный Серафим Саровский, которого он называл «великим и любвеобильным угодником Божиим». Иконки с изображением преподобного протоиерей Давид в благословение дарил духовным чадам. Он ревностно ухаживал за храмом. Виктория Ивановна Месерле, свекровь Елены Георгиевны, шила церковные облачения, рясы, подрясники.

— Это был строгий, но добрый пастырь, — вспоминает Елена Георгиевна. — Жил и вел себя скромно, просто, ко всем относился внимательно, по-человечески. Моя свекровь помнила об этом добром заботливом человеке всю жизнь и очень много рассказывала о нем, ставила его в пример. Церковь всегда была полна народу. Всем хотелось попасть к нему на службу. Его очень любили сербы. К нам ходили болгары, греки.

Отец Давид являлся духовным отцом первой жены Альберта Эйнштейна — сербки Милевы Марич. Выдающийся физик и математик, она помогла Эйнштейну во многих его открытиях. Однако их совместная жизнь сложилась трагично, они в конце концов расстались. Когда Милева Марич умерла, отец Давид отпевал ее.

Удивительной душевной красоты женщина, Софья Андреевна Излер, у которой отец Давид стоял на квартире, пела в церковном хоре. 2 сентября 1956 года после кончины отца Давида она писала:

«В нашей семье батюшка прожил почти 20 лет, и я всегда заботилась о нем как о родном. Он был такой добрый, чудесный человек. Я как секретарь нашего церковного совета и заменяющая псаломщика сопровождала батюшку на все требы, была его переводчицей и ухаживала за ним все последние годы, когда после смерти его брата, Федора Антоновича, батюшка стал хворать сердцем».

После скоропостижной кончины брата отец Давид в письме от 23 июля 1953 года сетовал на то, что в эмиграции русские люди теряют свои корни. «Здесь нет собственно эмиграции, все так называемые «русские швейцарцы», но теперь, за тридцать с лишним лет, первое — «русские» — отпало и осталось только второе — «швейцарцы», да и сами они чуть что теперь кричат: «Мы швейцарцы!», хотя, по совести сказать, они теперь ни русские, ни швейцарцы. Вот среди таких «перевертней» и тяжелее чувствуется, когда родной человек отошел от мира сего».

— Как он тосковал о родине и о близких! — говорит Елена Георгиевна. — Все старые эмигранты — чего не могу сказать о новых — бесконечно любили Россию. Ностальгия у всех нас была — не выразить в словах! До Цюриха я жила с родителями во Франции, учила там русский язык, надеясь вернуться. Мы общались на русском языке. Россия для каждого была мечтой, мы день и ночь думали о ней. Года три назад сюда приезжал Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Для всех нас, и для меня особенно, это было великое событие, и в те дни я вспоминала о батюшке...

«Каждый христианин, любя весь мир человеческий, который находится под управлением одного Царя Небесного, в то же время должен иметь особенную любовь к своему Отечеству — ибо Отечество сие не произвольно им выбрано, но самим Богом указано ему посредством рождения. Что же собственно до Русской земли, то она не иначе и называлась прежде в истории, как «Святая Русь», «святая земля». Посему не любить Отечество и предпочитать ему другие государства столь же низко и неблагодарно, как не любить родителей своих, оказывая привязанность к посторонним лицам, непричастным к рождению и воспитанию». Отец Давид руководствовался этими словами из пособия по православному нравственному богословию, утвержденного к изданию Санкт-Петербургским Духовным цензурным комитетом 29 февраля 1900 года.

В 1923 году отец Давид создал Фонд спасения России, который тогда, однако, быстро заглох. В Швейцарии вместе с церковным старостой Екатериной Сергеевной Фишер батюшка возобновил его. «Только теперь деньгами сами распоряжаемся, так как бывший, первый Фонд начальство разбазарило и теперь нет от него и следа, <...> — сообщал священник в одном из писем. — Конечно, громадное большинство средств поступает

РУССКИЕ СУДЬБЫ

в Фонд от самой г-жи Фишер. Фонд наш работает очень хорошо, и многие получают помощь, не зная, откуда и от кого она. Вот это дело и поддерживает меня, а разрослось оно очень уже широко. Я являюсь генеральным секретарем Фонда, и вся почти переписка и ведение дела лежит на мне».

— На 150-летие похода А. В. Суворова в Швейцарию 24–25 сентября 1949 года отец Давид с хором, в котором пела моя свекровь (примерно восемь-девять человек), ездил служить панихиду к мемориалу павших в Альпах суворовских воинов у Чертова моста и на Сен-Готарде, — рассказывала Елена Георгиевна. — Моя свекровь тогда вспоминала его слова: «Надо, чтобы русские всегда помнили о русских».

Любое событие, связанное с Россией, сближало изгнанников, собирало их вместе. Валерия Флориановна рассказывала, как батюшка устроил общее посещение концерта Ф. И. Шаляпина.

— На русские концерты ходили мы все.

Цюрих хорош для приезжих, но не для жизни. Он тяжел, замкнут, равнодушен, сыт, даже пресыщен. В нем нет романтики. Ему нет дела до судьбы отдельного человека, тем более эмигранта. В такой обстановке отец Давид жил остаток жизни. Нам трудно почувствовать себя в положении людей, которым, по их словам, «одиноко бывает и горько просыпаться в чужих городах». Существовать вне родины, вдали от близких — мученичество. К чужбине нельзя привыкнуть, ибо на ней до последнего вздоха чувствуешь себя вынужденным странником. Но отец Давид нес свой тяжкий крест достойно.

Валерия Флориановна:

— Он знал только русский язык. Будучи цельной натурой, боялся, что изучение другого языка нарушит эту внутреннюю целостность.

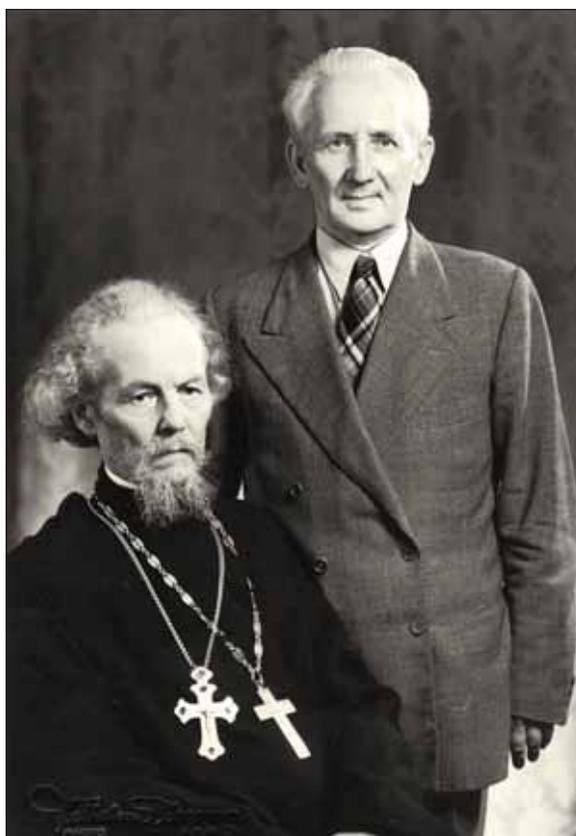
«Как он был одинок!» — не сговариваясь, в один голос восклицали мои собеседницы при первой встрече. Можно представить себе тоску отца Давида, который знал, что где-то в недоступной для него России, в СССР живут жена, дочери, сын, внуки... В семейном архиве хранится его фотография — светлый лик, высокий лоб, открытый взгляд, присланная им супруге с надписью: «Моей бесконечно любимой, болезненно оторванной половине».

«Живу я потихонечку и полегонечку. Пока, слава Богу, ноги еще носят, но уже идти на горку, хотя бы и малый подъем был, — тяжело, — описывал он свое житье-бытье. — Служу Богу

моему, дондеже живу; жду конца, который, вероятно, не за горами. Смерти не боюсь, боюсь долгой беспомощной болезни».

Внезапный уход брата подорвал его силы. «Его смерть отобрала у меня по крайней мере 50 процентов энергии, бывшей у меня до его кончины», — признавался отец Давид. Три года спустя скончался он сам. В последние месяцы, когда болезнь обострилась, служил только раз в неделю.

«Он не боялся смерти, готовился к ней, причастился Святых Даров, говорил мне, что устал от жизни, — писала о последних минутах батюшки Софья Андреевна. — Я почти все время была при нем. Умер он во сне 14 августа в 6 часов утра. Тихо, спокойно. Лицо его было такое хорошее, светлое, словно он рад, что спит и ничего у него больше не болит. Приехал владыка Леонтий¹, обмыл его маслом и облачил в собственное облачение, вывезенное еще из России, темно-лилового бархата. Отпевание было в нашей церкви торжественное. Служил архиепископ Иоанн из Парижа² и три священника. В гроб владыка насыпал русскую землю, которую батюшка при себе хранил всю жизнь и велел мне всыпать ее ему в гроб. Цветов и венков было множество. Люди плакали, все его любили. А я потеряла как будто родного отца».

*Отец Давид с братом Федором.
Фотография 1940-х — начала 1950-х годов*

РУССКИЕ СУДЬБЫ

*Могила отца Давида в предместье Цюриха Фридрихгоф-Нордхайм (не сохранилась).
Сентябрь 1956 года*

«Отец Давид не оставил никаких материальных ценностей, — писала далее Софья Андреевна. — Он завещал мне сохранить все его фотографии, письма и проповеди. Иконы и книги — в церковь».

После его кончины тридцать прихожан покинули храм и перешли в Воскресенскую церковь Московской Патриархии. Но все они берегли добрую память о своем священнике.

* * *

В январе 1999 года я опубликовал небольшой очерк о настоятеле храма Покрова Пресвятой Богородицы в Цюрихе протоиерее Давиде Чубове. Как мне казалось, на этом были исчерпаны все возможности узнать еще что-либо о его судьбе. Исчезла могила отца Давида. Не удалось обнаружить в Цюрихе никаких письменных материалов о нем — лишь добром помянули своего пастыря его бывшие прихожане...

Минуло несколько месяцев. И вот однажды в солнечный февральский день 2000 года раздался звонок из французского города Сен-Луи: добрый человек сообщил мне, что к нему случайно попали тетради с проповедями, поучениями, словами и речами, произнесенными отцом Давидом с 1920

по 1940 год. Человек этот пообещал переправить их в Москву и в течение двух лет переслал четыре тетради. За это время опять же каким-то чудом нашлись несколько фотографий и еще кое-какие сведения о священнике, с великим достоинством и огромной неугасаемой любовью к родине жившем в немилой эмиграции. Судьба протоиерея Давида оказалась столь необычной и захватывающей, что захотелось продолжить рассказ о ней уже на новом материале.

Проповеди и поучения отца Давида — также своего рода его рассказ о себе, исповедь человека, который был «маленьким винтиком в общественной жизни Русского Зарубежья и просто русским человеком».

...В конце октября — начале ноября 1920 года на пароходе «Варна» отец Давид покинул родные берега. Безмолвно стонала, ныла душа. Чтобы взбодрить упавших духом людей, священник предложил отслужить всенощную. Полковник Николай Лисунов и еще пятнадцать человек совершили получасовую спевку — и в трюме болгарского парохода зазвучали православные молитвы. После этого полковник и священник подружились, и всю последующую жизнь Николай Лисунов был регентом хора у отца Давида. Около полутора тысяч русских беженцев высадили

РУССКИЕ СУДЬБЫ

в Созополе. Там они образовали хор — сначала для пения в храме, а потом выбирались из Созополя с концертами, которые на первое время дали хоть какое-то пропитание. Наконец осели в Сливене.

С тех пор, как и большинство русских эмигрантов первой волны, отец Давид жил исключительно мечтой о возвращении на родину и по-своему боролся за нее. «Умереть на родине — последнее наше желание», — сказал он однажды в проповеди.

30 марта 1930 года у батюшки вырвалось признание: «За все долгие годы нашего пребывания вне России, я глубоко верю, ни у одного русского человека не было такого дня, да не только дня, а даже и часа, когда бы он не вспомнил о матери-родине — страждущей России, о своих родных, там оставшихся. <...> Муки насильственной разлуки с родиной, муки разлуки с родными и близкими, вечный страх за жизнь близких и неизвестность о судьбе их — это великий тяжкий крест, который несем мы».

С докладом под названием «Причины великого исхода русских из России и время возвращения их на Родину» отец Давид в качестве председателя Сливенского монархического объединения выступал в Сливене, Ямболе, Бургасе, Варне, Пловдиве, Пернике и Руссуке. «Что заставило почти два миллиона русских людей покинуть любимую Родину и на ней все самое дорогое, включительно до семейств своих, и уйти в чужие земли, и когда эти покинувшие Родину русские люди смогут вернуться к родным очагам, к себе на Родину?» — задавал он главный вопрос, который ставил много раз и впоследствии на собраниях и съездах соотечественников во Франции, Бельгии, Швейцарии.

Многие высказывания отца Давида кажутся обращенными к нам, сегодняшним. «Рассеянные по всему белому свету, мы воочию увидели свои грехи, поняли свои ошибки, разобрались в погрешностях и узнали много поучительного, полезного, спасительного», — сожалел отец Давид о позднем прозрении своего поколения. Ну а чем отличаемся в этом смысле от тех русских изгнанников мы — тоже в какой-то мере жертвы «иноверного завоевания», поглощенные своими сиюминутными заботами и болячками в момент тяжкого испытания для России? Чем отличаемся от них мы, забывшие русские песни, выкрикивающие бессмысленные иностранные словечки, кривляющиеся под дешевые привозные ритмы, пренебрегающие кровными обычаями, нравами и праздниками в угоду на-

вязываемым нам «общечеловеческим ценностям»? «Жизнь наша есть путешествие. Зорко всматривайтесь в проходимый вами путь, и если заметите тревожный сигнал, остановитесь, не продолжайте идти по гибельному пути — пути греха, обратитесь к Распятому Христу — и спасетесь!».

Спадет ли когда-нибудь пелена дурмана с глаз наших? Остановимся ли мы?

«Почти целое столетие, а может быть, и больше русские люди отвлекались от естественного развития по русскому руслу. Было чрезмерное увлечение западничеством и его так называемым либерализмом. Запад оказал чрезмерное влияние на восприимчивую русскую душу, и мы, русские, зашли слишком далеко, дальше своих учителей. Идеи, навязанные Западом, нашли безграничный простор в широком русском сердце, и мы, отвергнув свое русское, свое национальное, достигли крайних пределов утопизма и теперь несем заслуженную кару за отказ от своего православно-русского быта, за попрание национально-патриотических начал».

Как опять-таки все это созвучно нашим временам!

«Почему много обещавшие великие истины — «свобода, равенство и братство» — дали неравенство, страшный гнет и великую злобу? Потому только, что в этом учении нет Бога, нет любви, любви к Богу и ближнему».

Что ж, и в сегодняшней России от игр в «свободу» и «права человека» почему-то всегда выигрывают лишь «силы злобы поднебесной».

«Интеллигенция русская, и даже аристократия, панически страшилась осуждения в отсталости, осуждения в том, что она мало либеральна. Поддержкой дела нерусского, враждебного России <...> русская интеллигенция стремилась приобрести себе ярлык либеральной, передовой, просвещенной. Не задумывались денежные магнаты о том, что станет с Родиной, что будет с русским народом и Россией? <...> Опасаясь показаться отсталыми, мы хаяли все русское, хаяли редких национально мыслящих русских людей и вот довели Россию до нынешних бед».

Не повторяется ли это в России и теперь?

Или такое рассуждение, и сегодня не утратившее для нас актуальности: «Как бы стыдясь своей русской самобытности, мы сознательно разрушали ее, спешили сбросить свой национальный лик и облечься в облик либерального европейца. Здесь (в эмиграции. — **В. К.**) лицом к лицу мы столкнулись с те-

Из лиц, запечатленных на этой фотографии, нам пока с уверенностью удалось идентифицировать только двоих — это отец Давид (крайний слева) и И. А. Ильин (стоит в центре)

ми цивилизованными народами, культуре которых мы слепо поклонялись, отвергая свой православно-русский быт, а она, их культура, только на знамени своем носила красивые — да, только красивые — слова: гуманность, истина, красота, добро, братство, равенство, свобода. <...> Те самые слова, которые издали так пленяли нас, ради которых мы часто ломали свой религиозно-русский уклад жизни, освященный святою православною верою — русской верою».

Мысли священника во многом перекликаются с идеями философа Ивана Александровича Ильина, с которым отец Давид в последние годы своей жизни был очень близок. В Западной Европе, писал И. А. Ильин в «Наших задачах», «русское инородно, беспокойно, чуждо, странно и непривлекательно. Их мертвое сердце мертво для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожной, или каким-то большим и загадочным «недоразумением».

Запад в целом враждебно принял первую волну русской эмиграции. И отец Давид вынужден констатировать: «Нам — сынам России — бывшие наши друзья сказали: «Мы не знаем вас!». Ценою страшных испытаний мы познали ложь и обман того пути, по которому шли, которому учил нас просвещенный культурный Запад, который привел нас к катастрофе. Мы получили заслуженный, но горький и тяжкий урок».

И проповеди отца Давида пронизаны мечтой о том, чтобы «дожить до выздоров-

ления больной Матери нашей — Руси Святой». Все его мысли — «о Руси покаявшейся, не богохульной». «Тяжел крест Руси Святой и русского православного народа. И бывают моменты, когда нас начинает захватывать как бы отчаяние, неукротимая тоска». Но нет опаснее и тяжелее греха, чем уныние. И пастырь добрый предостерегает: «Никогда не выпускайте из сознания, ума и сердца, что в Кресте Святом наше утешение, наша победа и наше упование. <...> И будем мы — русский народ — страдать и бедствовать, пока не вспомним о чести, о долге, о совести, о Боге».

***

Отец Давид, как уже говорилось выше, самозабвенно любил свой Покровский храм. Для него это был духовно и физически клочок русской земли в Швейцарии. В заграничных поездках — во Франции, Южной Африке, Австралии, Намибии — я сам испытывал на себе внезапное чудесное ощущение кровной связи с Родиной, которая возникает, едва переступаешь порог православной обители на чужбине. «Нашей убогой церковкой» ласково называл отец Давид этот скромный домовый цюрихский храм. Первое служение в нем он провел в 1936 году, последнее — в 1956-м.

Очень многое может сказать об отце Давиде его окружение. Так, церковный приход в Цюрихе основала, опекала и поддерживала Екатерина Сергеевна Фишер — московская

РУССКИЕ СУДЬБЫ

*Прихожане и священник цюрихской церкви Покрова Пресвятой Богородицы
у мемориала павшим в Альпах суворовским войнам.
Слева направо: Татьяна Шварц, госпожа Лойцингер, Софья Андреевна Излер,
отец Давид, Виктория Ивановна Месерле, Э. Э. Месерле, Альфред Рисмондо,
Федор Антонович Чубов, Нина Рисмондо.
24–25 сентября 1949 года*

дворянка, жившая в Швейцарии с 16 лет. Муж ее был богатым промышленником. Как мне рассказывали, она выкупила подвал под церковь за бриллиантовое кольцо, подаренное ей супругом.

Е. С. Фишер была добрым ангелом для многих русских людей, оказавшихся на чужбине. Скольким отчаявшимся скитальцам ее помощь скрасила и даже спасла жизнь, скольких бездомных она пригрела! Ей посвящал свои стихи эмигрантский поэт Сергей Бехтеев:

*Русская женщина с русской душой,
Как благодарен я встрече с тобой,
Как на чужбине ее я ценю,
Бережно память на сердце храню.*

Отец Давид восхищал Екатерину Сергеевну своей недюжинной натурой, человечностью, духовностью. «Его слово отдавалось в человеческих сердцах добрыми чувствами, утешало прихожан, вселяло надежду», — подтверждает Елена Георгиевна Месерле. Некото-

РУССКИЕ СУДЬБЫ

рые из духовных чад священника до встречи с ним и в храме-то раньше не бывали, отойдя от Церкви еще до революции. Именно такой пастырь нужен был в изгнании тем, кому лишь вера давала силы. Многим он помог выжить, сберечь чувство Родины.

4 июля 1937 года отмечалось 35-летие пастырского служения отца Давида. «Мне — слабому и недостойному — пришлось за истекшие 35 лет перенести очень много. Не раз приходилось и страшной смерти смотреть в глаза. Много выпало и бед, и если бы не помощь Господня, иногда совершенно ясно не только осязаемая, но и видимая, то, конечно, не хватило бы сил пережить эти беды».

— Храм без него долго казался нам пустым, осиротелым, — призналась Елена Георгиевна.

В Швейцарии через Фонд спасения России батюшка оказывал содействие нуждающимся — в частности, философу И. А. Ильину и писателю И. С. Шмелеву. Кстати, первая встреча отца Давида с И. А. Ильиным в храме в январе 1940 года была не очень дружественной, даже скорее наоборот. Ивану Александровичу не понравились прямые вопросы священника на исповеди о том, не является ли он масоном. В письме И. С. Шмелеву Ильин сгоряча обозвал батюшку черносотенцем. Но уже

в 1948 году писал о нем, как о близком и надежном друге. 28 июня 1951 года Ильин сообщает архимандриту Константину (Кириллу Зайцеву) о только что законченной книге «Аксиомы религиозного опыта». «Всю книгу мне переписывал отец Давид Чубов. С Чубовым мы имели множество бесед о самых глубоких темах и проблемах». Еще до выхода книги отец Давид опубликовал о ней статью.

А могила батюшки погибла...

— Это печальный факт, — говорил мне священник, некоторое время служивший в его храме. — Наверное, церковные власти не сумели оценить, что нес и принес этот пастырь верующим и самой Церкви, не понимали, что могила такого человека — духовная ценность. Дело здесь не в материальной стороне, а в нравственной. Те, кому он отдал все силы своей души, к 1980 году либо ушли из жизни, либо оказались равнодушными, а их дети и внуки уже не были русского происхождения.

...Смотрю на присланную мне Еленой Георгиевной фотографию. На ней у подножия мемориала павшим суворовским воинам у Чертова моста — горстка прихожан цюрихского храма Покрова Пресвятой Богородицы и их священник, сказавший тогда: «Надо, чтобы русские всегда помнили о русских»...

¹Епископ Женевский (РПЦЗ) Леонтий (Бартошевич. 1914–1956).

²Архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский Иоанн (Максимович. 1896–

1966). Прославлен Русской Православной Зарубежной Церковью (1994) и Русской Православной Церковью Московского Патриархата (2008).

ИНФОРМНАУКА

ИНФОРМНАУКА

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ!

ООО „ИНФОРМНАУКА“ осуществляет:

- ПОДПИСКУ НА РОССИЙСКУЮ ПЕРИОДИКУ
- ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИГ
- КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК
- ПОСТАВКУ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ

Россия, 125190, Москва, ул. Усиевича, 20
Тел.: +7(495) 787-38-73. Факс: +7 (499) 152-54-81
E-mail: alfimov@viniti.ru www.informnauka.com

Берта Христиановна Бухарина

«Метро построено блестяще!»

К 75-летию Московского метрополитена

15 мая 1935 года, семьдесят пять лет тому назад, открылись двери первых тринадцати станций московского метро. Поезда ходили тогда от «Сокольников» до «Парка культуры» и до «Смоленской» нынешней Филевской линии.

Осенью 1934 года состоялся первый пробный рейс. К этому моменту на Мытищинском заводе в Подмоскowie выпустили первую секцию будущего состава из моторного и прицепного вагонов. Управлять движением поручили инженеру Михаилу Наумовичу

Шполянскому. Это был талантливый специалист, участвовавший в создании первого советского электровоза, разрабатывавший электроустройство для первых троллейбусов и руководивший группой электриков завода «Динамо», которые сдавали в эксплуатацию вагоны для метрополитена.

— Первый рейс состоялся 15 октября 1934 года, — рассказывает один из участников события метростроитель Константин Абрамович Ратнер. — Поезд шел тогда медленно, осторожно...

Первый поезд метро. 15 октября 1934 года

Михаил Наумович Шполянский

Но таких «первых» рейсов, оказывается, было шесть. Секция из двух вагонов следовала от станции «Сокольники» до «Комсомольской». Шполянский, удостоверившись, что электрооборудование работает хорошо, прокатил пассажиров, что называется, с ветерком. Три последних рейса поезд уже мчался со скоростью до 65 километров в час. По воспоминаниям очевидцев, это сначала вызвало страх. Так быстро тогда ходили только электрички, но — по земле. Постепенно напряжение прошло, опасения развеялись...

Рождению московского метро предшествовали серьезные и многочисленные теоретические и проектные разработки энтузиастов, начавшиеся после введения электротяги в Лондонской подземке и открытия первой линии Парижского метро к Всемирной выставке 1900 года. Именно эту линию изучали в Париже молодые российские инженеры Виктор Леопольдович Николаи и Семен Николаевич Розанов, возглавившие проектирование отечественного метрополитена в 1930-х годах.

Однако вопрос о метро впервые был поднят в России отнюдь не в 1931 году на июньском Пленуме ЦК ВКП(б), а намного раньше. И первые проекты делались, оказывается, не для Москвы, а для Петербурга — тогдашней столицы. Инициатор отечественного метростроения инженер Петр Иванович Балинский в конце XIX века предложил сначала проект

Петербургского метро, а уж затем — в 1902 году — Московского. В соавторы Балинский взял известного специалиста по строительству крупных мостов Евгения Карловича Кнорре.

Еще один детально разработанный проект московского метрополитена представил в Московскую городскую думу инженер путей сообщения А. И. Антонович. Весть о том, что в Москве ведется столь серьезный разговор на эту тему, достигла Америки, и в Россию поспешил предприимчивый бизнесмен Г. Д. Хофф, тоже обратившийся в городскую думу со своим проектом. В возникновении метрополитена важную роль сыграл проект Московской окружной железной дороги, в разработке которого участвовал и вышеупомянутый В. Л. Николаи.

В 1902 году строительство метро в Москве так и не началось. К этому вопросу вернулись в 1911 году, когда всем стало ясно, что без внеуличного транспорта в Первопрестольной не обойтись. К разработке проекта вновь привлекли инженера Е. К. Кнорре. В Музее истории Москвы хранятся 60 листов каллиграфически исполненных им чертежей.

При советской власти о строительстве метро на муниципальном уровне заговорили сразу после переезда правительства в Москву. Получив статус столицы, Москва требовала коренного преобразования и улучшения городского хозяйства. С этой целью при Моссовете были созданы архитектурные мастерские, образовано Управление московского коммунального хозяйства (МКХ), которому стал подведомствен и транспорт.

В 1924 году МКХ поручило входившему в его состав Управлению московских городских железных дорог (МГЖД) подготовить пригодный к быстрой реализации проект метрополитена с производством первоочередных натурных изысканий. В МГЖД создается специальный подотдел метрополитена во главе с главным инженером А. В. Гербко, куда вошли известные специалисты, ставшие впоследствии ведущими проектировщиками Метрогипротранса — С. Н. Розанов, К. С. Мышенков, М. Н. Мошков, А. И. Горьков, В. Г. Цирес и другие. В период с 1925 по 1930 год они разработали сеть из четырех диаметральных и одной кольцевой линий общей протяженностью около 50 километров. Эти разработки послужили исходным материалом для постановления Пленума ЦК ВКП(б) 1931 года о начале строительства метрополитена в Москве.

В 1932 году создается технический отдел непосредственно при Метрострое. Располагался он на Ильинке, 3, где долгие годы

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Памятка, выдаваемая пассажирам метро в 1935 году

Станция «Сокольники». Фотография 1935 года

Станция «Кропоткинская» («Дворец Советов»). Фотография конца 1930-х годов

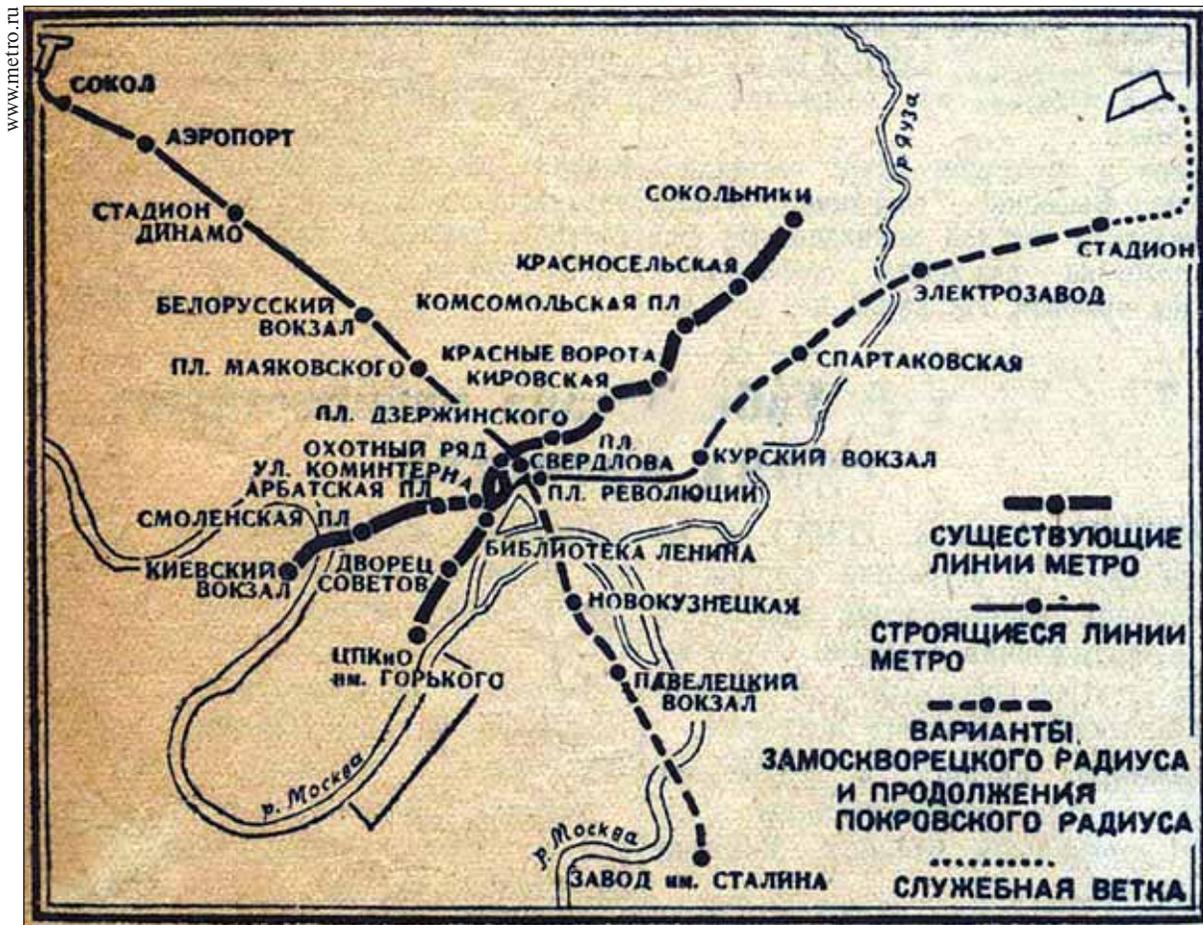

Схема линий Московского метро 1937 года

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

размещалось Управление московского Метростроя. Именно в этом историческом здании рядом с Кремлем рождались чертежи метро. Первые предложения проектировщиков в том же году прошли апробацию четырех экспертных комиссий — советской, германской, французской и английской. В 1933-м технический проект одобрила советская государственная экспертиза. Принципиальные проектные и технические решения были приняты правильно. Схема линий метро соответствовала структуре города и охватывала главные направления пассажирских потоков.

В июне 1933 года организуется центральная контора «Метропроект» — предшественница института «Метрогипротранс». Возникновение этой конторы, объединившей лучших специалистов, было связано с увеличением объема проектных работ и изменением их характера: некоторые участки с учетом градостроительной ситуации и геологических условий теперь планировалось прокладывать на большой глубине.

Разработка плана реконструкции Москвы велась параллельно с проектированием первой очереди метрополитена. Даже в официальной прессе говорилось о том, что Метрострой

не ждал, когда градостроители окончательно установят перспективные направления улиц и расположение площадей. Таким образом, не Генеральный план, а во многом метрополитен определил будущую планировку столицы. Тем большая ответственность ложилась на плечи сотрудников сначала Метропроекта, а затем Метрогипротранса, где на ватман наносились первые наброски уже реальных линий и станций.

С самого начала метро решало не только проблему транспорта. Перед целой плеядой архитекторов, увлеченных подземным зодчеством, стояла непростая, но увлекательная задача: создать особую отрасль архитектуры — архитектуру метро. Вот почему так красивы и разнообразны станции, убранством которых мы до сих пор не перестаем восхищаться.

Весной 1934 года в московских газетах появилось сообщение о конкурсе на лучшие проекты архитектурного оформления станций метро. В нем приняли участие видные зодчие Москвы, Ленинграда, Киева. В тесном сотрудничестве с архитекторами работали выдающиеся художники и скульпторы страны. Эскизы проектов выставлялись в праздничные дни в витринах магазинов на Тверской, и возле

Станция «Библиотека имени В. И. Ленина». Фотография 1935 года

www.metro-photo.ru

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

них толпились люди. Вот что вспоминала о тех днях ученый секретарь созданного при Метрострое архитектурно-художественного совета, заместитель Главного архитектора Метрогипротранса Любовь Александровна Шагурина:

«Конкурсная комиссия заседала на Тверской. На первом этапе проектирование станций и вестибюлей первой очереди поручили группе молодых архитекторов — А. Тархову, М. Седиковой, И. Таранову, Н. Быковой, Л. Шухаревой, Л. Шагуриной, Ю. Ревковскому, Н. Андриканису, Я. Лихтенбергу и другим. Но Московский комитет партии и Моссовет предложили привлечь к этому более широкие круги архитекторов. Возможность соревноваться получили представители различных творческих направлений. В конкурсе участвовали А. Щусев, Б. Иофан, В. Гельфрейх, Н. Колли, И. Фомин, Д. Чечулин... Каждому хотелось, чтобы именно его проект победил. Работать в метро было очень интересно. До конца жизни членом архитектурно-художественного совета был Алексей Викторович Щусев, который внес немало ценных замечаний при рассмотрении конкурсных проектов.

Много внимания архитектуре станций метро уделял первый начальник Метростроя Павел Павлович Ротерт. Он активно участвовал в работе комиссии, просматривал все проекты, представленные на конкурс. Рассказывают, что творческие дискуссии нередко продолжались и дома у Ротерта. Наряду с известными мастерами здесь часто бывала и молодежь. Впоследствии все они стали видными архитекторами, лауреатами Государственной премии СССР — Виктор Андреев, Иван Таранов, Надежда Быкова, Леонид Павлов...

Широкую известность получило тогда высказывание Л. М. Кагановича, курировавшего строительство первой очереди метрополитена: «На метро мы видим величайший разворот творчества, расцвет архитектурной мысли — что ни станция, то дворец, что ни дворец, то по-особому оформленный». Московское метро должно было существенно отличаться от зарубежных подземных магистралей, облик станций — соответствовать стилю новой Москвы, выражать творческую мощь нашего народа. Отсюда — широкое использование мрамора, гранита, художественной росписи, лепки, мозаики, скульптуры. Попадая на станцию, пассажир ни в коем случае не должен был испытывать ощущение, что он находится под землей. Именно об этом в 1935 году писал известный советский архитектор Н. Я. Колли: «Подземные станционные сооружения метро не могут быть просто

*Л. М. Каганович,
нарком путей сообщения (1935—1944)*

сугубо утилитарными сооружениями, они являются неотделимой частью всего городского ансамбля в целом, своеобразным продолжением города под землей».

Инженер И. Фиалковский, часто по должности сопровождавший иностранных гостей в поездках по метро, вспоминал отзыв Уинстона Черчилля: «Мастерское творение, полное воображения и благородства». Настоящим музеем подземной архитектуры назвали наше метро французские парламентарии. А вот в одном из швейцарских журналов появилась однажды статья под заглавием «Московское метро — парадный трюк советской власти». На снимках — пустые станции. Автор писал, что из-за роскошной отделки в московском метро пришлось ввести систему крупных штрафов за малейшие повреждения интерьеров и установить столь высокую стоимость проезда, что пользоваться метрополитеном могут только наиболее состоятельные люди.

К сожалению, до сих пор на станциях московского метро нет табличек с именами тех, кто их создал: Н. Алешиной, Ю. Вдовина, В. Виленского, Н. Демчинского, В. Клокова, Ю. Колесниковой, М. Марковского, А. Маровой, И. Петуховой, Р. Погребного, Л. Попова, Н. Самойловой, А. Стрелкова, Я. Татаржинской, М. Тренина, В. Черемина и многих других. Особый вклад в архитектуру метро

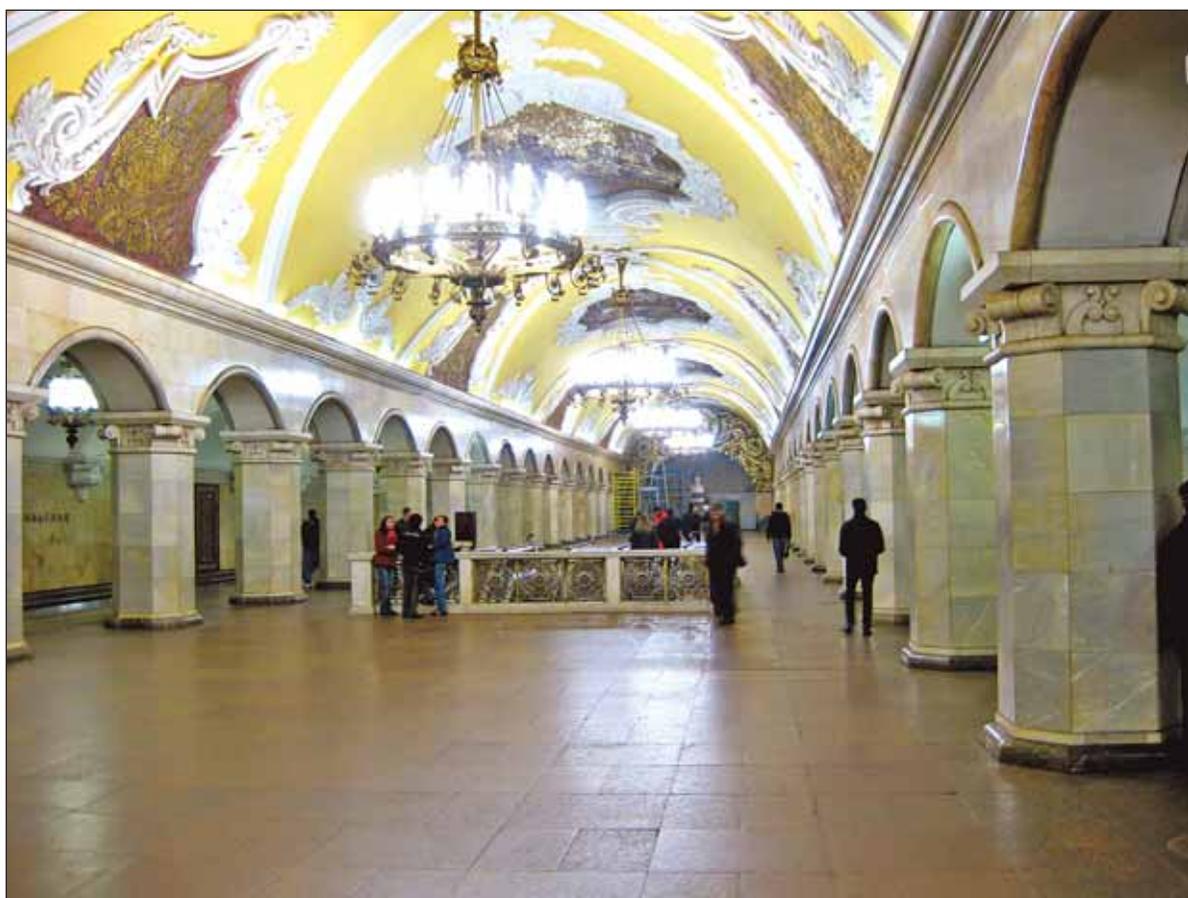
ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

*Вестибюль станции «Комсомольская» (радиальная).
Фотография 1953 года*

www.metro-photo.ru

*Станция «Комсомольская» (кольцевой линии)
сегодня*

www.metro-photo.ru

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

внес Алексей Николаевич Душкин — трижды лауреат Государственной премии СССР, который много лет был главным архитектором института «Метрогипротранс». Созданные им станции «Кропоткинская», «Маяковская», «Новослободская», получившие всемирное признание, до сих пор остаются классическим примером монументальности, выразительности, образной яркости.

«Наших дел глубокий след останется в земле на сотни лет» — эти слова поэта-проходчика первой очереди метро Григория Кострова знали все метростроевцы. Они были действительно уверены в том, что строят на века. И им надо отдать должное: не имея ни опыта, ни современных технологий, механизмов, материалов, они делали свое дело мастерски. Станции первой очереди — все тринадцать — памятники архитектуры, истории и культуры. Уже в 1938 году Гран-при на международных выставках в Париже и Брюсселе получили станции «Красные ворота» и «Кропоткинская»; тогда же была отмечена удачная архитектура «Комсомольской»-радиальной.

«Метро построено блестяще. То, что мы увидели в натуре под землей, превзошло по впечатлению все ожидания», — говорил о первой очереди А. В. Шусев. А. Н. Душкин: «Облик метро — это явление, не отделимое от истории и культуры народа». Архитектору Н. Н. Андриканису принадлежат слова: «На мой взгляд, первые станции Московского метрополитена отмечены серьезностью поисков, запоминающимися архитектурными образами. Каждая отмечена своеобразным почерком автора».

Ныне в Москве уже более 180 станций метро. И те традиции подземной архитектуры, которые были заложены еще на первой очереди, сохраняются и сегодня. Каждый новый подземный дворец неповторим по своему художественному облику. Открывшиеся в последние годы станции «Дубровка», «Улица академика Янгеля», «Аннино», «Воробьевы горы», «Бульвар Дмитрия Донского», «Парк Победы», «Славянский бульвар», «Строгино», «Трубная», «Сретенский бульвар» и другие отличаются интересными архитектурными решениями, разнообразием использованных отделочных материалов и приемов освещения.

В канун 2010 года метростроители сдали в эксплуатацию почти семь километров подземной магистрали с тремя новыми станциями — «Мякинино», «Волоколамская» и «Митино». Митино-Строгинская линия связала со станцией «Парк Победы» и дальше с центром города огромный жилой район Митино.

Впервые метро столицы «шагнуло» в Подмосковье: станция «Мякинино» сооружена на территории Красногорского района Московской области.

И конструкцией, и архитектурой поразила пассажиров «Волоколамская». Даже жесткий режим экономии и связанные с ним потери не смогли испортить станцию, задуманную в лучших традициях отечественного подземного зодчества. В полтора раза — до девяти метров — увеличена ее высота и с шести до девяти метров — шаг колонн. «Подобного в Москве еще не было, — рассказывает один из создателей станции архитектор Александр Орлов. — Метровоззал выиграл от таких непривычных для метро объемов. Поскольку технология строительства шагнула далеко вперед, для сооружения свода мы использовали новую опалубку и получили невероятно красивый свод. Это отнюдь не элементарное перекрытие в виде сборных плит, а максимум пластики и изящества. Пассажир спускается... и видит похожую на дворец «Волоколамскую», одетую в традиционный мрамор и гранит. А на поверхности наземные павильоны гармонично сочетаются с зеленью, вписались в ландшафт, ведь они сооружены в парковой зоне, обращены к Москве-реке».

Недавно были утверждены архитектурные решения для станций южного участка Люблинской линии от «Марьино» до «Зябликово». Эта трасса объединит две очень загруженных линии — Замоскворецкую и Люблинско-Дмитровскую, позволит перераспределить потоки пассажиров. Три новые станции — «Борисово», «Шипиловская» и «Зябликово» — образуют единый ансамбль благодаря единой для всех трех проектной концепции. Они запроектированы в соответствии с последними общемировыми тенденциями. Подобные ре-

*Станция «Маяковская».
Фотография 1940-х годов*

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

*Проект (макет) станции «Маяковская»
на выставке в Нью-Йорке в 1938 году*

шения принимаются при строительстве новых линий метро в Лондоне, Париже, Риме и других крупных городах планеты.

В этом году в подземном городе должны открыться новые станции «Достоевская» и «Марьяна Роща». В канун юбилея на метрополитене произошло знаменательное событие: закончилась реконструкция одной из самых красивых станций — «Маяковской», сооруженной в 1938 году и почти сразу же удостоенной Гран-при на международной выставке в Нью-Йорке. В процессе реконструкции и реставрации специалистам удалось защитить конструкции подземного сооружения от грунтовой воды. Станция, где несколько десятилетий все мы наблюдали меняющийся по своей интенсивности, но постоянный капеж, стала сухой. Отреставрирован вестибюль, встроенный в здание Московской филармонии; выполнены гидроизоляционные работы в наклонном тоннеле; заменены эскалаторы, выработавшие свой технический ресурс; заменены вставки из уральского родонита на колоннах; ярко освещена мозаика в куполах; в новый наряд из уфалейского (месторождение в Челябинской области) мрамора оделись путевые стены...

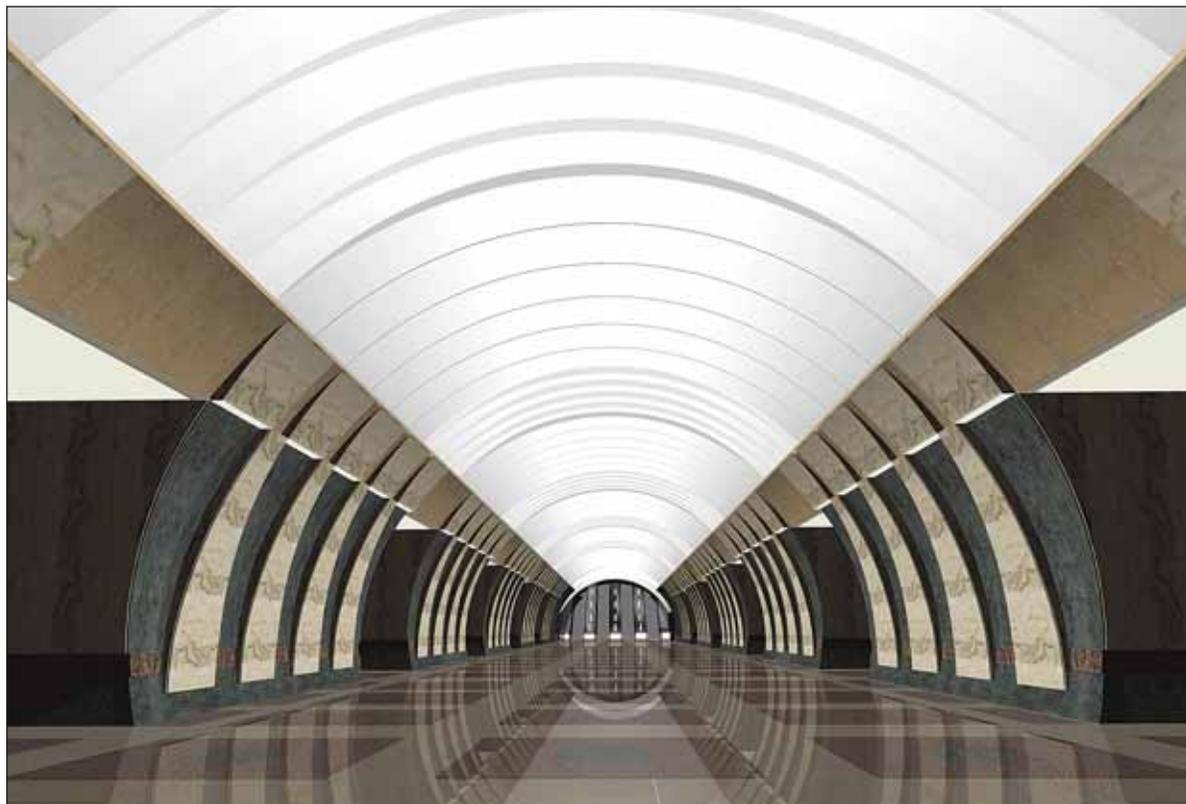
Недавно правительство города приняло программу развития Московского метрополитена на ближайшие годы. Утвержден перечень новых станций и линий, проектирование которых будет выполняться в 2010–2011 годах, а строительство начнется после 2012-го. Это станции «Суворовская» на кольцевой линии, «Спартак» на Таганско-Краснопресненской, «Технопарк» на Замоскворецкой; новая линия в Лихоборы; линия от «Делового центра» через Ходынское поле до Савеловского вокзала; участок от «Выхино» до «Жулебино»; Калининско-Солнцевская линия; продление Замоскворецкой линии в Братеево; соединение Бутовской и Калужско-Рижской линий, устройство новых выходов на станциях «Бауманская», «Комсомольская», «Парк культуры»-кольцевая и других.

Архитектура метро стала «законодателем мод» в подземном зодчестве. Ее достижения используются сегодня при сооружении крупных транспортных развязок, подземных торговых-транспортных площадей и пересадочных узлов.

«Сила нашего коллектива именно в сохранении традиций, — считает главный архитектор Метрогипротранса, член Московского союза архитекторов, член-корреспондент Российской академии художеств Николай

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Марьяна роца (проект центрального зала)

Шумаков. — Если мы и впредь будем следовать лучшим традиционным приемам, преломляя их в дне сегодняшнем, учитывая требования и достижения XXI века, результат и впредь будет удачным. В подземной архитектуре очень важна преемственность поколений. Мы можем гордиться, что во время посещения нашей столицы оценочная комиссия Международного Олимпийского комитета побывала в московском метро. Гости проехали от станции «Проспект Вернадского» до «Воробьевых гор», и уникальный метровокзал над Москвой-рекой привел их в восторг».

Московский метрополитен работает сегодня с огромной нагрузкой. Рассчитанный на комфортную перевозку 6,5 миллиона пассажиров в сутки, он в будние дни перевозит до 9 миллионов. На большинстве линий уже использованы все технические возможности для повышения провозной способности: к составам добавлены дополнительные вагоны, интервал между поездами доведен до минимального — 90 секунд (это один из лучших результатов в мире), в вестибюлях установлены турникеты новых моделей, которые реверсируются в нужную сторону в зависимости от пассажиропотока, благодаря билетам типа «ультралайт» сокращено время прохода через турникеты.

Более четырех тысяч вагонов перевозят пассажиров столичного метро. В течение нескольких лет парк регулярно пополняется

вагонами «Русич», выпущенными на Мытищинском вагоностроительном заводе. Эти вагоны имеют асинхронные двигатели, принудительную вентиляцию, новую просторную кабину машиниста. Салон такого вагона разработан с учетом современных требований к комфорту и дизайну. Он максимально насыщен электроникой: машинист может прямо из кабины проводить полную диагностику работоспособности своего поезда. «Русичи» курсируют на Бутовской линии легкого метро, на Арбатско-Покровской и Филевской линиях. А вот вагоны типа «Е» спустя полвека после их появления были недавно выведены из эксплуатации. Остался лишь один — в депо «Новогиреево» как музейный экспонат.

Вообще у подвижного состава метрополитена своя история. «Изначально внешнему виду и интерьеру отечественных вагонов метро придавалось большое значение, — рассказывает директор Музея метрополитена Константин Черкасский. — Сначала вагоны имели деревянные лавочки. Приехавшему принимать первый состав Л. М. Кагановичу это не очень понравилось, хотя во всем отечественном транспорте тогда были сиденья, собранные из дощечек. Прозвучала знаменитая фраза: «Каждому пассажиру надо дать по мягкому месту». Сиденья с тех пор стали делать мягкими, позже полумягкими, и этот принцип сохранился до сих пор».

Технопарк

Более пятнадцати лет пассажиры московского метро ездили в вагонах, привезенных сразу после войны из Берлина и приспособленных для работы в нашем метрополитене. Из 120 берлинских вагонов в Москве сохранился опять же один. Сегодня метрополитен располагает уникальной коллекцией вагонов разных серий и типов.

Мы привыкли к голубому экспрессу столичной подземки. Однако вагоны метрополитена не всегда имели такой цвет. Самые первые были красно-желтыми (низ — крас-

ный, верх — желтый). Голубые же появились позже на Горьковском радиусе. Вообще с раскраской подвижного состава проводились различные эксперименты. Например, опытный образец вагона тип «Д» сделали вишневым. Изначально желтые вагоны, привезенные из Берлина, позже стали горчично-желтыми. Так называемые номерные вагоны красили то в желтый, то в зеленый, то в розовый цвет — состав получался разноцветным. А вот сегодняшние вагоны «Яуза» и «Русич» — серебристые.

Бутовская линия метро. Станция «Улица Горчакова»

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Метро в Москве продолжало строиться и в военные годы. Было сооружено семь новых станций — в их вестибюлях установлены памятные доски. Действующий же метрополитен не только перевозил пассажиров, но и спасал москвичей от бомбежек. И станции, и перегоны использовались как бомбоубежища. Именно в метро на станции «Маяковская» прошло в ноябре 1941 года торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции, на котором выступал Сталин.

Подлинный триумф народа-победителя — кольцевая линия Московского метрополитена. Ее строительство задумывалось еще до Великой Отечественной войны, однако к работам приступили в середине 1944 года, когда победа над фашизмом была уже близка. Кольцевая линия длиной двадцать километров с двенадцатью станциями сооружалась почти десять лет и была полностью завершена в 1954 году. Все ее двенадцать станций величественны, монументальны, богаты декором. Здесь есть потрясающие работы художников и скульпторов, которые выделяют кольцевую линию, делают ее «парадной». Это прежде всего купол на своде эскалаторного зала

станции «Таганская» и ее пилоны, декоративная ваза в эскалаторном зале станции «Курская», потолочная мозаика «Комсомольской», витражи «Новослободской», мозаика «Киевской». Над проектом «Комсомольской» группа архитекторов под руководством А. В. Щусева начала работать в 1948 году. Получился подземный дворец, который называли Залом Победы. Макет «Комсомольской» на международной выставке в Брюсселе в 1958 году был удостоен Гран-при.

* * *

Сегодня Московский метрополитен — основной вид общественного транспорта столицы. Представить без него жизнь города невозможно. Он, несмотря на потрясения последних двух десятилетий, продолжает строиться, развиваться, совершенствоваться. И мы по-прежнему с полным правом говорим: «Московское метро — лучшее в мире».

*Часть иллюстраций предоставлена
Народным музеем истории
Московского метрополитена*

**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://mosjour.ru>

Тел.: (495) 912-23-04; e-mail: mosmag@mosjour.ru
109004. Москва, ул. Николаямская, д. 45, стр. 1

Александр Яковлевич Булгаков

Современные записки и воспоминания мои*

Отрывки из дневника

Лопухин, Витберг, Аракчеев

Сентябрь 1826 г.

28-го Государь велел поутру рано запрячь дрожки в одну лошадь и отправился в университет¹. Найдя в первой комнате, в которую взошел, писавшего человека, спросив у него, кто он таков? — и, узнавши, что он профессор греческого языка и называется Бородун, велел себя вести в классы. Профессор очень испугался и повел Государя вверх. Скоро разнесся слух, что Государь в университете, и он был окружен множеством воспитанников, с коими очень ласково разговаривал, и вошел с ними в залу. Увидя на стене имена, золотыми буквами написанные, он спросил, не имена ли это отличившихся учеников и, узнав, что так, начал читать. Прочтя имя Жуковского, Государь спросил, тот ли это Жуковский, который при наследнике², ему отвечали, что тот самый. Также спросил он, какого Якубовича написано тут было имя,

*Ф. Крюгер. Портрет императора Николая I.
Холст, масло. Вторая четверть XIX века*

*Продолжение. Начало в № 4–5 за 2010 год.

на что ответствовано было, что это тот самый Якубович, который был замешан в последнем заговоре. Тогда Государь, прервав чтение свое, начал говорить ученикам речь столь поучительную и премудрую, что все они были тронуты. Он делал сравнение Жуковского и Якубовича: вы видите, сказал между прочим Государь, что одно дарование недостаточно, что не довольно еще хорошо учиться, надобно делать хорошее употребление из способностей, кои мы имеем, избегать худые общества, не связываться с шалунами. «Вы видите, что Жуковский хорошим своим поведением заслужил честь быть наставником наследника престола и будет по мере своих заслуг награжден, а Якубович, вступив в гнусный безрассудный заговор, изменил своей присяге, Государю и отечеству и теперь сослан на вечную каторгу в Сибирь. Пусть оба примера обратятся в пользу вашу, перенимайте у Жуковского, избегайте бесчестия, стыда и наказания, которые постигли Якубовича. Учитесь правильно, но более всего ведите себя хорошо, будьте утешением ваших родителей и верными слугами отечества. Я обещаюсь навещать вас всякий раз, что буду в Москве, а ежели не будете хорошо себя вести, то это посещение будет первое и последнее». Подняв на руки самого младшего из воспитанников, Государь его поцеловал и сказал ему: «Учись хорошенько, я тебя пожалуй фельдмаршалом!». Малютка обрадовался обещанию как бы чему уже пожалованному и поцеловал руку Государя.

Попечителю учебного округа Московского генер[ал]-м[айору] Писареву, вошедшему в это время, Государь сказал: «Я надеюсь, что вы приложите всевозможное старание сделать из них — (указывая на детей) — полезных для России людей!». С[татскому] сов[етнику] Курбатову³ изволил сказать: «Вы взяли на себя трудную обязанность, но я надеюсь на ваше усердие, и что совершите то, чего не мог выполнить ваш предшественник». Государь пожелал видеть, где спят воспитанники, нашел, что не довольно чисто, приказал кровати и тюфяки сделать вновь по образцу тех, кои в прочих казенных заведениях в Петербурге, и уехал, оставив иных тронутых, иных пораженных неожиданным сим посещением. Одному ученику сказал Государь: «Зачем смотришь изподлобья, это нехорошо! Это знак, что у тебя совесть не чиста! Зачем меня бояться? Смотри мне прямо в глаза!». ⁴ Ученик со страхом исполнил волю Государя, однако же говорят все, что он хорошего поведения и один из прилежнейших учеников университета. Когда посещения Государя известны заранее, то к оным все готовятся, а он видит всё в праздничном платье, но подобные неожиданные появления не могут не приносить великой пользы. <...>

Государь изволил выехать из Москвы 1-го числа октября; в тот же день кушал в Архангельском у князя Юсупова, а ночевал в Новом Иерусалиме. <...>

1827 г.

5 апреля скончался в Петербурге председатель Государственного совета, дей[ствительный] т[айный] с[оветник] 1-го класса князь Петр Васильевич Лопухин, от старости. Ему было 85 лет. Он до кончины своей сохранял все свои способности, кроме слуха. Желательно всякому дожить до сих лет и дослужиться до таковых почестей, но не купить оные теми же средствами. Покойный князь не весьма был разборчив, когда дело шло подвигаться вперед или подниматься выше. О нем можно сказать, как о многих, коих имена

не внесутся в историю: послужил! Он вступил рано в гражданскую службу, быв в Москве обер-полицмейстером, губернатором, потом владимирским и ярославским генерал-губернатором. Со вступлением императора Павла I на престол началось возвышение Лопухина. Государь во время коронации своей в Москве заметил молодую девицу с прекрасными черными глазами на бале в Грановитой палате, спросил, кто она. Окружавшие Государя не знали ее, но узнали наконец, что это дочь П. В. Лопухина Анна Петровна. Я от нее самой слышал⁵, что она тут же представлена была императору Анною Ивановною Нарышкиною, вышедшею после замуж за князя Алексея Петровича Щербатова. Государь в нее влюбился. Лопухин был вытребован в Петербург и сделан генерал-прокурором. Го-

*С. С. Жукин. Портрет П. В. Лопухина.
Картон, масло. 1801 год.
Тюменский областной музей
изобразительного искусства*

сударь ей сказал: «J'ai beaucoup couru le monde, je n'ai vu dans aucun pays des yeux comme les vôtres»⁶. С сей минуты молодая Лопухина сделалась предметом обожания целого двора, <...> особливо кумушек но она, приехав домой, плакала. Лицо Государя и особливо голос его ее страшили. Ее сделали фрейлиною. Бриллиантовое «М» ее радовало⁷. Она не имела ничего подобного у себя. Отец ее не любил; она радовалась, увидя, что он, а особливо мачеха ее стали вдруг к ней нежны. Лопухин посредством ее выпрашивал беспрестанные милости для себя, а та для любовника своего Фед. Петр. Уварова⁸. Любовь Государя была платоническая, рыцарская, бескорыстная. Я имел в руках моих множество его писем, они дышали пламенною, но невинною любовью. В одном говорил он ей, что ежели провидение призовет к себе Марию Федоровну, то он, следуя примеру предков своих, даст ей свою руку и возведет ее на российский престол! Анна Петровна была нраву тихого, ума ограниченного, не честолюбива и добронравна. Она положением своим, властью над Государем приобретенною, не хотела, да и не умела пользоваться. Двор ей скоро надоел. Она влюбилась в молодого князя Гагарина, сына князя Гаврилы Петровича⁹. Для сердца государева был это удар. Прежде многие молодые люди, как, например, Рибопиер¹⁰, обращали на себя ревность его, хотя и без причины, и были удаляемы из столицы (Рибопиера отправили с миссией в Вену, и сие блистательное заточение послужило основанием к успехам его по службе). Лопухина открыла свое сердце Государю. Она ожидала гнева,

[а] вместо того видела слезы его. Он умножил царские свои милости, внимание, но все было тщетно. Грусть любезного предмета наводила тоску на него самого. Он убедился в том, что Гагарина¹¹ обладала сердцем, которое не трогалось блеском и величием первого в мире престола. Желая рассеять свою любезную Анну, он приискивал все средства, делал ей праздники, делал подарки; везде был виден утонченный вкус нежного любовника¹². Все было напрасно!

Наконец приносит он величайшую жертву для царя, столь самовластного, с чувствами столь пылкими. Тут Павел, конечно, превзошел <...> Сципиона: он жертвует сопернику, подданному своему, предметом страсти своей¹³. «C'est fini, — сказал он прелестной Анне. — Vous voulez ma mort, eh, bien! Vous l'aurez. Je n'ai pas su vous plaire, je vous prouverai que je sais vous aimer. Je consens à votre mariage avec le Prince Paul»¹⁴. Лопухина бросилась к его ногам, рыдая. Государь ее поднял и поцеловал у нее руку, — руку только в такую минуту, где, конечно, мог бы себе позволить более. Она тронута была, тем более что вспоминала, что отец не раз предлагал ей замужество с людьми, кои соглашались носить звание мужа только для того, чтобы прикрывать nepзoвoлительную связь между ею и Государем, а тут сам Государь вручает ей молодого, ею самую избранного мужа и любовника. «Dans ce moment, — говорила мне Анна П[етровна], — l'Empereur me paraissait beau comme un Ange, il avait l'air si touché de mon état. Il réfléchit un instant et ajouta: «Gagarine peut mériter votre coeur, mais il faut qu'il se rende digne de votre main, c'est un petit officier sans illustration; je l'enverrai à Souvoroff, qu'il distingue et il vous épousera»¹⁵. Государь, увидя перо на столе, взял бумагу и написал: «Посылаю вам, граф Александр Васильевич, молодого Гагарина. Имейте особенное об нем попечение, он желает отличиться, доставьте ему случай это исполнить». «Êtes-vous contente de cette lettre?» — спросил Государь, но Лопухина задумалась; где война, тут, казалось ей, и смерть, особенно когда дело шло о молодом человеке. «Il ira, — сказала она, — à la guerre, il reviendra Dieu sait quand, peut — être... jamais!!»¹⁶ Государь взял письмо и прибавил: «Возвратите его нам скорее с известием о новых победах». Гагарин был отправлен курьером к Суворову. Он мне рассказывал, что когда он явился к нему, то старый герой, поведя рукою по мундиру его, не украшенному никакими знаками отличия, сказал: «Какой он голинькой! Надобно его нарядить по-нашему!». Всем известно, как Суво-

*С. С. Шукин. Портрет императора Павла I.
Холст, масло.
1797 год*

... (text continues from previous block)

*В. Л. Боровиковский. Портрет Анны Гагариной
(урожденной Лопухиной).
Холст, масло. Конец XVIII века*

ров бил французов, как Италия им поспешно и славно очищена была от неприятеля. Гагарин был беспрестанно представляем к награждениям. После победы при Нове¹⁷ был он отправлен в Петербург со знаменами, отбитыми у неприятеля. Настало для Павла время исполнить свое обещание и желание молодой Лопухиной. Гагарин был пожалован в генерал-адъютанты, он имел ордена Анны с алмазами, командорственный крест св. Иоанна Иерусалимского, также бриллиантовый, орден Лазаря и Маврикия. Брак совершился во дворце, но он нимало не переменил чувств императора. Он княгиню Гагарину столь же любил, сколько любил девицу Лопухину. Она была 22 лет только, [но] это не помешало Государю пожаловать ее в статс-дамы и кавалером боль-

шого креста ордена св. Иоанна Иерусалимского. По званию сему и мужа ее, отведена была им квартира во дворце. Они жили и в Михайловском замке. В несчастное 11-е число марта Павел часов за шесть до кончины своей был у княгини, и последние его слова были уверения в непоколебимости чувств его к ней. Он умер, оставя ее неприкосновенною: при страстной своей любви он никогда не нарушал против нее не только благопристойности, но даже правил учтивости. Здесь не место о сём говорить, но я имею на то весьма ясные доказательства, опровергающие общую молву и мнение, что император был в любовных сношениях с княгиней Гагариною.

В царствование императора Павла Лопухин был пожалован в действ[ительные] т[айные] советники, получил орден св. Андрея и большой крест св. Иоанна Иерусалимского, после портрет императора, осыпанный бриллиантами, для ношения на груди и, наконец, и княжеское достоинство с титулом светлости. Однако же в последнее время впал он в немилость и скрылся в Москву. Он интриговал для доставления себе места 1-го министра, в коем хотел он соединить всю власть и подчинить себе всех прочих любимцов Государя и особо пользовавшихся его доверенностию, но сие не только ему не удалось, но было даже причиною его падения и ссылки друзей его, князя В. А. Хованского (тестя моего), которого прочил он в генерал-прокуроры, и Ив. Николаевича Римского-Корсакова (бывшего некогда фаворитом Екатерины II), коему назначил он место Кутайсова¹⁸.

Император Александр Павлович вызвал Лопухина и препоручил ему опять Министерство юстиции; потом сделал его председателем Государственного

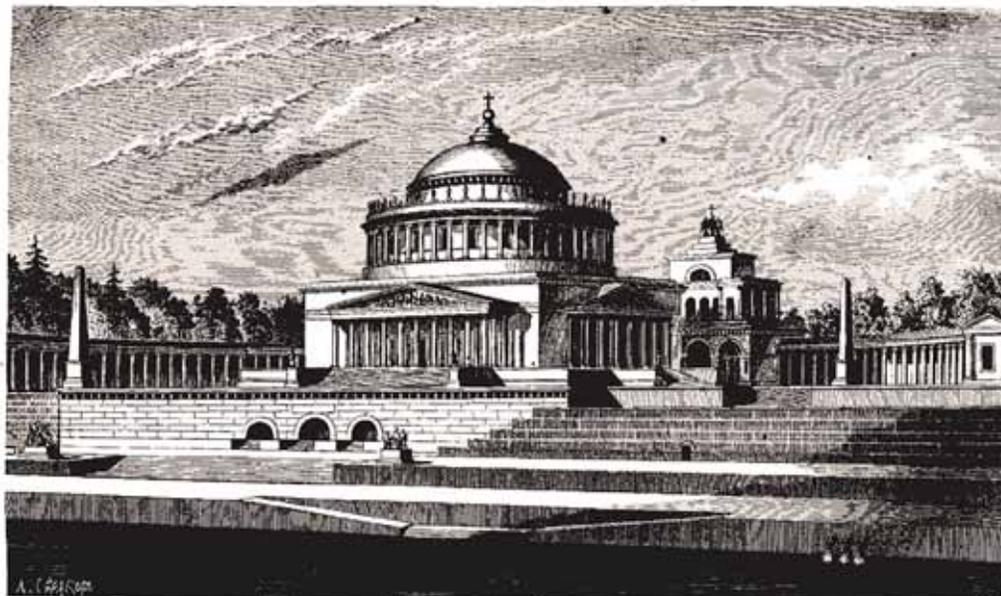
совета и Комитета министров и пожаловал его в первый класс. Княгиня Катер[ина] Петровна была статс-дамою, а в коронацию императора Николая Павловича получила она орден св. Екатерины 1-й степени. Все полагали, что князь, коего наградить не было уже чем, продолжил службу для того только, чтобы на княгиню надели большую ленту, которой очень ей хотелось, но он после получения милости сей оставался еще в службе и, несмотря на свою глухоту, ездил исправно в Совет. Такое ревностное бескорыстие не могло быть приписано человеку столь честолюбивому, но нельзя было угадать причины оного, может быть, и привычка быть при дворе и окруженному толпою искателей и льстецов! При начале болезни своей, которая состояла в истечении мокрот из ушей, рта, ноздрей и повсеместном расслаблении, он оказывал великое отчаяние расставаться со светом, горько плакал и, обманывая сам себя, писал к Государю письмо, коим просил соизволения его с наступлением хорошей погоды ехать в псковские свои деревни на короткое время, обещая, что отсутствием его течение дел в Совете не остановится, что он возьмет для сего меры нужные. Сие писал он в страхе видеть назначение себе преемника, но блестящее его поприще приблизилось к концу. Скоро после того он скончался. До последней минуты жизни своей сохранил он память и при самой смерти показал он много твердости и распорядил[ся] великими своими богатствами. Вдове своей оставил он 50 [тысяч] дохода годового, отдав два дома петербургские, дачу, кроме причитающейся ей по законам седьмой части; все остальное оставил сыну своему. Князь был умен, сведущ в делах, хитер, ловок, искателен, хорош собою в молодости. Во взгляде имел нечто томного. Любил деньги, женщин и почести, и для достижения всех сих благ все средства почитал позволительными. Государь изволил удостоить своим присутствием вынос тела; отпевали покойника в Невском монастыре, откуда повезли тело в Порхов для предания земле в деревне, князю принадлежавшей. <...>

Известно всем, что покойный Государь¹⁹, желая оставить навсегда памятник признательности России к Всевышнему за спасение ее в 1812 году от нашествия неприятеля, положил соорудить на Воробьевых горах храм во имя Спасителя, который и был торжественно заложен самим Государем в 18... (пропуск в тексте; надо: 1817. — С. III.) году. К крайнему всех удивлению, сооружение храма сего препоручено было одному молодому академику по имени Витберг, который, не быв никогда архитектором²⁰, сочинил и план сего нового собора, имевшего огромностию своею затмить все существовавшее до сего храмы. Фасад его имел бы почти версту ширины, а вышина от берега Москвы-реки имела бы с лишком 130 сажень! Главный купол долженствовал быть пятью саженьями шире Петропавловского в Риме²¹, в коем 19 сажень поперечнику. На первый случай ассигновано было 12 миллионов, но все здание, которое в трех ярусах заключало бы три разные церкви, стало бы вчерне [в] 40 миллионов. Витберг мне показывал план со множеством мистических объяснений. План сей был Государю показан и истолкован самим сочинителем, и чрезмерно ему понравился. Он препоручил исполнение строения самому Витбергу, хотя и признано оно было невозможным Академиею художеств. «Тебе, — сказал Государь Витбергу, — Бог внушил план, Он тебе же поможет и произвести оный в действие». Первой шаг Витберга был

*А. Л. Витберг. Автопортрет.
Бумага, итальянский карандаш.
1811 год*

оставить лютеранский закон, чтобы перейти в греческую веру. Он принял имя Александра, и Государь был его отцом крестным. Составилась под главным начальством Витберга комиссия о сооружении храма Христа Спасителя, куплено до 12000 душ, из коих половина имела всегда по очереди заниматься работами при сооружении храма; начали покупать лес и другие материалы. Родники представляли великое затруднение к твердому основанию фундаментов; еще рыли горы Воробьевские, а Витберг показывал в счетах, что куплено на одни подмости лесу на 600 [тысяч] ас[сигнациями]. По этому можно судить и о деньгах, издержанных на прочие материалы. Заседавшие в той же комиссии Московский архиепископ Филарет²², военный генер[ал]-губернатор князь Дм. Влад. Голицын и сенатор

*Храм Христа Спасителя в Москве.
Проект академика А. Л. Витберга. 1817 год*

Кушников²³ не раз восставали против всех сих злоупотреблений и доказывали невозможность сооружения подобного здания, особенно на берегу реки, но все было тщетно и опровергалось дерзостью Витберга, защищаемого князем Александром Никол. Голицыным²⁴ и покровительствуемого самим Государем, коего доверенность была однако же поколеблена в последнее время. В[итберг] просился в чужие края на 3 месяца для поправления своего и женинова здоровья, но ему было отказано в том, ибо полагали, что путешествие прикрыть должно было побег его в Америку²⁵.

Государь Николай Павлович, желая удостовериться в истине, прислал сюда своего генер[ал]-адъютанта Стрекалова для обревизования Витберга. Следствием сего был указ о секвестировании всего имения Витберга, о закрытии комиссии, коей дела имеют перейти в Кремлевскую экспедицию, сверх сего повелено держать под арестом следующих особ, в комиссии служащих:

коллежского советника Витберга,
Аркадия Павловича Рунич,
правителя канцелярии Канарского,
Балкашина,
Германа (служащих при Витберге по особым поручениям)
и 3-й гильдии купца Лобанова.

Неизвестно еще, будет ли план храма переменен или нет. У Витберга, не имевшего в 1812 году никакого состояния, оказывается 800 душ и, сказывают, денег более полутора миллиона²⁶. <...>

Разные всё были толки начет графа А. А. Аракчеева²⁷, многие думали, что сей съедаемый честолюбием человек, вытерпя первую тучу (как не раз то с ним бывало при прошедших царствованиях), опять войдет в силу, но судьба его решилась, <...> кажется, навсегда. Он писал к Государю, что имеет с ним переговорить о разных важных предметах, но Государь послал к нему в Грузино²⁸ генер[ал]-адъют[анта] графа Чернышева яко доверенную особу, коей может он все сообщить без опасения. Аракчеев, скрывая досаду свою, говорил с Чернышевым только поверхностно и настоял вторично в аудиенции, но Государь написал ему <...> в нескольких строках, что воля его есть, чтобы он, граф Аракчеев, взял таким образом свои меры, чтобы никогда с его вел[ичеств]ом встретиться не мог нигде... Это было довольно ясно[е] воспрещение Аракчееву [в] приезде в столицу. Какой должен был это быть ужасный удар для человека, приоб[в]ыкшего в продолжение 15 лет пользоваться неограниченною доверенностию и милостями покойного Государя. Сия столь тесная связь Государя с подданным, и Государя, каков был Александр I-й, с человеком злым, мстительным, коварным, готовым всегда вредить ближнему, — связь сию трудно было понимать, чем она питалась, на чем основывалась? Нельзя сего понять, особенно тем, коим посредственные способности Аракчеева коротко известны²⁹. Довольно прочесть рескрипт покойного Государя к сему злодею, чтобы видеть, до какой степени он его любил и сколь дорого ценил его дружбу. Но все земное тленно и подвержено переменам. Находясь в таком необыкновенном случае, с такою властью, какой не имел ни Потемкин, ни один из любимцев Екатерины, Аракчеев никому не сделал добра, и всем без изъятия вельмож и мелких чиновников, одним словом, всем сословиям умел сделаться ненавистным! Он даже умел охладить сердце

*Д. Доу. Портрет А. А. Аракчеева.
Холст, масло. 1823 год*

многих подданных, душевно любивших покойного Государя. Имя его вся Россия проносила с омерзением, и все его падению радуются. Иные выхваляют его бескорыстие и честность, и то без основания. Он, может быть, не обогатился так, как бы сделал то во Франции министр, будучи на его месте, но позволял себе разные непозволительные поступки, когда касались его деревень, и новгородский губернатор Сумароков³⁰ был отрешен от места за то, что требовал настоятельно, чтобы мужики села Грузина очищали исправно земские повинности. Под личиною скромности и житья самого простого скрывалась в нем алчность к почестям и ненасытное честолюбие. Он,

с одной стороны, отказал орден³¹ св. Андрея Первозванного, но, возвращая знаки, удержал у себя рескрипт государев; он также не хотел государев портрет носить иначе, как [в] простой золотой рамочке, без алмазов, кои возвратил, как будто алмазы составляют главное достоинство сей царской милости. Тут видно было только желание отличиться чем-нибудь от других, носящих то же украшение. С другой же стороны, не отказывал он отличию, которое еще никогда ни одному россиянину приписуемо не бывало, а именно, чтоб войски отдавали ему ту же почесть, как самому Государю, везде, где бы он ни показывался. Ежели Государь мог забыть, что есть почести, неразлучные с престолом, и одному царскому лицу приличные, то как мог подданный довольно забыть, чтобы осмелиться оными пользоваться? Государь, желая ознаменовать дружбу свою к некоторым Государям и принцам крови, изволил дать имена их разным полкам; таким образом один был назван полком австрийского императора, другой — прусского короля, Оранского принца и так далее. Графа Аракчеева имя было также присвоено одному армейскому полку. Сии необыкновенные и, можно сказать, неприличные отличия Аракчеев не отклонял. Он в государевых санях разъезжал по городу, возобновляя басню осла и мошей³², ибо народ, видя сани Государя, кучера Илию и военную шинель А[ракчеева], снимал шапки, принимая его издали за Государя своего³³.

Когда Государь занемог отчаянно в Таганроге, то он писал к Аракчееву и приглашал его к себе приехать, но сей бесчувственный и неблагодарный человек [отвечал], что горесть его делает его неспособным ни к чему. Тогда убита была людьми его дворовыми любовница его Настасья. Они иного

средства не находили, чтобы избавиться от его и ее тиранства. Аракчеев, ложась спать, нашел ее убиенною в своей постеле. Он променял любовницу на Государя своего и благодетеля³⁴; чем бы поспешить в Таганрог, он предался всем порывам мщения лютого своего нрава. Пугая всех подпорою умирающего Александра, он предал уголовному суду весь дом свой. Следствие производилось с ужасною поспешностию, и приговор был столь противозаконен и жесток, что дети 10 и 12 лет были высечены кнутом. Аракчеев имел бесстыдство замешать самого Государя в гнусном сём деле, представя суду оригинальные рескрипты, коими Государь старался его утешать в его горести, обещая ему законную защиту и удовлетворение. Непонятно, чтобы Государь столь благочестивый и знавший приличия, утешал Аракчеева письменно в потере наложницы, тогда как жена его законная находилась еще в живых!! Нельзя не повторить, что Аракчеев точно помрачил царствование императора Александра. Дружба его к сему извергу останется для него пятном в истории его. <...>

Сегодня, 10-го августа, Государь вдруг нечаянно и неожиданно приехал в Сенат в девятом часу утра и не нашел почти никого в присутствии, кроме обер-прокурора Журавлева и одного сенатора Дивова, коего встретил он уже на лестнице, едучи домой. Государь был весьма недоволен сею неисправностию, сверх того его в[еличество] негодовать изволил на нечистоту, найденную им в комнатах, на ветхость мебели и неприличную одежду чиновников. Сказав, что место это более походило на трактир, нежели на Сенат, Государь уехал. Императорское же посещение много наделало тревоги в городе, все начальники департаментов приняли строгие и скорые меры, дабы не подвергнуться

*Сенатская площадь и Исаакиевский мост.
Литография Бишебуа. Конец 1830-х годов*

подобному же гневу, а потому посещение немного принесет пользы службе вообще. Всякое начальство боится подвергнуться подобному же неожиданному осмотру. Сенаторы здесь вообще довольно нерадивы к должности своей. Многие из них в первом часу гуляют по Невскому проспекту, пробираясь тихим шагом пешком в Сенат. Прежде нежели дошел к министру юстиции рапорт от об[ер]-пр[окурора] Журавлева, он получил уже от Государя рескрипт с выговором за найденный им в Сенате беспорядок. Нет сомнения, что Государь еще будет в Сенате и войдет в подробности трактования прошлых дел. Черта сия весьма напоминает Петра Великого, с коим вообще Государь имеет некоторое сходство в отправлении дел. Уезжая из Сената, Государь сказал сенатору Дивову: «Скажите вашим товарищам, что я очень сожалею, что не имел *чести* застать их здесь».

Брат мой получил записку от главноуправляющего Почтовым департаментом князя А. Н. Голицына, коим он извещал его о происшедшем поутру, а вместе просит его убедительно иметь наблюдение, чтобы все было в почтамте исправно и чисто на случай такового же Высочайшего посещения. Предосторожность сия совершенно излишняя: брат мой встает очень рано, всякий день работает у себя в кабинете, а в 9 часов он уже сходит вниз присматривать за отходящими и приходящими почтами и вообще за порядком.

---

¹Под «университетом» здесь подразумевается Московский университетский благородный пансион. См. подробно об этом закрытом учебном заведении для дворянских детей: *Шишкова Э. Е.* Московский университетский благородный пансион // Вестник МГУ. Сер. история. 1979. № 6. О быте воспитанников см.: *Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского благородного пансиона и Дружеского ученого общества. М., 1858, а также: *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 64–79 (там, правда, речь идет о более раннем периоде, перед войной 1812 г.). Дом пансиона, в виде большого каре с внутренним двором и садом, находился неподалеку от университета на месте, где ныне здание Центрального телеграфа. В последний период своего существования (1818–1830) Благородный пансион имел те же права, что и Царскосельский лицей (с той разницей, что лицей входил в систему военно-учебных заведений); оба заведения носили сословный характер и тем отличались от бессословных гимназий и университетов.

²В. А. Жуковский еще в 1815 г. был приближен ко двору, в декабре 1816-го ему по высочайшему повелению, «принимая во внимание его труды и дарования», был назначен пожизненный пансион в 4000 р. в год. В 1817 г. он стал учителем русского языка Великой княгини Александры Федоровны, а с 1826 по 1841 г. состоял наставником цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II.

³Недавно заменившему место (так. — *С. III.*) ректора вместо г. Антонского, коим были недовольны (*прим. А. Я. Булгакова*). Курбатов, Петр Александрович (1788? 1794? 1795?–1872) был директором Благородного пансиона с 1826 по 1830 г. Женится на внебрачной дочери министра народного просвещения А. К. Разумовского и по его протекции в 1816 г. получил должность директора

типографии Московского университета, которую исполнял до 1851 г. Деятельный масон (одно время собрания ложи проводились в его доме), Курбатов в этой типографии тайно печатал масонские тексты. М. А. Дмитриев отзывался о нем как о «человеке основательного ума, благочестивом, кротком и скромном, <...> сохранившем чистоту души, выражавшуюся в его спокойной и веселой физиономии» (*Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 442–443*); граф Д. А. Милютин в своих воспоминаниях о Благородном пансионе называл его «добродушным».

⁴Этот прием был характерен для Николая I на протяжении всей его жизни. Ср. его слова, обращенные к воспитаннику Училища правоведения, куда император приехал в феврале 1853 г.: «А у тебя разве совесть нечиста, что ты не хочешь глядеть твоему государю в глаза?» (*Князь В. П. Мещерский. Воспоминания. М., 2000. С. 14*).

⁵Семь лет после того знал я ее в Неаполе, где муж ее был нашим министром при сардинском короле, выгнанном из Пиемонта французами и странствовавшим тогда по Италии. Наконец основался он в Неаполе. Я был с княгиней Г[агариной] в любовной связи и все слышанное мною от нее касательно императора помещено мною в особенной книжке (*прим. А. Я. Булгакова*). Среди материалов Булгаковых в РГАЛИ названная книжка отсутствует.

⁶«Я много путешествовал, но ни в одной стране не видел глаз, подобных вашим» (*фр.*).

⁷Имеется в виду шифр (почетный знак) — вензель государыни с начальной буквой ее имени, дававшийся фрейлинам.

⁸Уваров Федор Петрович (1769? 1773?–1824) — офицер Московского гарнизона, любовник княгини Екатерины Николаевны Лопухиной (1763–1839), «особы сколь корыстной, столь и наглой». Она выторговала у влюбленного в ее падчерицу императора все, что хотела: дом в Петербурге, назначение своего мужа на один из самых высоких постов в государстве, перевод Ф. П. Уварова в Петербург и дальнейшую его блистательную карьеру. При дворе Павла I Лопухина, не стесняясь, в полной мере использовала влияние падчерицы на императора. Характерным для нее поступком является ходатайство о пожаловании Уварову Анненской ленты, которая давалась Павлом I с большим разбором. Когда хлопоты по этому поводу не увенчались успехом, Лопухина приняла мышьяк. С большим трудом ее удалось спасти, но императору донесли о попытке княгини, и он исполнил ее желание. Случай этот послужил сюжетом для рассказа Б. А. Садовского «Под Павловым щитом» (1910).

⁹Тагарин Павел Гаврилович (1777–1850) — князь, в 1799 г. полковник, позже — генерал-адъютант.

¹⁰Рибопьер (Рибопиер) Александр Иванович (1781–1865) — граф, российский посол в Вене и Берлине, обер-камергер, член Государственного совета.

¹¹Пока еще Лопухина.

¹²Анна по-гречески значит «благодать». Павел велел построить крупнейший 150-пушечный корабль, который велел при себе и княгине спустить с Адмиралтейской верфи, и дал ему имя «Благодать». Когда построен был Михайловский замок, то спрашивали Государя, каким выкрасить оный цветом. Он снял с княгини перчатку странного темно-красноватого цвета и прибавил: «Вот каким цветом!». Что и было исполнено (*прим. А. Я. Булгакова*).

¹³Сравнение Павла I с разрушившим Карфаген римским полководцем неясно. Возможно, Булгаков имел в виду кого-то другого из древних римлян.

¹⁴«Все кончено. Вы хотите моей смерти, ну что ж, вы ее получите. Я не сумел понравиться вам, я докажу, что умею вас любить. Я согласен на ваш брак с князем Павлом» (*фр.*).

¹⁵«В этот миг государь показался мне прекрасным, как ангел; он был так тронут моим состоянием. Он подумал минуту и прибавил: «Гагарин может быть достойным вашей любви, но нужно, чтобы он стал достоин вашей руки. Это офицер в маленьком чине, без наград; я пошлю его к Суворову, пусть он отличится и тогда на вас женится» (*фр.*).

¹⁶«Вы довольны этим письмом?» — «Он пойдет на войну, Бог знает, когда он вернется, быть может... никогда!» (*фр.*).

¹⁷Правильно — Нови. Во время итальянского похода Суворова русские и австрийские войска 4 августа 1799 г. разбили при Нови (город в Северной Италии) французскую армию, которой сначала командовал генерал Б.К.Жубер, а после его гибели — генерал Ж. В. Моро.

¹⁸Кутайсов Иван Павлович (ок. 1759–1834) — граф, камердинер и фаворит Павла I.

¹⁹Александр I.

²⁰Александр Витберг в 1802–1809 гг. обучался в Академии художеств в классе исторической живописи; в 1815 г. за эскиз картины «Освобождение апостола Петра из темницы» удостоился звания академика. Утверждение, что он «не был никогда архитектором» — неточно; напр., по его проекту был выстроен небольшой деревянный дом для И. И. Дмитриева на Спиридоновке (снесен в 1893 г., ныне на его месте особняк Морозовых — Дом приемов Министерства иностранных дел).

²¹Имеется в виду собор Святого Петра (Сан-Пьетро) в Ватикане (построен в XV–XVIII вв. по проекту Микеланджело). Булгаков называет его Петропавловским по аналогии с петербургским собором в одноименной крепости.

²²Святитель Филарет (Дроздов. 1782–1867) — архиепископ (с 1821), митрополит (с 1826) Московский и Коломенский.

²³Кушников Сергей Сергеевич (1765–1839) — действительный тайный советник, сенатор, племянник Н. М. Карамзина.

²⁴Голицын Александр Николаевич (1773–1844) — князь, государственный деятель, статс-секретарь, обер-прокурор Святейшего Синода, главноуправляющий дел иностранного исповедания и министр народного просвещения, впоследствии Канцлер Российских орденов; в описываемый период занимал должность главного начальника Почтового департамента. По отзывам современников, «поверхностный, легкомысленный друг детства Александра I». Став президентом административного комитета Библейского общества, основанного по желанию Александра в декабре 1812 г. на манер Британского (протестантского и пропитанного масонством), князь Голицын, как о нем говорили, «влез по уши в мистицизм». Далее в своем дневнике в записях за 1837 г. Булгаков пишет о Голицыне в связи с делом о секте Е. Ф. Татариновой.

²⁵После окончания курса в Академии художеств Витбергу не удалось предпринять традиционное для выпускников заграничное путешествие: началась война с Наполеоном. Он вернулся к этой мысли только в 1824 г. Но к этому времени совершавшееся за его спиной еще при начале подготовительных работ к строительству храма Христа Спасителя казнокрадство приняло катастрофические размеры, что опять не позволило Витбергу осуществить мечту. Заграничного паспорта он не получил.

²⁶Булгаков записывает непроверенные слухи. Советский исследователь приводит слова Н. В. Берга, сына казначея Комиссии для сооружения храма Христа Спасителя: «Витберг <...> в деле стройки запутался, как поэт, не умевший вести никаких счетов, полагавший, что это не нужно, что это совершится как-нибудь само собою. Он давал записки карандашом, которые равнялись высочайшим повелениям. Никто не смел ослушаться. А иные, может быть, уже чересчур слушались, со своими особыми видами. В общем, вышел хаос, мутная вода, где было привольно ловить рыбу тем, кто привык этим заниматься» (цит. по: *Снегирев В. Л.* Архитектор А. Л. Витберг. М.-Л., 1939. С. 62). Любопытно, что в этой книге масонство Витберга не замалчивается. А. Ф. Лабзин, конференц-секретарь Академии художеств, принял его в ложу «Умиряющего сфинкса». В Кировском краевом музее им. Горького в 1939 г. экспонировались семь орденов знаков «брата-масона А. Л. Витберга».

²⁷Нарисованный далее портрет видного российского военного и государственного деятеля графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834) в силу предвзятости автора (как в то время, так и сейчас в отношении Аракчеева почти повальной) вышел, на наш взгляд, крайне однобоким (*прим. ред.*).

²⁸Грузино — село, пожалованное Аракчееву покойным импер[атором] Павлом I-м, оно в 20 верстах от Чудовской станции и в 90 от Петербурга (*прим. А. Я. Булгакова*).

²⁹Противоречащие этому утверждению оценки можно найти в сборнике «Аракчеев: свидетельства современников» (М., 2000). Напр.: «Что Аракчеев был человек необыкновенных природных способностей и дарований, едва ли может быть подвержено сомнению со стороны тех лиц, кто его хоть несколько знал и кто не увлекался безусловно своими предубеждениями» (*Брадке фон, Е. Ф.* Автобиографические записки // Указ. соч. С. 119).

³⁰Сумароков Павел Иванович (1760–1846) — новгородский гражданский губернатор (1812–1815), сенатор (с 1821), писатель. Был одним из непримиримых противников Аракчеева (это ему принадлежит переделка девиза герба Аракчеева: «Бес, лести предан»). О его вражде с графом и обстоятельствах отставки (1815) по ложному обвинению в пьянстве см. в воспоминаниях Н. И. Шенинга (Аракчеев: свидетельства современников. С. 87–91). Примирение произошло лишь в конце жизни Аракчеева, начавшего вдруг оказывать благодеяния опальному отставному губернатору.

³¹«Отказал» — здесь в смысле «отказался от...»

³²Такая басня неизвестна; вероятно, имеется в виду басня А. П. Сумарокова «Осел во Львовой шкуре» (1760).

³³Позволим себе привести записанный А. И. Герценом анекдот александровского времени. «Президент Академии [художеств] предложил в почетные члены Аракчеева, [А. Ф.] Лабзин спросил, в чем состоят заслуги графа в отношении к искусствам. Президент не нашелся и отвечал, что Аракчеев — «самый близкий человек к государю». «Если эта причина достаточна, то я предлагаю кучера Илью Байкова, — заметил секретарь, — он не только близок к государю, но и сидит перед ним» (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Т. VIII. М.-Л., 1956. С. 57).

³⁴Следовало бы наоборот: государя на любовницу.

Публикация Сергея Викторовича Шумихина

Елена Викторовна Харитонова

МОСКВЫ

Почетный гражданин

**О заслуженном работнике транспорта СССР,
начальнике Московской железной дороги
Иване Леонтьевиче Паристом (1930–2005)**

И. Л. Паристый принадлежит к поколению людей, которые вступили во взрослую жизнь после окончания Великой Отечественной войны. Они не поднимались в штыковые атаки и не участвовали в штурме Берлина, но на их долю выпала не менее трудная задача по восстановлению и развитию разрушенного войной народного хозяйства нашей страны.

Родился Иван Леонтьевич в городе Бахмач Черниговской области в семье железнодорожника. Его отец сорок лет проработал дорожным мастером, и мальчик с раннего детства не представлял для себя иного пути, чем отцовская стезя. После окончания десятилетки поступил в Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1954 году, получив диплом с отличием, был распределен в Брянск. С этого времени трудовая жизнь И. Л. Паристого тесно связана с Московской железной дорогой.

Начав работать дежурным по станции Брянск-2, Иван Леонтьевич прошел все этапы карьерной лестницы: начальник механизированной горки, заместитель начальника, начальник станции, начальник отдела движения Брянского отделения. Важной вехой в его профессиональном становлении стала должность начальника Брянского отделения МЖД, назначение на которую последовало в 1962 году. Именно начальник отделения, обладая широкой самостоятельностью, решает весь комплекс проблем на своем уровне. В Брянске издавна сложился высокопрофессиональный коллектив железнодорожников, которому оказались по силам переход с паровозов на тепловозы, потом на электротягу, реконструкция депо и многое другое. Брянские машинисты одними из первых начали водить

*Начальник Управления Московской железной дороги
И. Л. Паристый (слева) в рабочем кабинете.
Москва, 1981 год. Автор Л. Вензе. 1-46295*

тяжеловесные грузовые поезда. Молодой энергичный начальник отделения, пользовавшийся в коллективе авторитетом и любовью, был инициатором большинства технических новшеств. Помимо профессиональной деятельности, Л. И. Паристый неоднократно избирался депутатом Брянского областного и городского советов народных депутатов, вел активную общественную работу. В 1968 году он назначается заместителем начальника Московской железной дороги, а в 1978-м возглавил столичную магистраль.

Время, когда Иван Леонтьевич руководил МЖД, по праву называют «эпохой Паристого». Именно в эти годы дорога стала образцом динамично развивающегося предприятия, технической и технологической модернизации сложнейшего железнодорожного механизма Центральной России. Завершается строительство Большого окружного кольца. Формируются крупнейшие сортировочные комплексы Орехово-Зуево и Бекасово, в результате чего

дорога добилась рекордных объемов перевозок. Ведется работа по повышению эффективности использования подвижного состава, сокращению простоев вагонов под грузовыми операциями, совершенствованию работы станций. По личной инициативе Ивана Леонтьевича начинается внедрение технологии вождения большегрузных поездов — этот опыт и сейчас широко применяется.

Столичная магистраль — эпицентр транзитного пассажиропотока. Поэтому проблем неотложных было не счесть. Вот только одна из них: московские железнодорожные вокзалы к концу 1970-х годов выглядели отнюдь не лучшим образом. Именно при Паристом вошла в обиход известная сейчас каждому москвичу и гостю столицы фраза: «Вокзал — визитная карточка города». При активном участии Ивана Леонтьевича разрабатывалась комплексная программа реконструкции столичных вокзалов, изыскивались средства и специалисты. И обновленные вокзалы один за другим стали открываться во всем своем великолепии: Павелецкий, Белорусский, Савеловский, Рижский, Ярославский... Была завершена масштабная реконструкция самого перегруженного — Казанского — вокзала.

Под руководством И. Л. Паристого много лет работал технико-экономический совет, на ежемесячных заседаниях которого обсуждался широкий спектр вопросов: внедрение вычислительной техники на дороге, результаты проверок работы отделений, ситуация с кадрами.

Активная жизненная позиция, стремление быть в гуще событий и умение решать самые сложные проблемы способствовали успехам И. Л. Паристого не только в производственной, но и в общественной деятельности: Иван Леонтьевич дважды избирался депутатом Верховного Совета РСФСР.

Большая его заслуга — решение проблемы изношенности пригородного подвижного состава. В начале 1990-х годов налаженная в СССР кооперация железнодорожников с транспортными машиностроителями разрушилась. Рижский завод запросил баснословные цены за свои электрички. И тогда МЖД стала первым инвестором в организации выпуска электропоездов на Демиховском машиностроительном заводе. Хотя финансовые проблемы в тот период испытывали все магистрали, почин Паристого поддержали. Уже в 1992 году был создан прицепной вагон, а затем с помощью министра путей сообщения Г. М. Фадеева удалось организовать поездку тогдашнего премьер-министра Правительства РФ В. С. Черномырдина в Демихи и на месте убедить его в необходимости и возможности создания мощного предприятия

по выпуску электричек. Сегодня ДМЗ является основным предприятием в России по производству электропоездов ЭД4М, ЭД9М, ЭД4МК и вагонного подвижного состава.

МЖД начала 1990-х годов — это двухсоттысячный коллектив, круглосуточно обслуживавший огромное хозяйство, почти десять тысяч километров стальной колеи, семьдесят девять локомотивных и вагонных депо, энергоучастки и ремонтные предприятия, общеобразовательные и профессиональные учебные заведения и так далее. Для успешного руководства таким гигантским предприятием требовалось обладать действительно колоссальными организаторскими способностями. Около двух десятилетий Иван Леонтьевич возглавлял это беспокойное хозяйство, снискав искреннее уважение всех, кто его знал. Помимо производственных, И. Л. Паристого заботили дела социальные: ведомственные больницы и поликлиники, строительство жилья для очередников и многое другое. Сюда вкладывались значительные средства; финансирование не прекращалось даже в кризисные 1990-е годы.

Малая Московская и Новомосковская детские железные дороги также находятся в ведении МЖД. Поддержке и развитию этих уникальных баз для подготовки будущих железнодорожников Иван Леонтьевич уделял большое внимание.

Велика роль и личное участие И. Л. Паристого в становлении и развитии спортивного клуба «Локомотив».

Иван Леонтьевич был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции и «За заслуги перед Отечеством» IV и III степеней, многими медалями. В 1976 году ему присваивается звание «Почетный гражданин города Брянска», а в 1997-м решением Московской городской Думы — звание «Почетный гражданин города Москвы» — «за выдающиеся заслуги в организации работы Московской железной дороги, существенный личный вклад в строительство и восстановление исторического облика Московских железнодорожных вокзалов, большую общественную деятельность». С 2006 года по маршруту Москва—Брянск курсируют два фирменных поезда, названные его именем — голубые экспрессы «Иван Паристый».

Текст проиллюстрирован фотографиями из собрания Центрального архива электронных и аудиовизуальных документов Москвы.

При подготовке очерка использованы материалы фонда 816 Центрального архива города Москвы.

ТРУДЫ И ДНИ

*Начальник Управления
Московской железной дороги И. Л. Паристый
на одном из совещаний. Москва, июнь 1979 года.
Автор Л. Вензе. 0-72205*

*И. Л. Паристый (второй справа)
дает пояснения члену Политбюро ЦК КПСС,
первому заместителю Председателя СМ СССР
Г. А. Алиеву во время посещения им
одного из московских вокзалов;
среди присутствующих — министр путей
сообщения СССР Н. С. Конарев (первый справа).
Москва, апрель 1985 года. Автор Л. Вензе. 1-56715*

*Министр путей сообщения СССР И. Г. Павловский
вручает награду коллективу
Московской железной дороги.
Справа — И. Л. Паристый.
Москва, 1981 год. Автор Л. Вензе. 0-72208*

*И. Л. Паристый на собрании,
посвященном вручению знамени ЦК КПСС
коллективу Московской железной дороги.
Москва, 1984 год. Автор А. Вакалов. 0-57389*

*И. Л. Паристый (слева) приветствует бригаду
машинистов первого пассажирского
длиннооставного поезда (24 вагона)
Москва—Ярославль; среди присутствующих —
машинист локомотивного депо Москва-III,
Герой Социалистического Труда А. И. Фролов
(второй справа) и машинист-инструктор
депо Москва-III, Герой Социалистического Труда
В. В. Резчиков (третий справа).
Москва, 1985 год. Автор Л. Вензе. 1-56723*

ТРУДЫ И ДНИ

Разгрузочно-погрузочные работы на станции «Брянск». 1978 год. Автор П. Володарская. 1-32782

Укладка рельсов на одном из участков Московской железной дороги (Московская область). 1970-е годы. Автор П. Володарская. 1-56735

Ремонт линии электропередачи возле Павелецкого вокзала. Москва, 1980 год. Автор А. Вакалов. 0-41707

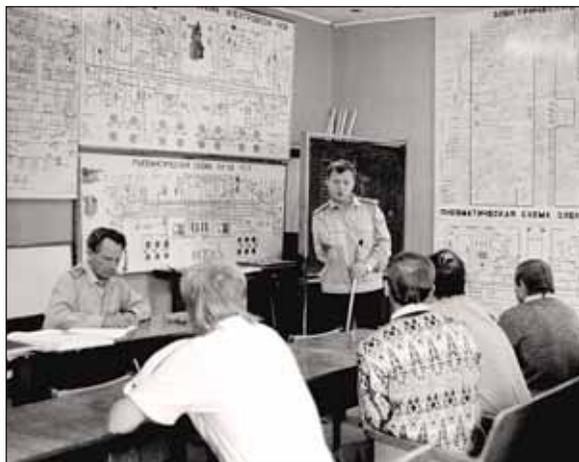
Очистка от снега одной из платформ Белорусского вокзала при помощи мотоблока. Москва, 1989 год. Автор А. Вакалов. 0-77403

Буфет столовой вагонного депо Москва-III. Москва, 1988 год. Автор А. Вакалов. 0-77347

В детской комнате Павелецкого вокзала. Москва, 1988 год. Автор Л. Вензе. 1-3023 цв

Занятия по повышению квалификации машинистов подвижного состава депо «Брянск-II». Брянск, 1991 год. Автор А. Вакалов. 0-77637

ТРУДЫ И ДНИ

*Вагон-ресторан поезда Москва—Берлин.
Москва, 1989 год. Автор А. Вакалов. 0-77377*

*Уборка вестибюля Курского вокзала.
Москва, 1986 год. Автор Л. Вензе. 1-3014 цв*

*Старший тренер футбольной команды
«Локомотив» Ю. П. Семин выступает
на собрании в Управлении МЖД.
Москва, 1987 год. Автор А. Вакалов. 0-64199*

*Здание Казанского вокзала. Москва, 1984 год.
Автор И. Буров. 1-2500 цв*

*Здание Савеловского вокзала. Москва, 1998 год.
Автор В. Мариньо. 0-5122 цв*

*Здание Ярославского вокзала. Москва, 1981 год.
Автор Л. Вензе. 1-3007 цв*

*Здание Рижского вокзала. Москва, 1985 год.
Автор А. Вакалов. 0-60639*

ТРУДЫ И ДНИ

*Здание Ленинградского вокзала.
Москва, 1988 год. Автор А. Вакалов. 0-77341*

*Локомотивное депо имени Ильича.
Москва, 1981 год. Автор А. Вакалов. 0-41692*

*Депо «Лихоборы». Москва, 1991 год.
Автор А. Вакалов. 0-77647*

*Операторский зал Центрального железнодорожного
бюро обслуживания пассажиров.
Москва, 1987 год. Автор Н. Лычагин. 1-2927 цв*

*Мэр Москвы Ю. М. Лужков дает интервью
журналистам о ходе работ по реконструкции
и перспективах развития Рижского вокзала;
справа от него — И. Л. Паристый.
Москва, 1994 год. Автор С. Калачев. 0-89050*

*Электropоезд ЭД4М,
изготовленный на Демидовском
машиностроительном заводе,
у платформы Ленинградского вокзала.
Москва, 1997 год. Автор С. Калачев. 0-6477 цв*

«Преданья старины глубокой...»

Отрывки из книг Н. Я. Аристова
«Предания о кладах» (СПб., 1867)
и П. И. Якушкина
«Путевые письма» (СПб., 1860)¹

Из книги Н. Я. Аристова «Предания о кладах»

Батыева дорога

В Тамбовской и Воронежской губерниях, первых подвергшихся натиску татар, рассказывают крестьяне, когда-то давно прошел по русской земле страшный воитель Батый и на пути вырубил все православное население. Он никому не давал пощады: ни старику хилому, ни беспомощному малютке; сжег по дороге всякое жильё человеческое, истребил все леса и травы на сто

верст в ширину, а в длину — насквозь всей русской земли. Где шли его полчища многочисленные, как муравьи, там не осталось ни одного зверя, ни одной птицы, да и рыба вся подохла в реках. Одна лежала черная земля, и та вся избитая конскими копытами, а не зарастала она сто годов. С той поры против этой широкой тропы земной, где шел Батый, и на небе выступило знамение в виде белой полосы, которую зовут Батыевой дорогой. Крестьяне считают, что Млечный путь образовался на небе со времени нашествия Батыя на Русь в память страшного бедствия и лежит в том же направлении, в каком двигался свирепый завоеватель в нашей стране.

О царе Грозном

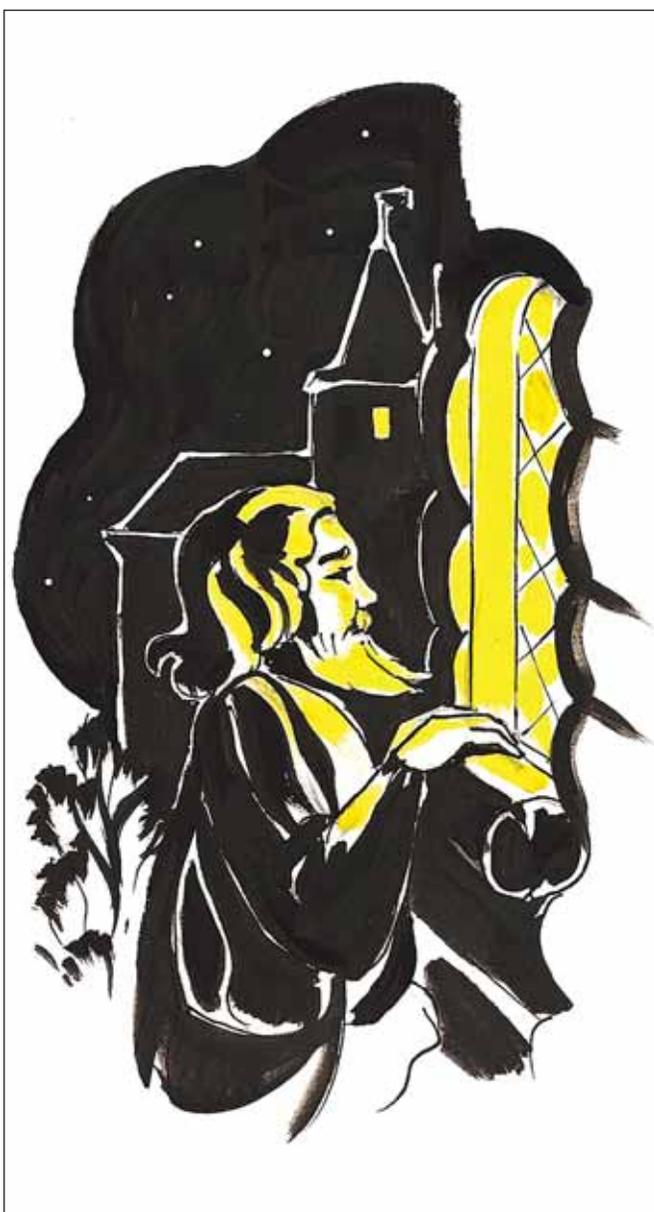
Ходил царь Грозный ночью по Москве один, разведывал все о благосостоянии своих подданных, заглядывал в питейные дома, сходил с лицами всех сортов общества, расспрашивал их. Вот познакомился он с одним ловким вором и мошенником, узнав о его ремесле, и стал его подбивать обокрасть казну государеву. Вор с первых же слов обругал царя за это предложение, прибавив: как он смеет посягать на общественное достояние, и не хотел с ним идти на воровской промысел.

— Вот другое дело, — сказал он, — пойдем к тем, которые крадут казну государеву. Это будет лучше.

Пошли они по улицам московским и увидели свет на втором этаже палат близкого к царю боярина, у которого было немало народа.

— Послушаю, — шепнул вор, — о чем там разговаривают.

Достал он из кармана кошки (железные крючки, нашитые на пальцах кожаных перчаток), на-

вязал на руки ремнем и живо взобрался под окно, долго подслушивал разговор бояр, спустился и сказал:

— Плохо дело. Надо бы дать знать царю, что бояре сговорились завтра вечером отравить его; этот близкий боярин пригласит его завтра к себе в гости и поднесет ему заздравную чарку с ядом. Как бы ухитриться донести государю?

Царь Грозный отвечал, что у него есть при дворе хороший знакомый, служитель, и он через него непременно сообщит государю о заговоре на его жизнь.

Тут они распростились, и переодетый царь пригласил на другой день утром вора к себе в гости; он разъяснил ему, чтобы тот пришел к воротам царских палат, где живет его приятель придворный, и назвал его по имени.

— На вот тебе мою палку, позови служителя и покажи ему: эта палка ему знакома, он пустит тебя к себе, и там мы с тобой покутим на радости, что царя спасли. Да чего доброго, дадут нам и награждение за это. Смотри же, приходи, как услышишь колокол к поздней обедне; я там тебя стану дожидаться.

Отдал ему палку — и скрылся.

На другой день вор пришел к царскому дворцу, вызвал служителя, о котором говорил неузнанный им царь, показал ему палку и тотчас приглашен был к самому царю, который велел его накормить, напоить и держать до вечера. Он хотел увериться, действительно ли вор сказал правду о том, что любимый им боярин хотел известить его на смерть. Когда время клонилось к вечеру, боярин этот прибыл к царю и сильно стал просить его приехать в гости. Царь принял его чудесно, как будто ничего не подозревал, и обещался быть в его доме через час.

Когда уехал боярин, Грозный велел поставить около его дома тайно отряд солдат, чтобы они по свисту его тотчас окружили дом и не выпускали никого оттуда; а вору наказал при этом знаке на кошках прямо лезть в окно второго этажа. Сделав такие распоряжения, царь отправился на вечер к боярину.

Началась пирушка, веселье общее, и поднесли государю заздравную чару. Царь взял чару в руки и сказал:

— Любил я тебя, хозяин, пуще всех бояр, и в знак этой любви прими и выпей чару государеву, а я выпью из твоей чарки.

Ужас обьял всех гостей, злоумышлявших на жизнь царя; а боярин стал отказываться выпить как недостойный прикасаться к питью государеву.

Свистнул тогда в окно Грозный — солдаты окружили дом боярина, а вор влез на кошках на второй этаж в окно и стал обличать всех, передавать, что он слышал накануне вечером от каждого. Царь заставил выпить приготовленную ему чару с ядом хозяина, который и умер в страшных мучениях очень скоро перед глазами царскими; других бояр государь велел перевязать солдатам, а вору драть их своими железными кошками. С ними он расправился на другой день, а вора велел наградить за верность царю, дал ему средства богатые, и он сделался потом хорошим человеком.

Наказание Волги

Стала одолевать неверная сила народ христианский, и собрался войной на врагов сам царь Иван Грозный. Повел он за собой рать-силу большую. Надо было переправлять ополчение за реку Волгу. Сперва переехал на тот берег царь с вельможами и стал поджидать переправы воинства.

Посажались солдаты на струги и лодки и отхлынули от берега.

Вдруг Волга начала бурлить, и пошли по ней валы за валом страшные. Лодки мечутся из стороны в сторону, летают, как пух...

Видит Грозный царь с берега — того и гляди, что перетопит все его воинство. И крикнул он громким голосом:

— Не дури, река, присмирей, а то худо будет!

Не унималась Волга, заволновалась пуще прежнего.

— Палача сюда подать, — крикнул царь, — вот я тебя проучу!

Пришел палач, мужчина здоровенный, и велел ему царь сечь реку кнутом, чтобы она не бунтовала против царской рати. Взял кнут палач, засучил рукава красной рубахи, разбежался да как свистнет по Волге — вдруг кровь из воды на аршин вверх брызнула и лег на воде кровавый рубец в палец толщиной. Потихе пошли волны на реке, а царь кричит:

— Не жалея, валяй крепче!

Разбежался палач дальше прежнего и хватил сильнее — кровь брызнула еще выше и рубец лег толще. Волга утишилась. После третьего удара, который палач отвесил изо всей мочи, кровь махнула на три аршина и рубец оказался пальца в три толщиной — совсем присмирела тогда Волга.

— Довольно, — сказал Грозный царь, — вот как вас надо проучивать.

После того благополучно переправилось через реку все войско, и ни один солдатик не утонул, хотя много приняли страха. И теперь, говорят, на том месте, где была переправа, видят на Волге три кровавых рубца, особенно летним вечером, если взглянешь против солнца, когда оно закатывается за горы.

Соль для чувашей

После отступления Пугачёва от Казани и переправы его через Волгу на правом ее берегу поднялось все инородческое и крепостное население; с особенной злобой оно мстило помещикам и духовенству. Прискакал гонец от самозванца в с. Тувань и объявил от имени царя грамоту, в которой говорилось о преследовании бояр и попов и о будущих народных льготах. Чуваша с. Тувань и окрестных сел знали уже, что идет войско и во главе его царь; что он вешает попов и господ. По обнаружении манифеста они поднялись, заволновались и сами принялись за дело — стали ловить укрывавшихся священников и вешать. Уже более десятка успели чуваша погубить духовных лиц; но в это время правительство приняло меры и послало в с. Тувань три роты солдат для усмирения бунта. Чуваша решились лучше умереть, чем выдать зачинщиков мятежа, но хорошенько не могли определить, царское это войско или царицыно.

— Кто здесь бунтовал и вешал попов и господ? — спросил воинский начальник.

— Здесь, батька, все было тихо и смирно, никто никого не думал вешать. Мы занимались своими делами и ничего даже не слыхали.

— Так кто же, не знаете ли, повесил попов здешних, если вы не участвовали в этом деле?

— Знать не знаем! Видно, они сами повесились.

Видя явное соглашение и заpiresательство чувашей, начальник отряда прибегнул к хитрости, чтобы разведать, кто были главные зачинщики волнения. Зная, что самая дорогая вещь для чувашей соль, — он им сказал:

— Ах вы, дураки. Что же вы скрываете от меня? Ведь я нарочно прислан царем похвалить вас за усердие и пожаловать. Молодцы вы, ребята, что хорошо расправлялись с попами и господами и стояли за государя Петра Федоровича, — он вам прислал большую награду за верность: кто из вас вешал попов, тому жертвует царь воз соли. Ступайте в г. Чебоксары (уездный город Казанской губернии, называемый чувашской столицей), там из казенного подвала отпустят вам по двадцать пудов каждому; вот только я напишу и дам вам грамотку.

Вручил чувашам туванским воинский начальник письмо, распрощался с ними ласково, scomандовал солдатам и ускакал с отрядом. Тогда чуваша — большие охотники до соли — стали тотчас запрягать лошадей, поехали в Чебоксары и виновные, и частью невинные; а военный начальник с солдатами поджидал их около дороги недалеко от с. Тувань. Каждого проезжающего чувашенина ловили солдаты и приводили к своему командиру, а тот допрашивал их:

— Ты куда едешь?

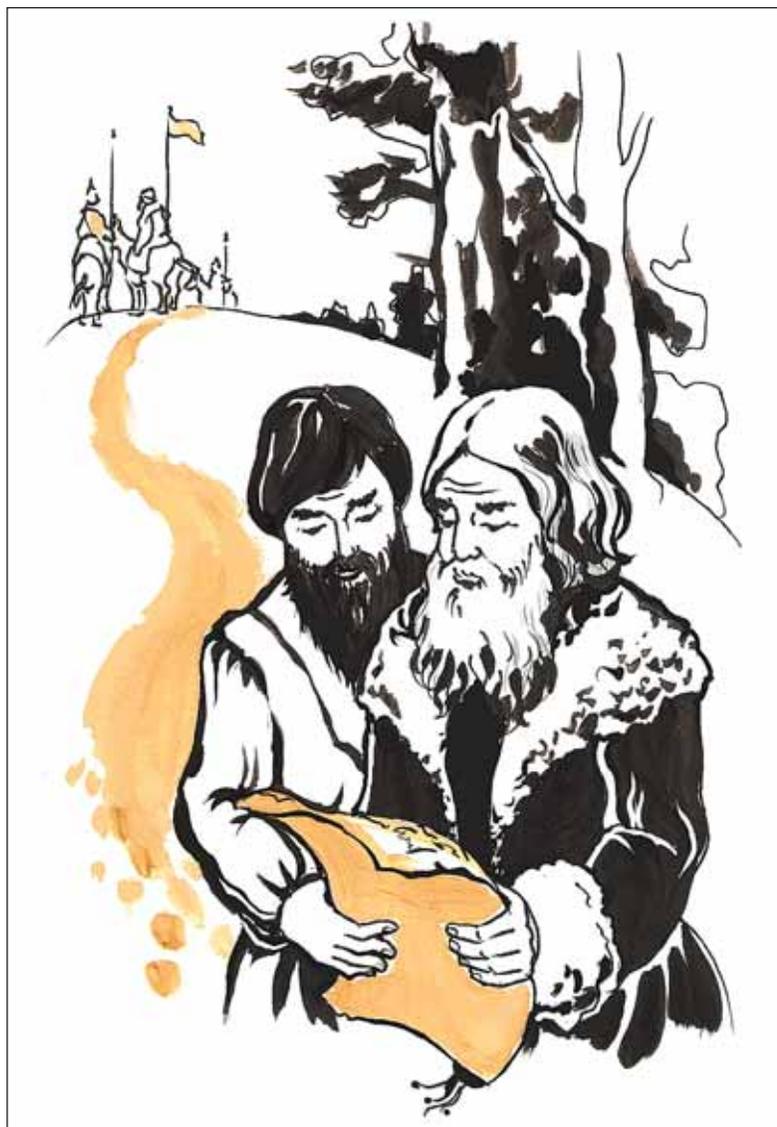
— В Чебоксары за солью, царь пожаловал.

— Да ты ведь не бунтовал и попов не вешал, даром казну разорять вздумал?

— Как не бунтовал? Вон и вожжи мои были; на них я повесил туванского попа с другими товарищами.

Разумеется, таких смельчаков солдаты брали и вязали им руки и ноги; иные — сознавались, что поехали за солью даром, не участвовали в бунте, а только смотрели, как вешают попов другие. Этих чувашей прогоняли обратно в село, и те скакали без оглядки, считая себя обманщиками царя.

Таким способом разведали, кто были главные зачинщики и кто пособники бунта. Привезли их в с. Тувань и перед собранием всех чувашей жестоко наказали батогами, да вдобавок натерли им спины лакомой приправой их кушанья — солью.

* * *

В селе Шатрашанах (Буинского уезда²) лежит казны — видимо-невидимо; тут клад — всемкладам отец. За рекой есть земляной вал, и в этом-то валу вырыт большой выход, который немного осыпался, а дверь в нем немного осела; поэтому можно видеть внутренность выхода в яркий солнечный день. На этот клад было письмо у старого шатрашанского мельника.

Шел раз по Шатрашанам прохожий, не то хворый, не то с разбитыми ногами; остановился он отдохнуть на мельнице и разговорился с мельником. Слово за слово, зашла речь о вале и о кладе; прохожий показал письмо мельнику, как взять этот знаменитый клад. На расспросы мельника, откуда достал прохожий это письмо, последний передал ему вот что.

Нанялся один странник бурлачить на Волгу, да и захворал на судне; его высадили на берег в Жигулевских горах. Побрел он по тропинке и сбился с пути.

Долго бродил он в лесу, наконец, наткнулся на другую тропинку, которая привела его к землянке. Думая, что это жилище угольщика, бурлак вошел в землянку, помолился Богу, поклонился хозяину — а тот был седенький старичок — и стал проситься ночевать у него.

— Пожалуй, ночуй, — говорит старичок, — только выдержишь ли ты; страху много будет.

— Ничего, дедушка, чего мне бояться! Только приюти от темной ночи, — сказал бурлак.

А сам раздумывает: если разбойники наедут, так у меня взять им нечего.

— Ну, Бог с тобой, — говорит старичок, — оставайся.

Бурлак лег спать, а старичок все молился Богу на коленях с усердием. Вдруг в полночь разбудил прохожего страшный свист, гам, крик; двери с шумом растворились, и целая стая гадов, змей ворвалась в землянку. Налетели они на старика и стали грызть его тело, рвать кожу и высасывать из него кровь. Но как только пропели петухи, стая удалилась, и все стихло. Бурлак был ни жив, ни мертв и, едва рассвело, начал собираться в путь. Старичок, который все время лежал на полу бледный, без движения, опомнился и стал говорить прохожему:

— Вот как мне суждено мучиться до скончания века; ведь я — Стенька Разин³. Если бы кто-нибудь достал мой клад в Шатрашанах, тогда бы я умер; тогда бы и все положенные мноюклады вышли наружу, а их одних главных — двенадцать. На всякий случай, вот возьми это письмо и попытайся: не удастся ли тебе как-нибудь достать этот клад.

У этого-то бурлака взял прохожий письмо и передал шатрашанскому мельнику. В письме было написано, как брать клад и какие страшные явления будут при этом: пройдут войска и звери страшные, ударят двенадцать громов, затрясется земля, приклонятся деревья и травы... Письмо гласило, что выход, в котором лежит шатрашанский клад, выложен обожженными дубовыми досками, и стоит в нем икона Божией Матери, а пред иконой горит неугасимая лампада. Прежде всего нужно взять икону, потом достать ружье, заряженное спрыг-травой, а стоит оно в выходе за дверью. Из ружья нужно выстрелить и сказать: «Стеньке Разину вечная память!». Тогда умрет Разин, потому что в этом ружье заряжена его смерть. В выходе хранятся ломы и заступы, которыми нужно рыть клад. Казны и драгоценностей в кладе так много, что хватит на всю Симбирскую губернию — в сорок лет не пропить и не проесть, а именно: сорок пудовок (мер) золота, два сундука жемчуга. В приписке к письму сказано, что там лежит еще четыре рубля меди брата Стенькина, Ивана; их раздать нищей братии.

Кому после смерти мельника досталось завешание Разина, предание не говорит и полагает, что оно, вероятно, затерялось или разорвалось: мельник просеивал на нем нюхательный табак.

Из книги П. И. Якушкина «Путевые письма»

Приехал царь Грозный в Новгород

Приехал царь Грозный в Новгород, пошел к Софии к обедне. Стоит царь Иван, Богу молится; только глядит: за иконой бумага видится. Он взял ту бумагу — и распалился гневом! А ту бумагу положили по насердкам (нарочно) духовники, а какая та была бумага — никто не знает. Как распалился Грозный-царь

— и велел народ рыть в Волхов. Царь Иван встал на башню, что на берегу налево, как от сада идешь на ту сторону; встал Грозный на башню, стали народ в Волхов рыть: возьмут двух, сложат спина со спиной, руки свяжут, да так в воду и бросят; как в воду, так и — на дно. Нарыли народа на двенадцать верст; там народ остановился, нейдет дальше, нельзя Грозному народ больше рыть! Послал он посмотреть за двенадцать верст вершников (всадников), отчего мертвый народ вниз нейдет. Прискакали вершники назад, говорят царю: «Мертвый народ стеной встал». — «Как тому быть? — закричал царь. — Давай коня!» Подали царю коня; царь сел на коня и поскакал за двенадцать верст. Смотрит: мертвый народ стоит стеной, дальше нейдет. В то самое времечко стало царя огнем палить: стал огонь из земли кругом Грозного выступать. Поскакал царь Иван Васильевич прочь, огонь за ним; он скачет дальше, огонь все кругом!..

С тех пор Волхов и не замерзает на том месте, где Грозный-царь народ рыл: со дна Волхова тот народ пышет... А где народ остановился за двенадцать верст, там Хутынский монастырь царь поставил...

Царь Грозный и крестьянский сын

Любил царь Грозный на охоту ездить за всякою птицею, за всяким зверем. Ездит он ездит, уморится и заедет к простому мужику отдохнуть в простую избу. Придет в избу, сядет в передний угол, покушает, чем Бог пошлет; а хозяевам прикажет непременно всякому свое дело делать. «Я, — скажет, — не хочу никому мешать». Приезжает он как-то раз к мужику отдохнуть, сел за стол, стал кушать. А у мужика был сынишка лет двух, а то и того не было, да такой мальчишка шустрый был! Бегал он по лавке, бегал, подбежал к царю да как хватит царя за бороду. Как прогневится царь! «Сказнись ему голову!» Приходит хозяин, отец того мальчика. «Прикажи слово сказать!» — «Коли умное слово скажешь, — говори, — кричит Грозный, — а глупое скажешь — и тебе голову сказню!» — «Зачем глупое говорить, царю надо умное говорить! Без вины ты хочешь моему сынишке голову сказнить!» — «Как без вины? Он меня за бороду схватил!» — «Это он сделал по своей несмышлености, оттого что он еще в младом возрасте. А вели ты, царь, принести чашу золота, а я нагрёбу чашу жара из печи; коли он хватится за золото, — значит, он в разуме, сказни его; а коли хватится за жар, — то он хватил тебя за бороду по своей несмышлености». — «Хорошо!» — говорит царь. Принесли царские слуги чашу золота, а мужик нагрёб из печи жару — угольев; поставили чаши на лавку, подвели младенца, тот и хватается за жар. «Вот видишь, царь», — говорит мужик. — «Вижу!» — говорит царь. — Спасибо, что ты меня от греха избавил; за это я твоего сына пожалую». Взял царь с собой мужицкого сына, вырастил его, а после и в большие чины его представил.

Ермак и ермаковцы

Этот самый Ермак — чего-чего он ни делал! Соберет, бывало, шайку, да не тайком, не втихомолку, а как есть при всем народе собирал себе товарищей. Пройдет, бывало, по станице да крикнет: «Казачи-атаманы! Есть ли здесь охотников идти со мною на Волгу рыбу ловить?». К нему, как комары на огонь, все и лезут! Соберет шайку — да и на Волгу! Там уж у них своя воля: без оброка ни одного судна не пропустит; раз бежало царское судно с царской казной — и тому спуску не дал: все дочиста обобрал! Царь и распалился гневом великим: «Подать, — говорит, — ко мне Ермака!». Только вышла у нашего царя война с каким-то другим

королем или султаном. Пошла баталия: бились, бились — видит наш царь: дело плохо, наша неустойка. Отколь ни возьмись — Ермак Тимофеевич: ясным соколом прилетел со своими товарищами, казаками-атаманами, на подмогу нашему царю. Да наскочил Ермак-то Тимофеевич с флангу, с боку то есть... Да как стал Ермак-то королевское войско лупить... Царское войско спереди, а Ермак сбоку, да и задку прихватил! Как со всех сторон обступили королевское войско, так всех и побили, ни одного живого не оставили, никого и в полон не брали, всех смерти предали! Кончилась баталия — царь и спрашивает: «Кто мне подмогу дал? Позвать того человека ко мне!». Позвали Ермака к царю. «Что ты есть за человек?» — спрашивает царь. — «Я, — говорит, — Ермак, ваше императорское величество». — «Тот Ермак, что мою царскую казну ограбил?» — спрашивает царь. — «Тот самый, ваше императорское величество». — «Та вина теперь тебе, Ермак, отпущена, — говорит царь, — только вперед не балуй! А теперь скажи ты мне: каким чином мне тебя пожаловать?» А Ермак ему: «Никакого чину мне не надобно, а пожалуйте нас, ваше императорское величество, всех донских казаков Тихим Доном». Царь и пожаловал нас, донцов, Тихим Доном, оттого мы и называемся донскими казаками, а по Ермаку Тимофеевичу — ермаковцами.

* * *

Вся Астрахань за Стеньку Разина встала, всю он Астрахань прельстил. Астраханцы, кому что надо, шли к Стеньке Разину: судиться ли, обижает ли кто, милости ли какой просить — все к Стеньке. Приходят астраханцы к Разину. «Что надо?» — спрашивает Разин. — «К твоей милости». — «Хорошо, что надо?» — «Да мы пришли насчет комара: сделай такую твою милость, заклани у нас комара, у нас просто житья нет!» — «Не заклану у вас комара, — объявил Стенька, — заклану у вас комара, у вас рыбы не будет». Так и не заклал.

*Подготовка текста и примечания
Игоря Николаевича Кузнецова*

Рисунки Елизаветы Михайловны Васильевой

---

¹Николай Яковлевич Аристов (1834–1882) — историк, публицист почвеннического направления. Много внимания уделял историческим преданиям, собранным им «в глубинах народной жизни». Павел Иванович Якушкин (1822–1872) — писатель-этнограф, собиратель народных песен, присловий, загадок, побасенок. Двоюродный брат декабриста И. Д. Якушкина. Изучая фольклор, странничал пешком под видом офени с коробом за плечами. В своей книге «Путевые письма» опубликовал многое из услышанного и уви-

денного в этих странствиях (Подробнее см.: Русский биографический словарь. Тома «Алексинский»–«Бестужев-Рюмин», «Яблоновский»–«Фомин». СПб., 1900, 1913).

²Тогда — Симбирской губернии, ныне на территории Татарстана.

³По другим преданиям, Стенька Разин прежде жил в Жигулевских горах, а теперь — далеко на острове морском. Разин все молится Богу, но умереть ему нельзя — слишком уж у него грехов много; столько, что его земля не принимает (*прим. Н. Я. Аристова*).

Иван Иванович Магер

Гипс, дерево, камень...

О «магическом реализме»
скульптора Дмитрия Антоновича Полякова

Скульптура на страницах «Московского журнала» достаточно редка, что и неудивительно: скульптор в художественном мире — «профессия» гораздо более редкая, чем живописец. Тем приятнее сегодняшняя встреча с произведениями заслуженного художника России скульптора Д. А. Полякова.

Родился он в 1930 году на Рязанщине. Окончил Московскую среднюю художественную школу (1952) и — с отличием — Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова (1958). С 1957 года активно участвует в выставках. Член Московского союза художников (1960). Работает в монументальной, декоративной, станковой скульптуре. Имеется ряд реализованных мемориальных его проектов в разных регионах страны; портрет А. С. Пушкина приобрел Литературный музей. Работы находятся в российских и зарубежных музейных собраниях, а также в частных коллекциях. В 2004—2005 годах по проекту Д. А. Полякова и в значительной мере на его средства в селе Матвеевка Старожиловского района Рязанской области построена часовня во имя мучеников бессреб-

*Дмитрий Антонович Поляков
в московской музыкальной школе № 30
возле выполненного им бюста
московского городского головы
Н. А. Алексеева (1852—1899),
чьё имя носит школа*

реников Космы и Дамиана.

В одной из рецензий, посвященных творчеству Дмитрия Антоновича, автор пишет, что оно заставляет вспоминать «лучшие образцы так называемого «магического реализма» латиноамериканского происхождения». Однако при этом «искусство Дмитрия Полякова удивляет в первую очередь именно аутентичным, самовитым, незаемным русским магизмом и мифизмом — перед нами рязанский по месту рождения и мировосприятия магический реалист, подобный своему земляку Сергею Есенину, но, в отличие от последнего, еще и однозначно ортодоксальный, православный в основных

предельно изощренных своих интенциях». И еще: «Дмитрий Антонович Поляков — рязанец до мозга костей. Вся Рязанская земля пропитана русской кровушкой и слезами русских матерей, чьих детей убивали и уводили в полон половцы и ордынцы; и прочувствованное осознание Поляковым предельной освященности и русскости этой бесконечно любимой им земли составляет один из важнейших узлов его искусства» (газета «Завтра». 2004. № 46).

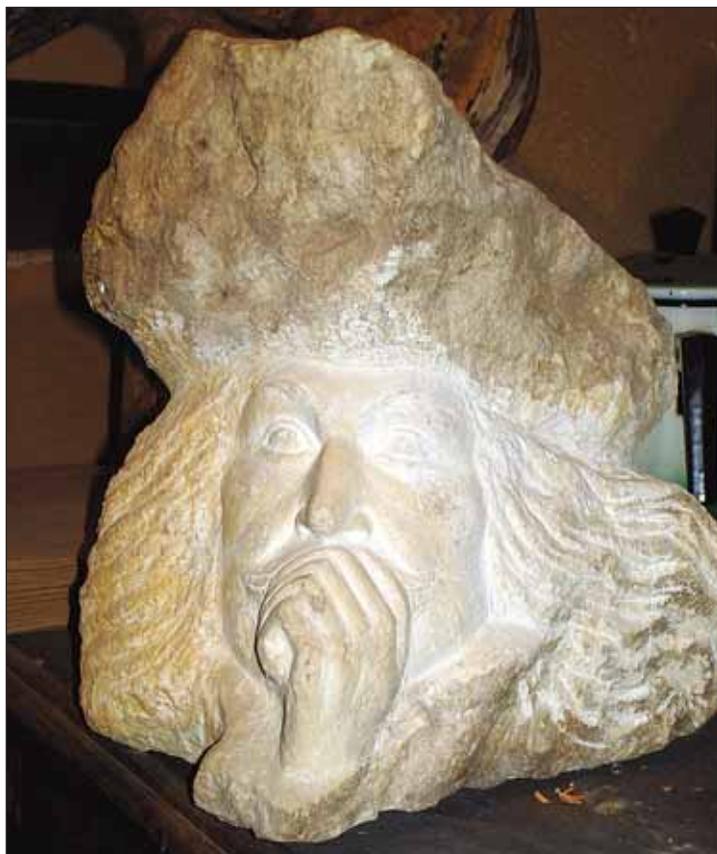
КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

В мастерской. Камни

*Древо жизни.
Дерево. 1992 год*

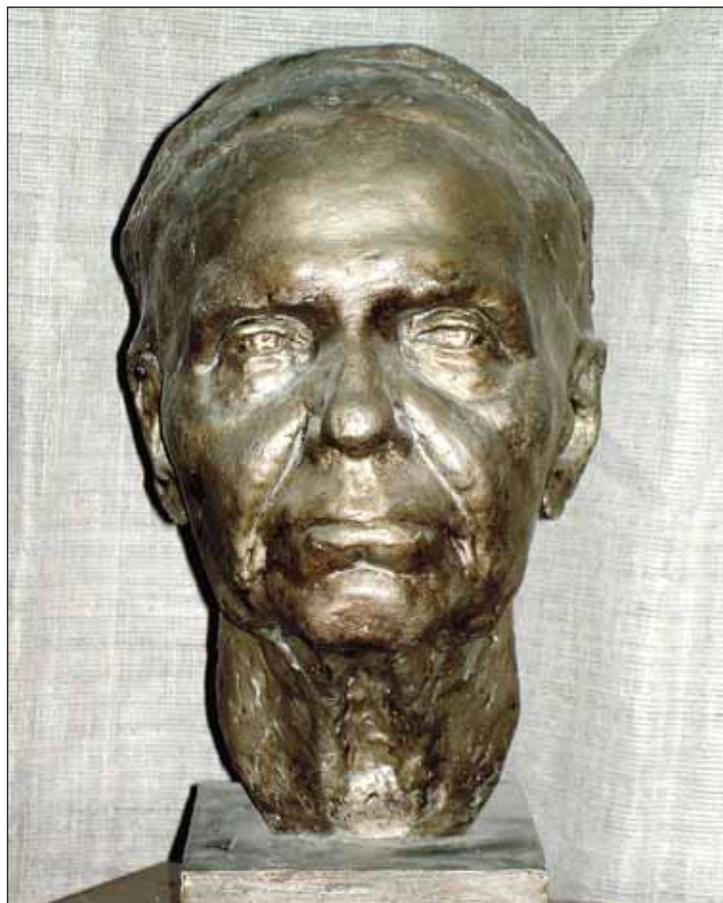

*Петр I.
Камень. 1994 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Мама.
Дерево. Конец 1980-х годов

Бабушка.
Гипс тонированный. 1952 год

Отец.
Гипс. 1993—1994 годы

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Автопортрет.
Дерево (не окончен)*

*Зимушка.
Мрамор. 1972 год*

*Нищий.
Дерево. 2004 год*

*Мать и дитя.
Дерево. 1992 год*

*Лесник.
Дерево. Начало 1960-х годов*

*Собака
Жози.
Дерево.
1988 год*

*Охотник.
Дерево.
1971 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

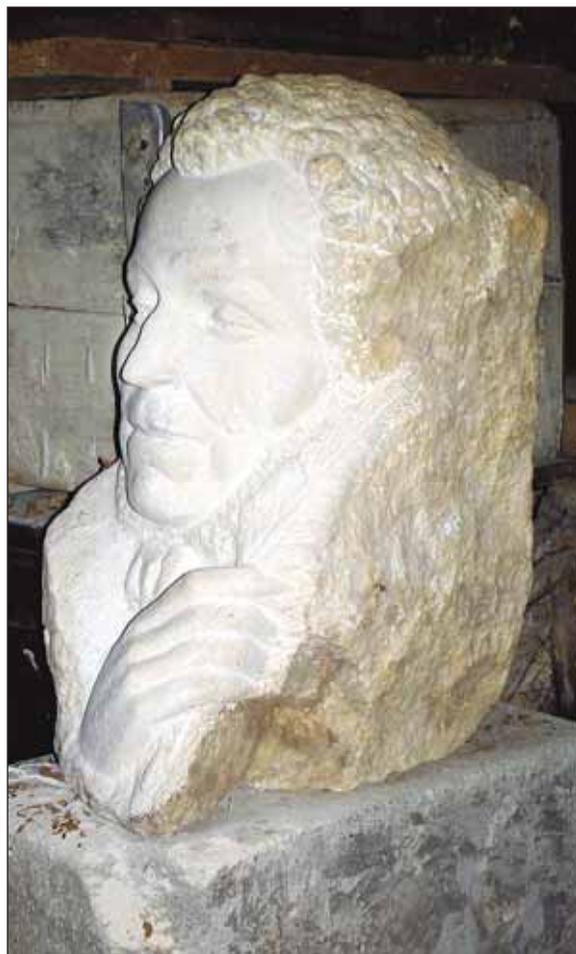
*Живи и помни.
Дерево. 1982 год*

*Маршал Жуков.
Пласталин. Конец 1980-х годов*

*Триптих. Куликово поле.
Дерево. 2001 год*

*Пушкин.
Известняк. 1991 год*

Татьяна Ивановна Тарасова

В духе московской живописной школы

О художнике
Владимире Зиновьевиче Чумаченко

В. З. Чумаченко родился в 1939 году в Москве. В 1950 году поступил в Московскую детскую художественную школу, где его учителем был Владимир Иванович Апанович — ученик П. П. Кончаловского. Окончил художественно-графический факультет Московского педагогического института имени В. И. Ленина (1964). В 1969 году был принят в Союз художников СССР. Неоднократный участник республиканских и все-союзных выставок, постоянный — выставок «Золотая кисть». Его работы находятся в частных коллекциях России и ряда зарубежных стран.

Творчество В. З. Чумаченко большей частью посвящено Москве, где он живет от рождения. Его пейзажи навеяны Замоскворечьем, Ста-

ровин, Кончаловский, Малявин, Рябушкин и так далее — отличается от других живописной мощью, особым колоритом и глубоко национальным звучанием. Все это, безусловно, повлияло и на мое творчество».

рым Арбатом и другими заповедными уголками столицы и передают веющий тут дух старины, несмотря на то, что многие исторические места Москвы существенно изменились, а иные и вовсе утратили свой изначальный облик. «Современную московскую архитектуру я не воспринимаю, — признается Владимир Зиновьевич. — Один из моих любимых художников прошлого — А. К. Саврасов, много вдохновения отдавший «Москве златоглавой» и Подмосковию. Вообще московская школа — Суриков, Серов, Ко-

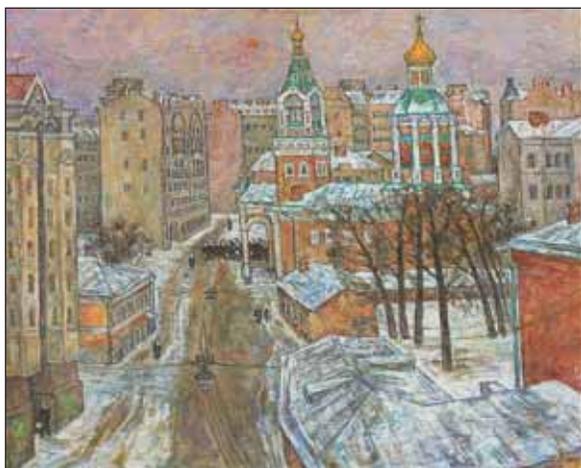
КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Мое Замоскворечье. Холст, масло. 2007 год

Дегтярный переулок, 6. Холст, масло. 2005 год

Обыденский переулок. Холст, масло. 2000 год

Кузнецкий мост. Холст, масло. 1980 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Пятницкая улица. Холст, масло. 2000 год

Столешников переулок. Холст, масло. 1995 год

ISSN 0868-7110

9 770868 711004

ИНДЕКС 73371

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**О том,
как был
окультурен
подсолнечник:
оказывается,
произошло
это в России**

**О русских естествоиспытателях — первопроходцах
Средней Азии Алексее Павловиче (1844–1873)
и Ольге Александровне (1845–1921) Федченко**